
ДОН 1200
10
ОСТСЕЛЬМАШ
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 35 АВГУСТ 1983

ФОТО НЕДЕЛИ

Чтобы коровы зимой наедались вволю, труженики молдавских сел работают сейчас не покладая рук. Механизаторы Криулянского района заготавливают впрок питание для скота энергично, организованно. Каждый день здесь производят по тысяче и более тонн кукурузной силосной массы, сена и других питательных кормов.

На снимке: М. Балану (в центре) вручают вымпел победителя социалистического соревнования.

Телефото Б. Капнина (ТАСС)

Как сообщают из Чада, Франция расширяет военное вмешательство в дела этой африканской страны — там находится уже 2500 французских солдат и офицеров.

На снимке: группа французских военнослужащих перед отправкой в Чад в одном из аэропортов в Бретани.

Телефото АП — ТАСС

Почти четверть века Герой Социалистического Труда П. Ф. Кулешов был директором московского завода «Станколит». Член КПСС с 1927 года, Петр Федорович все свои силы, знания, опыт отдавал порученному делу, родному коллективу. Старый директор-коммунист, выйдя на пенсию, остался работать инженером, возглавил заводской совет ветеранов партии и труда. Он был участником недавней встречи в ЦК КПСС с ветеранами партии.

На снимке: П. Ф. Кулешов беседует с рабочими модельного цеха.

Фото Г. Копосова

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 35 (2928)

27 АВГУСТА 1983

В НОМЕРЕ:

Во время беседы. Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС)

ПРИЕМ ТОВАРИЩЕМ Ю. В. АНДРОПОВЫМ ПРОФСОЮЗНОГО ДЕЯТЕЛЯ США

17 августа Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропов принял прибывшего в СССР во главе профсоюзной делегации по приглашению ВЦСПС и ЦК профсоюза рабочих тяжелого машиностроения СССР президента межнациональной ассоциации рабочих машиностроительной и аэрокосмической промышленности (США) и вице-президента американского профобъединения АФТ — КПП Уильяма Уинписингера.

У. Уинписингер вручил Ю. В. Андропову от имени рабочих — членов своего профсоюза приветственный адрес — металлическую пластину с выгравированным на ней изображением соединенных в рукопожатии двух рук, символизирующих США и СССР, и с надписью «В духе дружбы и стремления к прочному миру для всех людей земли».

Между У. Уинписингером и Ю. В. Андроповым состоялась теплая, дружественная беседа, в которой приняли участие председатель ВЦСПС С. А. Шалаев и помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров.

У. Уинписингер поблагодарил Ю. В. Андропова за обстоятельное изложение советской точки зрения по важным вопросам советско-американских отношений и борьбы за укрепление мира. Он дал высокую оценку усилиям Советского Союза, направленным на обуздание гонки вооружений и укрепление основ мирного сосуществования.

ПРИЕМ Ю. В. АНДРОПОВЫМ АМЕРИКАНСКИХ СЕНАТОРОВ

18 августа Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропов принял в Кремле американских сенаторов К. Пелла, Р. Лонга, П. Сэрбейнса, Д. Бамперса, П. Лихи, Дж. Сэссера, Д. Ригла, Г. Меценбаума, Д. Деконсини, прибывших в Советский Союз по приглашению Парламентской группы СССР.

В состоявшейся беседе Ю. В. Андропов охарактеризовал нынешнее состояние отношений между СССР и США как напряженное практически во всех областях. Такими они оказались не по выбору советской стороны. Советский Союз хотел бы иметь с Соединенными Штатами такой уровень согласия, который обеспечивал бы нормальные, стабильные, добрые отношения ко взаимной выгоде обеих сторон и к великой пользе для дела всеобщего мира. Если же кто-то рассчитывает в обстановке напряженности, в «игре без правил» добиться превосходства над СССР, то это опасный просчет.

В беседе приняли участие Председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР В. П. Рубен, первый заместитель министра иностранных дел СССР Г. М. Корниенко, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров и временный поверенный в делах США в СССР У. Зиммерман.

Во время приема. Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС)

Юрий КОРНИЛОВ,
политический
обозреватель ТАСС

ЗЕМЛЮ ОТ ПОЖАРА УБЕРЕЧЬ

На металлической пластине — соединенные в рукопожатии руки, символизирующие США и СССР. Надпись гласит: «В духе дружбы и стремления к прочному миру для всех людей земли». Так выглядит приветственный адрес, врученный товарищу Ю. В. Андропову видным профсоюзным деятелем США У. Уинписингером от имени американских трудящихся — членов межнациональной ассоциации рабочих машиностроительной и аэрокосмической промышленности. Вручая этот адрес, У. Уинписингер заявил, что трудящиеся США хотят прочного мира, что постоянное развитие и расширение контактов между профсоюзами, всеми трудящимися США и СССР — один из надежных путей к укреплению взаимопонимания, упрочению мира.

Советские люди всегда были сторонниками тесных связей между рабочими и вообще трудящимися наших стран. «Мы твердо убеждены, что при всем различии политических взглядов рабочие люди-всегда есть рабочие люди, и у них немало общих интересов»,— указал в ходе встречи с американским профсоюзным деятелем Ю. В. Андропов, особо подчеркнув, что сегодня этот общий интерес прежде всего состоит в том, чтобы отстоять мир, предотвратить катастрофу новой мировой войны. Да, защита мира — забота общая. Не может быть сомнений, что в укреплении разрядки, в утверждении в межгосударственных отношениях принципов мирного сосуществования в равной мере заинтересованы автомобилестроители Детройта и шахтеры Донбасса, фермеры Калифорнии и виноградари Грузии, металлурги Питсбурга и докеры Ленинграда. Где бы ни жили, где бы ни трудились рабочие люди — в Москве или в Нью-Йорке, в Киеве или Далласе, на берегах Волги или на берегах Миссисипи,— все они стремятся к тому, чтобы уберечь землю от всеуничтожающего ядерного пожара.

Не начинать гонки вооружений там, где ее не было, прекратить ее там, где она сейчас имеет место,— такова политическая формула, с чеканной точностью определяющая суть, основную направленность миролюбивой внешней политики СССР. Действуя в соответствии с этой формулой, Советский Союз выдвинул широкий комплекс масштабных, подлинно конструктивных внешнеполитических инициатив, направленных на то, чтобы положить конец форсированной материальной подготовке к войне. Наша страна решительно выступает за мир и безопасность в Европе, и если бы советские предложения были претворены в жизнь, общее количество ядерных средств средней дальности на европейском континенте сократилось бы как у СССР, так и на стороне НАТО примерно в три раза. Широкий международный резонанс вызвали предложения Советского Союза, направленные на то, чтобы предотвратить милитаризацию космоса, обязательство СССР не выводить первым в космическое пространство каких-либо видов противоспутникового оружия. Вместе с тем в беседе с американскими сенаторами Ю. В. Андропов отмечал, что необходима договоренность о полном запрете испытаний и развертывания любого оружия космического базирования для поражения объектов на Земле, в воздушном и космическом пространстве. Как известно, Советский Союз внес на рассмотрение предстоящей сессии ООН проект Договора о запрещении применения силы в космическом пространстве и из космоса в отношении Земли. Осуществление выдвигаемого Советским Союзом комплекса далеко идущих мер явилось бы крупным реально осязаемым вкладом в достижение ранее одобренной Организацией Объединенных Наций цели — использования космоса исключительно в мирных целях. Комментируя новые крупные инициативы, видные политические и общественные деятели разных стран, печать с полным основанием отмечают, что это — еще одна конкретная демонстрация доброй воли СССР, его решимости на деле укреплять мир и безопасность народов.

Сегодня ни для кого не секрет, в силу каких причин развитие мировых событий приобретает все более опасный характер. Империалистические круги США и НАТО, вознамерившиеся во что бы то ни стало взломать сложившийся примерный военно-стратегический паритет, вырваться вперед в военной области, дабы обеспечить себе доминирующее положение в мире,— вот кто несет прямую ответственность за то, что тенденциям к разрядке причинен значительный ущерб, а гонка вооружений переходит в качественно новую, намного более опасную фазу, охватывая все виды оружия, все формы военной деятельности, практически все районы планеты. Правящие круги США уже запустили в ход рассчитанный на пятилетие план «перевооружения Америки», на которое собираются бросить свыше полутора триллионов долларов; за пять лет в Вашингтоне планируют истратить на создание орудий уничтожения столько, сколько было израсходовано за два предыдущих десятилетия. Одна за другой провозглашаются в США милитаристские программы, разрабатываются все новые виды оружия — ракетно-ядерного и «обычного», лазерного и радиологического, химического и бактериологического; десять лет назад Пентагон имел за пределами США 323 военные базы, а ныне их число почти достигло 360... До гигантских, беспрецедентных масштабов разросся в США военно-промышленный комплекс, о котором бывший американский президент Д. Эйзенхауэр еще в 1961 году говорил так: «Его всеобъемлющее влияние — экономическое, политическое и даже духовное испытывают на себе каждый город, правительство каждого штата, каждое учреждение федерального правительства». Около 75 крупнейших американских монополий, сосредоточивших в своих руках основную массу заказов Пентагона и наживающих на военных поставках многомиллиардные, постоянно растущие барыши, оказывают все большее воздействие на формирование агрессивной внешней политики США, все больше подчиняют себе все звенья государственного аппарата.

Подсчитано: если в войнах XVII века в Европе погибло 3 миллиона человек, в войнах XVIII века — свыше 5 миллионов, в войнах XIX века — почти 6 миллионов, то в нашем столетии первая мировая война унесла около 10, а вторая — более 50 миллионов человеческих жизней. Но ведь и эта последняя страшная цифра относится к периоду, когда взрывы американских атомных бомб над Хиросимой и Нагасаки ознаменовали лишь самое начало «ядерной эры». Так куда же толкают мир те империалистические круги, которые, надеясь «переиграть историю», все стремительнее раскручивают спираль гонки ядерных вооружений, способных уничтожить все живое на земле?!

Все настойчивее и тверже проявляется ныне решимость народов дать отпор любителям милитаристских авантюр, покончить с политикой конфронтации, обеспечить сохранение мира, укрепление международной безопасности. Могучие волны антивоенного движения прокатываются по Европе, Азии, Америке — по всем континентам планеты. И в странах атлантического блока, где Вашингтон еще не так давно распоряжался, как хотел, все более бурно проявляются «инакомыслие», «непокорность» и нежелание автоматически подчиняться «атлантической дисциплине». Трезвомыслящие политические деятели, общественность, миллионы трудящихся Западной Европы все более отчетливо осознают, какими бедами может обернуться для их стран слепое следование в фарватере имперской гегемонистской политической линии США и НАТО, которые делают ставку на «ядерную дубинку», рассматривают европейский континент как полигон для «опробования» сконструированных в Вашингтоне каннибальских концепций «ограниченных», «предупредительных» и иных ядерных войн. Во имя преодоления опасного этапа в международных отношениях кладут на чашу весов мира весь свой международный авторитет, политический и экономический потенциал страны социализма, миролюбие которых определяется самой природой их общественного строя.

Состояние и перспективы советско-американских отношений всегда приковывали к себе самое пристальное внимание мировой общественности. И это закономерно: ведь речь идет о взаимоотношениях наиболее мощного социалистического государства с крупнейшей державой современного капитализма, речь идет о странах, на долю которых приходится чуть ли не половина мирового промышленного производства, которые контролируют львиную долю ракетно-ядерного потенциала. Речь идет, наконец, о двух постоянных членах Совета Безопасности ООН. Все это, разумеется, не дает СССР и США каких-либо дополнительных прав, однако налагает на них особую ответственность за судьбы всеобщего мира, за предотвращение войны. И если сейчас состояние отношений между СССР и США можно охарактеризовать как напряженное практически во всех областях, то такими они оказались не по выбору советской стороны. Не Москва, а Вашингтон взял курс на форсированную материальную подготовку к смертоносной ядерной дуэли, подогреваемый безответственными, агрессивными политическими заявлениями и действиями в духе пресловутой «холодной войны». Что можно сказать по этому поводу? Только одно: если кто-то рассчитывает в обстановке напряженности, в «игре без правил» добиться превосходства над СССР, то это опасный просчет.

Что же касается Советской страны, советских людей, то они сегодня, как и вчера, активно, целеустремленно борются за мир без войн, мир без оружия. В ходе недавней беседы с американскими сенаторами товарищ Ю. В. Андропов особо подчеркнул, что в области внешней политики СССР видит главную свою цель в упрочении мира и международной безопасности, в обеспечении спокойной жизни народов, прежде всего путем устранения угрозы ядерной войны. Наша страна будет и впредь действовать здесь настойчиво и последовательно, проявляя готовность к плодотворному взаимовыгодному сотрудничеству, к взаимодействию со всеми государствами, в том числе и с США.

активно, сознательно, творчески

В. Г. КОНОВАЛОВ,
бригадир,
лауреат
Государственной
премии СССР

Комплексная бригада, руководимая В. Г. Коноваловым (второй слева): А. В. Докучаев, В. Н. Каблучков, А. В. Шарашкин, В. Н. Везелев.

Фото Ю. Щенникова

РАБОЧЕЕ ВРЕМЯ—РАБОТЕ

Известный ленинградский рабочий В. Г. Коновалов сравнительно молод годами, но уже достиг многого: за выдающиеся достижения в труде получил Государственную премию СССР, коммунисты избрали его членом бюро Невского райкома КПСС, вот уже несколько лет он возглавляет одну из лучших в отрасли комплексную бригаду.

Владимир Георгиевич убежден, что своими успехами прежде всего он обязан коллективу производственного объединения «Звезда». Профессию шлифовщика выбрал в юности и ни разу не усомнился в верности избранного пути. Здесь, начав с азов, стал мастером высочайшей квалификации, владеющим пятью станочными специальностями, здесь сформировался как гражданин. Многое можно рассказать и о его бригаде, но вот всего лишь одна характерная деталь: за несколько лет удалось сократить ее численность с 16 до 7 человек. При ежегодном увеличении производительности труда, неизменно высоком качестве продукции. Давно изжитым явлением стали и нарушения дисциплины. Собственно, это и предопределило тему нашей беседы.

— Владимир Георгиевич, в опубликованном недавно постановлении ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС «Об усилении работы по укреплению социалистической дисциплины труда» и постановлении Совета Министров СССР и ВЦСПС «О дополнительных мерах по укреплению трудовой дисциплины» особо подчеркивается необходимость «активнее внедрять передовые формы организации и стимулирования труда, бригадный хозрасчет, оплату по конечным результатам и с применением коэффициента трудового участия». В чем, на ваш взгляд, преимущества бригадного подряда?

— В честности взаимоотношений между людьми. Они сами решили работать вместе, сами поставили перед собой высокие цели, а значит, сами выбрали трудности, которые неизбежно придется преодолевать. В бригаде каждый на виду. Тут не словчишь, не спрячешься за чью-то широкую спину. А коли кто и попытается, такое, особенно по молодости лет, иногда бывает, наказан будет немедленно. И материально, а главное, морально — упреки товарищей, высказанные в глаза, очень горьки, но и очень полезны.

Отчего так падает иногда престиж общецеховых собраний? Коегде как-то выработался «железный» церемониал: сначала отметят успехи передовиков, потом обратят внимание на еще имеющиеся недостатки и между делом помянут двух-трех пьяниц, которых и в зале-то нет. А затем принимаются обязательства: нынешний месяц завалили, выполнили план, скажем, на восемьдесят процентов, зато следующий постараемся и вытянем на сто один. За счет чего, почему, как? Об этом ни слова. Все ораторы высказались, можно расходиться по домам.

В бригаде такой формализм невозможен. Опоздал, напортачил — разговор требовательный, но справедливый не заставит себя ждать. Отстаем от графика? Тоже размышляем сообща: выясняем причины, прикидываем, как наверстать упущенное. Страсти нередко разгораются нешуточные, зато и польза делу явная.

Или взять такую деликатную тему, как распределение заработка, премий. Ведь до чего дошло: еще пять-шесть лет назад в цехе хоть списки вывешивались — кому за что и сколько причитается. А сейчас кассир к станку подбежит, попросит расписаться, сунет червонец и исчезнет. Причем ведомость прикроет так, чтобы ты, кроме своей, ничьей другой фамилии не увидал. И, глядишь, после такого «премирования» ползут по цеху слухи, множатся обиды: кого-то обошли, кого-то незаслуженно поощрили.

Надо ли говорить, что грамотное использование КТУ (коэффициент трудового участия) подобные ситуации исключает. Подчеркиваю — грамотное. А то ведь в погоне за количеством бригад кое-где и КТУ «упростили» до полного извращения его сути. И пока такой, ради галочки сформированный коллектив не рассыплется, вовсю действует самодеятельная бухгалтерия. Рабочие, не доверяя бригадирам, сами считают, кто сколько заработал, а мастера с бригадирами, в свою очередь, старательно подгоняют индивидуальную выработку каждого под КТУ.

И здесь формализм оказал плохую услугу, дискредитируя саму идею бригадного метода работы, основа которого — здоровый моральный микроклимат в коллективе. А о каком здоровом микроклимате может идти речь, если в коллективе не единомышленники, а случайно собранные люди, психологически неготовые трудиться сообща, предъявлять к себе повышенные требования. А одно лишь процентное благополучие бригадного «охвата» не даст производству ощутимого выигрыша. Казалось бы, у нас в объединении до семидесяти процентов рабочих трудятся в бригадах, но заметного выигрыша в производительности труда нет, и нарушителей дисциплины, увы, меньше не стало.

— Повышенная требовательность к себе появляется в результате осознанной работы человека над собой, стремления к жизни яркой, интересной. Ну а если такого стремления нет?

— Никому не хочется быть хуже других. Азарт соревнования заложен в человека природой. Не желая уступать, он волей-неволей тянется к лучшему и, познав вкус творчества, уже не удовлетворится прежней, лишенной этой изюминки жизнью.

Однако не будем забывать про мощный противовес азарту — лень, на которую природа, создавая человека, тоже не поскупилась. И если он видит, что можно прожить, не напрягаясь особо, что так живут многие, он, увы, избирает этот, необременительный для души ориентир.

И в детском саду и в школе нам неустанно твердят, что быть ленивым нельзя, нехорошо. Но вот мы вырастаем, приходим на завод и с удивлением (а кое-кто и с радостью) обнаруживаем, что лениться, оказывается, можно, а иногда просто и приходится: участок простаивает из-за нехватки металла, заготовок — делать нечего.

Вот так неразбериха, попустительство неорганизованности, плохому планированию исподволь формируют в сознании двойной стандарт дисциплины. Один для официальных речей администрации, другой, так сказать, для обихода. Был у нас на участке старший мастер — зоркий, как орел. Ни одно опоздание, выпивку, любое, даже мелкое нарушение не упустит, зафиксирует в своей записной книжке. А в конце месяца предъявит счет — или оставайся на вторую смену, помогай спасать план, либо обо всем, что заметил, доложу в цехком.

Плохо ли пьяницам да прогульщикам при такой системе? Живут вольготно и в деньгах не теряют — за сверхурочные оплата двойная. Более того, они вообще попадают в разряд людей... незаменимых. Попробуй-ка уговори нормально работающего человека

пожертвовать выходным даже ради повышенной оплаты. Он со встречными претензиями: мол, в начале месяца работой надо было обеспечивать, а не сейчас горячку пороть. И чего доброго — откажется. А нарушитель порядка и дисциплины свой грех хорошо знает и негласный уговор блюдет: «Мастер на твои проделки глаза закроет, зато и ты, любезный, не подведи, в трудную минуту выручи».

Выручит! О качестве, понятное дело, речи нет, зато количеством все довольны. Более того, и показатели дисциплины на уровне, благо сор из записной книжки мастера не вынесен, все шито-крыто до следующего аврала.

Но ведь вся эта механика известна в цехе каждому. И как потом тот же мастер или начальник участка, цеха могут, не пряча глаз, всерьез толковать на общем собрании о дисциплине? Легко представить, какой тяжелый нравственный урон приносит такая механика.

— Однако, согласитесь, не от хорошей жизни приходится потакать нарушителям...

— Разумеется. Беды, о которых я говорю, характерны не только для нашего объединения. Взять хотя бы проблему мастеров, ИТР. Ведь это воистину ключевые фигуры современного производства. А сколь низок порой оказывается их престиж! Чего далеко ходить за примерами. Вот я скоро окончу техникум. И, простите за нескромность, вроде бы по всем статьям подхожу на должность мастера: производство знаю, с людьми лажу, бригадирство дало некоторый навык управления. Однако в мастера не пойду ни за какие коврижки. Во-первых, это более чем двукратная потеря в зарплате, во-вторых, ком таких забот и обязанностей, что в пору за голову хвататься.

Однако вот были у нас три крепких мастера: В. Трегубов, Ю. Матвеев, Д. Засим. Молодые парни, только после института. Осмотрелись, впряглись, и три года участок беды не знал, план обеспечивали устойчиво. Прошло, однако, три года, и ребята задумались: ага, раз мы хорошие мастера, нам расти надо. В итоге один стал плохим заместителем начальника цеха, второй хорошим заместителем — и сейчас назначен начальником, и еще неизвестно, как он здесь потянет, а третий и вовсе ушел с завода.

Сколько таких примеров, когда люди, бывшие явно на своем месте, идут «в рост» из-за престижных соображений, покидая то место, где им, что называется, на роду быть написано. Более того, им эти многочисленные хлопоты, требующие хватки, предприимчивости, даже нравятся. Но вот зарплата, как они справедливо считают, явно не соответствует затрачиваемым усилиям.

Отсутствие четкой системы выдвижения руководителей по способностям, оплаты по труду приносит неисчислимые бедствия производству, поскольку именно голова задает работу рукам. В связи с этим мы, рабочие, с большой надеждой следим за экспериментом, начатым в соответствии с решением Совета Министров СССР конструкторско - технологическими службами объединений «Ижорский завод», «Ленинградский Металлический завод», «Невский завод», «Электросила» и «Ленинградский электромеханический завод». Суть эксперимента в том, чтобы поднять престиж квалифицированных инженеров, повысить их заинтересованность в достижении наилучших конечных результатов, увеличить эффективность труда.

Очень точно сказал на встрече в ЦК КПСС с ветеранами партии товарищ Ю. В. Андропов насчет того, что «кое-где истолковали призыв укреплять дисциплину лишь как неусыпный административный контроль за присутствием каждого на своем рабочем месте «от» и «до». Конечно, надо смотреть и за этим, наказывать прогульщиков. Но надо думать и о другом. А что человек будет делать на своем рабочем месте «от» и «до», как он загружен, как он справляется со своим заданием, созданы ли ему необходимые условия для производительного труда — о таких вопросах, а это — решающие вопросы, позаботились далеко не везде».

Скорейшего ответа на эти вопросы мы ждем от эксперимента, начатого конструкторско-технологическими службами ведущих ленинградских производственных объединений. Хотя и понимаем, что это лишь первый шаг.

— Немалое удивление испытываешь, когда доводится в разгар рабочего дня выходить с завода. Как в иной мир попадаешь. В цехе напряжение, сетование на нехватку рабочих рук, а на улице встречаешь молодых, бездельного вида парней.

— Знали бы вы, сколько у нас в бригаде переговорено на эту тему. Ведь что получается — мы рабочий класс, нам почет и уважение, но с нас и особый спрос, и, что ни год, строго спрашивают. Это естественно, жизнь не стоит на месте, и мы обязаны успевать за ней, работать и больше и лучше. Непонятно другое: почему по ту сторону проходной есть люди, которые вроде по иным законам живут?

Вокруг магазинов, пивных ларьков сутками толкутся лодыри, пьяницы. И в большинстве своем все где-то кем-то числятся, за тунеядство их привлечь не так-то просто. Кто же, с какой целью обеспечивает им это безмятежное винно-водочное существование?

На рынке лица другие — торговые. Но и там постоянно на одном и том же месте маячат молодые, здоровые граждане. Разве трудно административным органам разобраться в документах, уточнить, с какого такого бездонного приусадебного участка черпают свои явно нетрудовые доходы эти цветущего вида молодцы и молодицы.

Впрочем, бездельников хватает и по нашу сторону проходной. Бездельников, я бы сказал, официально зарегистрированных. Вот наша футбольная команда выступает на первенство города, и в ней, в частности, играет наш электромонтер В. Орлов. Все лето он на каких-то сборах. А в цехе днем с огнем ни одного электромонтера не сыщешь. В других подразделениях та же картина — человек числится заточником, наладчиком, получает не только зарплату, но и премии, а за что? За то, объясняют, что он нашу «честь» защищает на зеленом или каком ином поле. Ну кому это очковтирательство нужно? Равно как и липовая, на многих предприятиях, самодеятельность. Не удалась у иной выпускницы хореографического училища профессиональная судьба — глядь, она уже штамповщицей оформлена, хоть цеха и в глаза не видела. Зато, малость переквалифицировавшись, «барыню» лихо отплясывает. Сегодня на одном смотре, завтра на другом, а там, глядишь, и на гастроли поехала, и тоже лишь по кассовой ведомости будет «представлять» знакомый коллектив. Не хочу, конечно, огульно охаивать всю самодеятельность и любительский спорт, однако интересно, например, на чьих шеях сидят многочисленные футбольные клубы, скажем, неимоверно разросшейся второй лиги?

Нет уж, коли взялись наконец серьезно за дисциплину, давайте жить каждый за свой счет. Значишься рабочим — отдай работе все рабочее время без остатка, а уж потом, будут силы, иди петь, плясать или голы забивать.

Дисциплина — это цепочка со многими звеньями. И крепость каждого из них определяет наша партийная совесть, четкая гражданская позиция.

Беседу вел О. ПЕТРИЧЕНКО.

ПУСТЬ КРЕПНЕТ...

урожай-83

Литва в июле — как взлетающая птица. Золотыми крыльями кажутся поля на теплом ветру. Светло сияет рожь, жарко бронзовеет пшеница, белесой остью щетинится ячмень...

Если бы я не имела возможности в течение тридцати пяти лет, год за годом, видеть поля Литвы, наверное, тоже думала бы, как теперь думают те, кто не видел иного: какой, мол, тут исстари щедрый и хлебородный край! Но год за годом я наблюдала, как люди неутомимо сотворяли землю. До чего же те выкорчеванные корни кустарников, вывернутые валуны, разверстые магистральными канавами луга соответствовали выражению — «хаос мироздания»...

В 1976 году Юстинас Марцинкявичюс написал стихотворение «Литва»:

А ты в меня все словом, словом,
А ты в меня все хлебом, хлебом.
Пусть крепнет древо, под
которым
Ведутся мирные беседы.

Вот и все стихотворение. Как мало сказано, как много! Не знаю, совпало ли или сознательно написал Марцинкявичюс эти строки именно в том году, когда Литва впервые получила свой самый высокий урожай — 26,7 центнера с гектара. Но не мог поэт, сын своего народа, не видеть, не любить этих осеней, когда после весеннего «хаоса мироздания» с расчищенных и удобренных полей текли в подставленные жесткие ладони золотые потоки зерна.

Иногда мне кажется тоскливым сном середина лета 1948 года, когда я начинающей журналисткой пробиралась по раскисшим дорогам Литвы. Вдоль обочин с трудом просматривались затерявшиеся в сорняках жиденькие колосья... Может быть, случайностью могли быть те непогожие дни? Теперь иду проверить свои тогдашние ощущения, захожу к человеку, прошедшему вместе с литовской землей все ее беды и радости, от детских воспоминаний до неумолимой ответственности за каждый гектар,— к заместителю министра сельского хозяйства республики Стасису Василяускасу.

— Да нет, конечно, какая уж там случайность,— говорит он.— До Советской власти урожаи в Литве не превышали семи центнеров с гектара. Теперь они увеличились больше чем в три раза. И почти в три раза по сравнению с довоенным выросло в республике поголовье скота. После войны народу досталось 3,5 миллиона гектаров обрабатываемой земли — тощей и неурожайной. Вся она нуждалась в осушении, в нормальной агротехнике, в известковании, в удобрениях. Послевоенные пятилетки поставили сельское хозяйство Литвы на «три кита»: мелиорацию, механизацию, строительство. Сейчас почти три четверти угодий полноценны с точки зрения самых строгих требований. Мне в жизни пришлось пережить два больших торжества — праздник первого миллиона плодородных, созданных мелиораторами гектаров, и праздник второго, и вот уж третий миллион на подходе. Если всю нашу теперешнюю механизацию пересчитать на лошадиные силы, то каждый сельский работник вместо одной единоличной лошади имеет 35 лошадиных сил! О том, что земля наша постепенно и постоянно обогащается, скажут вам такие цифры роста урожаев: за 1961—1966 годы средний урожай был 10,4 центнера с гектара; за 1966—1976 — соответственно 19,7 центнера, а с 1976 по 1980-й уже лишь чуть меньше 23 центнеров.

— Каким будет нынешний хлеб?

— Трудным. Стебель всюду высокий и густой, местами есть полегания. Рискованно и неправильно предсказывать будущие центнеры, особенно у нас — здесь ведь во время уборки всегда идут дожди. Но вот сообщения из передовых хозяйств: они получают по тридцать центнеров озимого ячменя. Это — в Пасвальском, Каунасском, Капсукском районах...

Начиная с девятой пятилетки республика продавала зерно государству без задолженности. Скорее можно сказать: перевыполнение плана продажи зерна стало правилом. И в этом году уборка и продажа хлеба идут, как говорится, рука об руку — больше половины хлебов обмолочено, в закрома Родины поступает добротное зерно.

Тысячи новых сельских домов, ярких и удобных, сошли с конвейера Алитусского домостроительного комбината. Ожили заброшенные было старые крестьянские усадьбы: их темные бревенчатые стены словно свежими воротниками и манжетами украшены белыми ставнями и наличниками в национальном стиле. Вернулись в старые дома их молодые наследники и хозяева. Вновь и вновь звучат слова поэта:

Пусть крепнет древо, под
которым
Ведутся мирные беседы...

Н. ХРАБРОВА,
собкор «Огонька»

КАК РОЖДАЮТСЯ КОМБАЙНЫ

А. СОФРОНОВ
Фото А. МАСЛОВА

Вероятно, вместо данного названия можно было бы написать «Как рождаются машины». Но в статье речь пойдет конкретно о комбайнах, которые уже более пятидесяти лет выпускает завод «Ростсельмаш». Не о комбайне, а именно о комбайнах, ибо в самые последние годы родилась новая конструкция комбайна, по счету седьмая...

— Точно, седьмая? — спрашиваю я.

Генеральный директор Юрий Александрович Песков чуть морщит лоб:

— Да, седьмая... Выпускаемый у нас ныне комбайн называется СК-5 «Нива»... А до него был СК-4. Но вы же в курсе...

Да, я был «в курсе». И этим «курсом» была жизненная школа, школа опыта не только производства комбайнов, но и общего развития и роста нашей промышленности.

...Наверно, до последнего вздоха буду помнить я, когда ранним летним утром, после третьей смены, отработав всю ночь на своем фрезерном станке «Цинциннати», вместе с друзьями мы выкатывали из цеха последнюю машину в счет первого заказа на 1700 комбайнов.

Это было летом 1932 года. Пятьдесят один год тому назад. Тогда же на заводе я написал такие строки:

Мы машинами степи накормим,—
Будет день!
Этот день будет наш!
Мы заменим слово «Мак-Кормик»
Большевистским словом —
«Сельмаш».

И другие, о чуть более раннем времени:

А мы все вдаль:
мы землю вглубь копаем
Без экскаваторов еще
в степи рябой;
И где-то в чертежах
рождается комбайн
Советский,
до последней гайки
свой.

И еще:

...Пусть будет табель заводской
бессрочен
И вечен в сердце
заводской устав!
Я никогда не откажусь
от прав
Считать себя
пожизненно рабочим.

Да, не откажусь! Поэтому с такой жадностью хотелось мне и в жаркие июльские дни этого года, когда мы отмечали в Ростове и других городах области 90-летие со дня рождения Владимира Маяковского, повстречаться с ростсельмашевцами и подробнее узнать о новой конструкции комбайна, идущего на смену «Ниве» и получившего звонкое название «Дон»...

В центральных газетах 1 февраля нынешнего года было опубликовано сообщение о встрече Ю. В. Андропова с московскими станкостроителями. Генеральный секретарь ЦК КПСС посетил Московский станкостроительный завод имени Серго Орджоникидзе, побывал в цехах, в бригадах и на участках завода, говорил с рабочими и мастерами. Это были интереснейшие беседы, живой, откровенный диалог руководителя партии с рабочими и инженерно-техническими работниками завода. Затем в конференц-зале завода Юрий Владимирович Андропов встретился с представителями цехов и заводоуправления. После того как директор завода Н. С. Чикирев рассказал о работе завода и о тех обязательствах, которые завод принял после обсуждения решений XXVI съезда КПСС и ноябрьского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС, выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Ю. В. Андропов. Он сказал: «Хотел бы от имени Центрального Комитета партии выразить вам признательность за то, что вы вместе с другими московскими коллективами поддержали решения ноябрьского Пленума Центрального Комитета. Отрадно, что решения Пленума находят живой отклик во всех трудовых коллективах по всей стране. Значит, то, о чем говорилось на Пленуме, действительно затронуло интересы людей. Мы чувствуем единодушную поддержку советским рабочим классом решений партии, направленных на дальнейшее развитие экономики страны». В конце своего выступления Юрий Владимирович Андропов пожелал коллективу орджоникидзевцев успехов в труде и высказал уверенность в том, что завод свой долг выполнит с честью. Выступивший затем начальник сборочного цеха К. И. Мещанкин, рассказывая о выполнении планов, сказал: «Будем поставлять линии харьковскому заводу «Серп и молот» для двигателя комбайна «Дон-1500».

— Это, кстати говоря, очень нужная машина, которую ждет вся страна,— сказал Юрий Владимирович Андропов.

— Приложим все силы, чтобы свою задачу выполнить,— твердо пообещал начальник сборочного цеха Мещанкин.

Публикуя отчет о встрече Ю. В. Андропова с орджоникидзевцами, газета «Известия» в том же номере напечатала информацию своего ростовского корреспондента, в которой была процитирована телеграмма из песчанокопского колхоза «Путь Ленина»: «Дорогие ростсельмашевцы! Рады вам сообщить, что комбайнер, член ЦК КПСС, Герой Социалистического Труда Нина Васильевна Переверзева вашим новым комбайном «Дон-1500» в эту страду намолотила сорок семь тысяч центнеров зерна, кукурузы, проса и подсолнечника и заняла первое место в социалистическом соревновании уборочных звеньев».

Да, внушительна и красива эта машина — далекий потомок того комбайна, который июльским утром 1932 года мы выкатывали из цеха.

...И вот в конце июля этого года мы сидели в заводоуправлении, в кабинете Юрия Пескова. До этого вместе с ним посмотрели завод, комбайн «Дон-1500». Проходя по цехам, мы заметили другую машину, поменьше.

— Это «Дон-1200». Вторая базовая модель семейства «Дон».

— А Переверзева на обеих моделях работала?

— Да. И работает успешно... Наша газета «Ростсельмашевец» опубликовала интервью с Переверзевой. Познакомьтесь с ним.

Директор «Ростсельмаша» Ю. А. Песков.

Песков протянул мне газету. Вот текст этого интервью, опубликованного в «Ростсельмашевце» 19 июля.

«— Нина Васильевна, в нынешнем году вы пересели с комбайна «Дон-1500» на «Дон-1200». Чем вызван интерес к этой машине?

— В общем-то эти комбайны отличаются немногим. На «Доне-1200» меньше ширина молотилки, жатка захватом семь метров, двигатель мощностью 160 лошадиных сил и механические приводы. В остальном они копия друг друга. Младший брат «Дона», назовем его так, рассчитан на поля с не очень высокой урожайностью. У нас в колхозе в этом году большое количество полей урожайностью 20—30 центнеров с гектара. В этих условиях, видимо, нет нужды использовать высокопроизводительную машину, экономичнее иметь комбайн с пропускной способностью 7—8 килограммов хлебной массы в секунду и снизить расход горючего.

Кроме того, возникает вопрос: как показывают себя на поле новые комбайны других модификаций.

— А как вы сами ответите на этот вопрос?

— Начиная с жатки и кончая копнителем, все мне в машине нравится. На жатке две косы, улучшающие срез стеблей, сама она не качается, несмотря на свою большую ширину, хорошо копирует почву. В молотилке примечательно то, что значительно облегчен доступ ко всем механизмам при профилактике и ремонте. Увеличены по объему бункер, копнитель. Это ведь очень важно — засыпать в грузовик сразу полный кузов зерна, а не частями, эффективнее используется транспорт. Да и большие копны собирать удобнее.

Хорошо, что предусмотрены и дополнительные приспособления к комбайну. Например, приставка для уборки кукурузы. Ею можно убирать одновременно шесть рядов этой культуры, а «Нивой» — только четыре.

Но есть еще и замечания, над которыми ростсельмашевские конструкторы должны поработать в межсезонье.

— Какие именно?

— Нужно снижать общий вес машины и вес некоторых отдельных ее узлов...

— У вас уже большой опыт обслуживания комбайнов семейства «Дон». Могли бы вы назвать те резервы, которые дает в работе механизаторам новая машина?

— Их много. Комбайн легче в обслуживании. Лучше его тепловой режим. Нет забиваний барабана. Это резервы времени для нас при его эксплуатации. Герметизация узлов в очистке понижает просыпаемость зерна, да и дробление его в три-четыре раза меньше, чем у «Нивы». Я говорила уже про универсальность в уборке культур. Так вот, кроме колосовых, этой машиной можно убирать еще и просо, подсолнечник, горох, кукурузу, сорго и даже кормовые травы. Делать все это одним комбайном для нас, разумеется, более выгодно, чем заводить для каждого вида уборки новую технику. А недавно еще выявили, что увеличенный диаметр барабана помогает лучше сохраняться соломе.

— Что бы вы могли пожелать ростсельмашевцам?

— Продолжать работу в том же духе и в том же темпе. Если коллектив «Ростсельмаша» смог за три года создать такую машину, какой она является сейчас, то к 1986 году, уверена, «Дон» будет отвечать всем требованиям».

Пока я читал, Песков внимательно смотрел на меня. Я отложил газету.

— Ну, как? — спросил он.

— Очень убедительно. А откуда появилось название комбайна — «Дон»?

— Конкурс был объявлен... Много всяких предложений. До двух тысяч... Но остановились на «Доне». Нравится?

— Очень.

— Ко дню открытия XXVI съезда партии две машины, точнее, два макетных образца были направлены в Москву. Это большая честь для «Ростсельмаша»... Комбайны семейства «Дон» — новый этап в жизни завода. Решениями майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС, Продовольственной программой СССР придается первостепенное значение оснащению самой современной техникой всего уборочного конвейера в сельском хозяйстве. Это явится крупным источником увеличения производства зерна за счет сокращения его потерь при уборке. Кардинальная мера в этом направлении состоит в освоении в сжатые сроки выпуска высокопроизводительных комбайнов семейства «Дон».

— Прежде чем приступить к созданию новой машины,— продолжал Песков,— мы глубоко изучили опыт мирового комбайностроения с тем, чтобы сделать машины, отвечающие по своим параметрам лучшим мировым образцам. В этом году мы произвели сравнительные испытания с рядом зарубежных образцов и убедились, что комбайны «Дон» показывают лучшие результаты по пропускной способности и номинальной производительности, по дроблению зерна, полноте сбора урожая с гектара.— Песков снова пытливо посмотрел на меня.— Я хочу назвать несколько цифр. В них — суть. В этом сложном новом деле без цифр не обойтись.

— Пожалуйста, пожалуйста...

— Так вот. Испытания 1983 года на юге страны подтвердили правильность линии, выработанной конструкторами при создании новых машин. Подтверждены все параметры технического задания. Например, на Северо-Кавказской машинно-испытательной станции у комбайна «Дон-1500» пропускная способность составила 8,7 кг/с, а у «Дона-1200» — 6,9 при 5,5 кг/с у «Нивы». Номинальная производительность соответственно — 13,6, 10,0 и 6,8 тонны. Дробление зерна в 1,6 раза ниже эталона. Если в ходе испытаний и имелись отказы, то они были фрагментами дефектов изготовления или как доводочные отказы конструкции.— Песков прямо смотрит мне в глаза, словно хочет спросить, дошла ли до моего сознания эта алгебра.

— Есть ли в мире аналогичные конструкции? — спрашиваю я.

— Есть, конечно. Но комбайны семейства «Дон» более универсальны. Они убирают все зерновые культуры и незерновую часть урожая. Сейчас работаем над модификациями базовых моделей для уборки хлебов в Нечерноземной зоне страны, на крутых склонах, для уборки клещевины, над приспособлениями для сбора кукурузы, подсолнечника, сои и других культур.

Песков сообщал, казалось бы, обыденные факты... Но за всем этим скрывался творческий труд и поиск тысяч людей.

— «Ниву» мы выпускаем и еще будем выпускать. Но сейчас главное свое внимание уделяем повышению надежности и качества выпускаемых комбайнов. У нас разработан ряд конкретных мероприятий по совершенствованию конструкции, и прежде всего повышению надежности вариатора хода и моста ведущих колес. Думаем, что с помощью станкостроительных предприятий страны сумеем изготовить необходимое оборудование и в первом квартале 1984 года завершим модернизацию «Нивы».

Секретарь парткома А. Н. Котов.

После короткого молчания Юрий Александрович как-то по-иному произнес:

— Вам, наверно, как старому ростсельмашевцу небезынтересно будет знать и то, что одновременно с созданием конструкции мы усиленно развиваем производственные мощности, строим новые корпуса, цехи, ведем технологическую подготовку производства. Размах этой работы поистине огромный, какого еще не знала более чем полувековая история «Ростсельмаша». За короткий сравнительно срок мы должны построить, по существу, еще один завод, равный ныне существующему. Это третье рождение флагмана отечественного комбайностроения. Об этом убедительно говорит такая цифра: предстоит реконструировать и построить около 600 тысяч квадратных метров производственных площадей.

Освоение значительно более сложной машины потребует и значительного повышения уровня технологии и производства. Это, если хотите, реконструкция не только «Ростсельмаша», но и повышение технического уровня сотен предприятий тридцати одного министерства и ведомств, участвующих в создании комбайнов семейства «Дон».

— Готовы ли они к этому?

— Надеемся, что будут готовы вместе с нами. Выпуск принципиально новых машин потребует резкого повышения культуры производства, решительного изменения отношения к труду. Необходимо создать в объединении стабильный коллектив, обучить рабочих новых специальностей, позаботиться о таких условиях труда и быта, чтобы человек навсегда связал свою судьбу с «Ростсельмашем». Конечно, эти проблемы носят глубокий социальный характер не только для нас, но и для тружеников села. Работа механизатора на такой машине, как «Дон», требует высокой сознательности, отличной профессиональной подготовки. Да, да, отличной профессиональной подготовки! Готовить такие кадры на селе надо уже сейчас.

— Юрий Александрович, а если вернуться к истоку. Все же как вы пришли к мысли, что необходимо создать значительно более производительный комбайн? Сами дошли до этой мысли?

На этот раз Песков ответил сразу:

— Я был делегатом XXVI съезда... На съезде эта задача и была поставлена перед нами. Делом комбайностроителей было претворить ее в жизнь. Коллектив «Ростсельмаша» воспринял поручение партии как задачу, имеющую огромную политическую важность для всей страны, для советского народа. Учитывая это, коллективы ГСКБ объединения, производственных цехов с чувством высокой ответственности отнеслись к выполнению порученного им дела. Мы считаем, что настал такой день, когда мы можем сказать: «Сегодня у нас есть машина, в создание которой вложен огромный творческий труд многотысячного коллектива «Ростсельмаша». Не боюсь сказать, для завода это революция.

Шел уже одиннадцатый час вечера, когда мы попрощались с Песковым. Был выходной день. Завтра Песков с начальником ГСКБ Мещеряковым должны лететь в командировку.

Главный конструктор И. К. Мещеряков.

...Анатолий Николаевич Котов начинал свою жизнь на «Ростсельмаше» помощником мастера, мастером, начальником цеха, был директором завода-филиала. Пять лет назад, в 1978 году, его избрали секретарем парткома завода.

— Сейчас на заводе шесть с половиной тысяч коммунистов. А всего работает на «Ростсельмаше» около пятидесяти тысяч человек. Должен сказать, что новая машина уже заранее привлекла много людей. В некоторых цехах даже повесили детали, которые вскоре будут здесь изготавливать. В партком пришли ветераны завода с просьбой рассказать все о «Доне». Конечно, просьба была выполнена. Все мы связаны с теми, кто работает на опытных комбайнах. Дважды я был у Переверзевой. Она высказывала свои пожелания... Главная забота — это надежность и качество машины...

— Готовит ли завод кадры?

— Да, конечно... Уже сейчас начинаем готовить в ПТУ операторов, наладчиков новых автоматических линий. На «Ростсельмаш» поступит и уже начинает поступать новейшее оборудование... Приведу только одну цифру. В ближайшие 3—4 года в цехах будет дополнительно установлено 275 автоматизированных, поточно-механизированных линий, комплексов и много другого уникального прогрессивного оборудования. Мы будем связаны примерно с семьюстами смежниками.

— Не страшно?

— Нет, не страшно... Парторганизация завода готовится к такому новому этапу работы. Все не так просто... Все понимают. «Дон» — очень нужная машина. Это — движение жизни. Всех, например, интересует, как работает «Дон». Задают такие вопросы и на партсобраниях. Я видел, как на дороге возле поля, где убирала хлеб Переверзева, люди выходили из машины и смотрели на «Дон».

— А кто конструкторы?

— Главный конструктор Иван Киреевич Мещеряков... Сам заводчанин... Лауреат Государственной премии. Александр Распопов. Работал на других заданиях, но для себя собирал материалы о хлебоуборочных комбайнах. Словно чувствовал, предвидел... Еще Щуринов, Лебедев, Ященко, Иоффе... Все энтузиасты.. Готовы были внутренне... Сейчас на испытаниях тщательно проверяют свои решения...

— Хотя бы один пример.

— Слышали про дробление зерна?

— Еще бы.

— Кончик зерна отламывался. Сейчас сделали траекторию движения зерна минимальной. Количество дробленого зерна резко уменьшилось... Конечно, комбайн «Дон» стоит дороже своих собратьев, но зато производительность какая! Хлеба сколько прибавится! Тут некоторые должны бы без предвзятости относиться... Завод живет уже без сверхурочных смен... Раньше текучесть составляла 25 процентов. Сейчас — 11. В объединении около 900 бригад, более 60 процентов рабочих трудятся по бригадному подряду. Коллективы эти стабильны, в них крепкая дисциплина, высокая производительность труда...

— А как живут?

— Да вы же видите, сколько строится. Молодежи много. 47 процентов... Одних общежитий у нас более сорока... 34 детских сада... Строятся еще детсады. Или вы не видели?..

...Да нет, мы это все видели, когда путешествовали с Песковым по району, широко раскинувшемуся далеко вокруг основной территории завода. Готов к открытию профилакторий — прекрасно построенное здание для отдыха и лечения. Я спросил у Пескова:

— Сколько затратили на профилакторий?

— Все, что делается для людей, все окупится быстро и сторицей,— ответил генеральный директор. — Окупится!..

— Каждому из нас новая машина дорога, как свой ребенок,— говорил мне Анатолий Николаевич Котов.— Она нашенская, что называется, с пеленок. Это наша честь. Ведь новая машина!

...Да, действительно «Дон» — новая машина. Она еще в становлении. Ее еще испытывают...

Да, испытывают. Но испытывают не только наш новый комбайн «Дон». Проходят испытания неразрывные связи между поколениями, теперь уже более старшими и еще совсем молодыми, которые ныне продолжают строительство новой жизни.

На встрече ветеранов партии в ЦК КПСС выступил строгальщик завода «Ростсельмаш» П. К. Колесников, зачинатель движения многостаночников — из ударников коммунистического труда на Дону. Он сказал:

— Мне скоро будет уже 80, трудовой стаж превысил 60 лет, из них 52 года работаю на «Ростсельмаше». Скажу, что силы у меня есть, работу не собираюсь бросать и еще потружусь на родном заводе строгальщиком. Горжусь, что многие мои ученики продолжают мое дело.

В рядах ленинской партии состою уже полвека. И мне радостно видеть, как выросла наша партия, как велик ее авторитет во внутренних и международных делах, как верно служит она народу. Мы знаем: партия делает все, чтобы наша страна была еще крепче, а люди жили лучше. Политика партии — это наша, народная политика.

Строгальщик П. К. Колесников, тогда еще совсем молодой, был среди тех, кто стоял у колыбели первых советских комбайнов.

Нет, недаром жарким летним утром 1932 года выкатывали мы из цеха последнюю машину из первых 1700 комбайнов!

Мы уверены, что «Дон» успешно пройдет испытания. Для нас, старых сельмашевцев, эта машина как продолжение самой нашей жизни, которая идет не просто в борениях, но в вечном движении вперед.

Ольга НЕМИРОВСКАЯ

МИР ГРАФИКИ

Свое 225-летие Академия художеств СССР отметила тремя большими экспозициями: в Центральном выставочном зале были представлены программы — произведения на заданную тему, завершающие обучение, и современные дипломные работы выпускников; в залах на Кропоткинской показывали графику и мелкую пластику, в Третьяковской галерее — живопись и скульптуру.

Художников больше знают по живописным полотнам, менее известен рисунок, хотя для некоторых мастеров он стал если не единственной, то равноценной формой творческого существования. Скудными были бы наши представления, если бы мы не помнили виртуозный карандаш Кипренского, новаторские эскизы Александра Иванова, удивительные по проникновению в духовный мир рисованные портреты Валентина Серова, акварели Врубеля, пленяющие сказочной красотой, а если говорить о современных мастерах, то превосходную графику Дейнеки или листы Кукрыниксов — острохарактерные, яркие.

Главное впечатление от только что состоявшейся в Москве, в Академии художеств, выставки графики — атмосфера высокой художественной культуры, которая благоприятствует талантам и рождению произведений, ставших теперь классикой. Не устаешь восхищаться блистательным владением формой, линией, многообразием индивидуальностей, широтой исканий, стилей. Здесь можно было увидеть работы выдающихся мастеров прошлого века — Репина, Сурикова, Нестерова — и замечательных современных графиков, гравюры Фаворского, иллюстрации Шмаринова, Кибрика, рисунки Кустодиева, Сарьяна...

На цветных художественных вкладках «Огонька» в номерах 35, 36, 38 и 39 воспроизводятся некоторые произведения этой обширной экспозиции. Сегодня в журнале — творения Кипренского, Брюллова, А. Иванова и В. Серова.

...Павла Алексеевича Оленина Кипренский рисовал в 1813 году, когда тот только что оправился от тяжелой контузии. Художник знал его историю, знал, что он пошел в ополчение, храбро сражался и теперь тяжело переживал смерть брата, служившего вместе с ним в Семеновском полку и погибшего в Бородинском сражении. В портрете отважного юноши чувствуется это состояние, глубина и мягкость натуры, благородство. Плавная линия передает овал лица, округлые формы складок плаща, воротника, головного убора. Но вот на поверхность листа словно врывается динамичный косой штрих. Он стремительно скользит по диагонали, из правого верхнего угла вниз, и заполняет собой все оставшееся пространство. То ложится гуще, плотнее, то утончается, редеет, будто теснимый потоком света. Красочные пятна пастели плотью облекают черты. Изображение становится живым, подвижным... «Быстрый карандаш» мастера в небольшом рисунке создал целую повесть о человеке.

С легкой руки Ореста Кипренского станковое графическое искусство перестали считать чем-то второстепенным, вспомогательным; на выставках начали показывать рисунки, полагая их достойными внимания, самостоятельными произведениями.

...Брюллов артистично писал акварелью. В 1849 году на Мадейре он изобразил Мюссаров — почетного вольного общника российской Академии художеств и его супругу Эмилию, увидев их на верховой прогулке в окрестностях города, среди южной природы. Мелькнули породистые стати лошадей, от порывистого движения молодой женщины колыхнулось страусовое перо. Художник отметил горделивую осанку, изящество, тонкие черты, в которых почувствовал энергию и волю. Представил ее свободной, пылкой, независимой. «Удержать лучшее лица и облагородить его — вот настоящее дело портретиста»,— говорил он ученикам. «Всадники» — парадный портрет-картина со сложной композицией, сюжетной завязкой, пейзажем; в ней — гармония линий, воздушность, чистота и естественность тонов. Это произведение пронизано счастьем, уверенностью, жизненной силой. В последние годы жизни неизлечимо больной, обреченный художник не поддавался судьбе и писал вдохновенно...

В конце 1838 года в Риме Александр Иванов преподнес В. Жуковскому три рисунка, один из которых — «Жених, выбирающий серьги для невесты» — сделал специально по этому случаю. Восемь лет жизни в Риме помогли ему узнать здешний быт, характеры, нравы. И вот реалистически, достоверно он показывает уличную сценку, небольшой эпизод из жизни простых людей: смущенного деревенского парня, простодушную невесту-альбанку, ее опытную мамашу и солидного, исполненного важности торговца, достающего из витрины желанный подарок. Узкая городская улочка, две кумушки, что-то разглядывающие поодаль, высокое небо, ясный, сухой день... У художников только-только нарождался глубокий интерес к повседневному: расцвет бытового жанра был еще впереди. Но мастер «большого стиля» и здесь предвосхитил художественные искания своего века.

В то же время, что Брюллов и Иванов, работал чудесный мастер камерного портрета П. Ф. Соколов. Он был женат на младшей сестре Брюллова, и «великий Карл» много узнал у него о приемах, технике, о «секретах» акварели, которые Петр Федорович искал неустанно. Он не гнался за поверхностными эффектами, обращая внимание на своеобразие, жизнь души представшего перед ним человека. В его многочисленных творениях нас и теперь привлекают нежная прозрачность, свободный мазок и ювелирная точность исполнения. К тому же эти произведения — зачастую единственная возможность узнать, как выглядели его современники — те, чьи имена мы часто встречаем в литературе.

Три сына продолжили дело отца, но самым талантливым был старший — Петр. Художник рисовал бурлаков во всей безысходности их существования, делал иллюстрации к социальным поэмам Некрасова, к «Мертвым душам», зорко видел и показывал «оскудение дворянства», как говорил его друг, писатель Терпигорев — С. Атава. Общественные взгляды и произведения художника, прожившего долгую творческую жизнь, были близки демократической молодежи.

В портрете Терпигорева он отметил приверженность писателя идеям народничества, которые ощутимы и во внешнем облике. Яркая косоворотка, волосы, подстриженные в круг и расчесанные на прямой пробор, проницательный взгляд, целеустремленность, энергия. Портрет очень живописен — алым цветом рубахи на сочном, богатом оттенками сером фоне, своими звучными, интенсивными красками.

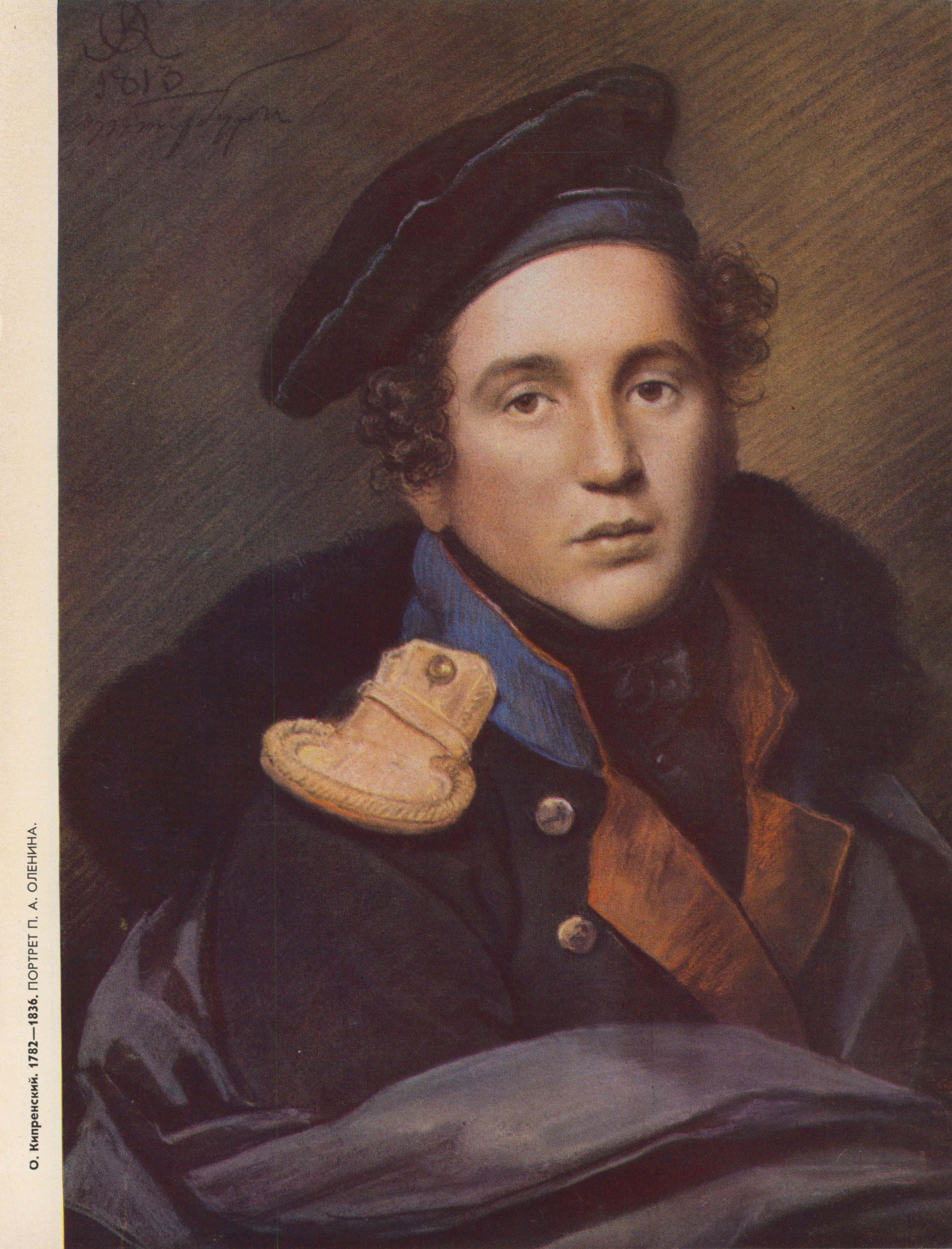
К концу прошлого века рисунок кистью стал особенно популярен среди художников. В 1887 году образовалось Общество акварелистов, которое стало регулярно устраивать выставки. Замечательный педагог П. П. Чистяков считал эту технику хорошей школой для художника. «Акварель,— утверждал он,— должна приучать глаз к точному цвету, руку — к верному и смелому мазку, а ум — к расчету и глубокому пониманию законов цвета».

...По поводу портретов Валентина Серова, особенно женских, виднейшие критики начала века говорили, что художник «нервной, тонко-психологической линией отмечает в женщине все ее склонности: все изысканное, утонченное, обыденное». И все сходились на том, что портреты «безукоризненно хороши».

Софью Михайловну Лукомскую он запечатлел дважды: в 1889 и 1900 годах. На вкладке представлен портрет 1900 года, заказанный художнику его хорошей знакомой З. Ратьковой-Рожновой, подругой Лукомской. Работа подходила к концу, как вдруг Серов порвал лист в клочья — непросто было передать душевное состояние сидевшей перед ним женщины, ее ранимость, искренность, глубину натуры. Но все же он написал ее и передал жизнь чувства — в легком повороте головы, в прекрасном взгляде темных глаз. Эта акварель — одна из лучших в наследии художника. После 1917 года З. Ратькова-Рожнова передала ее в дар Третьяковской галерее. И вместе с нею — «Вечерний звон» Левитана, один из портретов Венецианова...

Так же, как Серов, Василий Савинский занимался в Академии у Чистякова и был его любимым учеником. Рисовать — это рассуждать,— повторял знаменитый педагог,— рисовать формой, а не линией, избегать любования техникой, приемом. И в «Женском портрете с пестрой шалью» мы видим, как плодотворно воплощал Савинский эти заветы. Здесь красота строгих пропорций, оригинальность облика, изысканный цвет, темно синеющий в складках повязки и становящийся почти васильковым на стене.

Понятие и слово «графика», которым теперь мы широко пользуемся, ввели в обиход художники и критики «Мира искусства». Их интересовал рисунок сам по себе и его полиграфическое воспроизведение, принципы иллюстрирования, культура оформления книги и периодических изданий, поиск «волшебной линии». Мастерами, входившими в это объединение, были Александр Бенуа, Добужинский, Лансере, К. Сомов... Контур Сомова меткий, лаконичный и в то же время будто деликатный; художник намечает его карандашом, а акварель наносит сверху, не закрывая линию. В такой технике написано «Эхо прошедшего времени», одна из «уходящих усадеб». Затемненная зала, хрупкая, бледная женщина в кресле, восторженность и болезненность, напряженное ожидание. Все здесь — и сама она, и унылые серые колонны, некрашеный дощатый пол передней, простой переплет стеклянной двери, выхо-

О. Кипренский. 1782—1836. ПОРТРЕТ П. А. ОЛЕНИНА.

К. Брюллов. 1799—1852. ВСАДНИКИ.

дящий в осенний сад,— говорит о запустении, тоске, уединенности.

«Красота и привлекательность акварельной живописи заключаются в легкости и стремительности мазка, в быстром беге кисти, в прозрачности и яркости красок... В ней яснее и легче, чем в масляной живописи, отражается темперамент художника»,— писала Анна Петровна Остроумова-Лебедева в «Автобиографических записках». Прежде всех мастеров она осознала единство живописного и печатно-графического и воплотила это в цветных эстампах. Ее акварельные пейзажи — эскизы для гравюр на дереве. Серии «Больших Петербургов» и «Малых», архитектурные фрагменты северной столицы, ее перспективы и виды, части городского ансамбля... Всю жизнь она изображала свой любимый город и его окрестности. Кисть лаконично обобщала объемы, передавая их массивным красочным пятном, в котором закономерны, продуманы переходы — от плотного, насыщенного, к светлому. Это рождало ощущение беспредельности цвета, его богатства, способности, например, в комбинации зеленого и синего передать настроение дня, время суток...

«Учусь у В. А. Фаворского, прекрасного мастера»,— записал в автобиографическом очерке Александр Дейнека. Окончив полиграфический факультет Вхутемаса, мастер всю жизнь любил графику. Рисунки, иллюстрации, созданные им, и сейчас кажутся современными — столь неожиданно было то, что он делал.

Дейнека, Пименов, Андрей Гончаров — мастера известные и любимые в нашем искусстве. Они вместе учились и вместе в 1925 году составили основу ОСТа — Общества станковистов. Гончаров до конца дней оставался верным рыцарем гравюры, произведения Дейнеки восхищают монументальной значительностью, особо обостренным чувством ритмов эпохи, а работы Пименова — лирическим, поэтичным видением, непосредственной живостью впечатлений. Это ощущается и в акварельном листе «Маруся, пора обедать!». Как радовали художника строительные краны, взметнувшиеся над нашими городами после войны, с каким восторгом наблюдал он энтузиазм, бодрость работающих женщин! «Курносые и задорные, строгие и красивые лица... окрашены особой русской прелестью,— писал Юрий Иванович.— Складные движения их рук... полны сдержанной и зрелой грации». Высокое, чистое, спокойное небо, крепкие, ладные труженицы, уголок стройки, словно залитый солнцем,— гармония и счастье мирной жизни. Это произведение появилось в середине пятидесятых годов, а через несколько лет Пименов развил наметившуюся здесь идею в большом живописном цикле «Новые кварталы».

С тех пор как Карл Брюллов осуществил художественный путевой дневник, традиция работать в поездках акварелью прочно закрепилась, и многие мастера применяют эти водяные краски.

И теперь мы видим яркие, выразительные, полные движения и блеска листы П. Кончаловского, С. Герасимова, О. Верейского, Налбандяна... В них — меткий взгляд, острая характеристика, индивидуальная манера воплощения. Дейнека в зарубежных рисунках фиксировал то, что ему казалось особенно любопытным — по социальному контрасту, освещению, цветовому пятну,— или привлекало необычностью, как сценки, увиденные в итальянском квартале и парижском Тюильри. Монахи на римской улице, их обобщенно взятые силуэты, черные плоские шляпы кажутся приметой времени — шел 1935 год...

Николай Афанасьевич Пономарев давно талантливо работает в графике. Здесь его любимые техники — перо, тушь, гуашь. Лист «На рисовых полях», сделанный в 1957 году по вьетнамским наблюдениям, выполнен пастелью и гуашью, которые плотно ложатся на поверхность бумаги. Художник передал жемчужно-серую влажную дымку над залитыми водой полями, сиреневые холмы вдалеке, характерные очертания занятых своим делом крестьян в широкополых, как грибы, шляпах. В перламутровой монохромности солнечным пятном горит желтое плетение корзины. И на листе возникает небольшая поэма о жизни, природе, о стране.

«Венецианский мост» Таира Салахова — это впечатление от небольшого, отнюдь не парадного уголка Венеции. Угловатые линии пролета, темная зелень воды в канале, потеки влаги на стене. В небольшом этюде сохраняется живое чувство художника, уважение к славе города. В широком раскованном мазке, в колорите заметно благотворное влияние русской акварельной школы.

Еще один обширный, многомерный раздел графики, в котором часто неожиданно, интересно раскрываются уже сложившиеся таланты,— иллюстрирование, оформление книги. Русское и советское искусство знает здесь высочайшие достижения. В наше время в этом жанре великолепно работают Д. Шмаринов, Кукрыниксы — М. Куприяков, П. Крылов, Ник. Соколов. «Огонек» воспроизводит одну из иллюстраций А. Пластова к поэме Некрасова «Мороз, Красный нос» и фронтиспис С. Герасимова «Город Дремов» к «Делу Артамоновых» А. М. Горького. В зримых образах листы комментируют, являют слово писателя, изобразительными средствами воссоздают атмосферу литературного произведения, характер персонажей. В каждой акварели мы узнаем почерк мастеров, их художественные пристрастия.

Совсем иной пластический строй, изобразительный язык в иллюстрациях С. Кобуладзе к «Слову о полку Игореве». Чеканные формы, скульптурные объемы напоминают старинный барельеф, который показался автору наиболее подходящим для воплощения эпического величия «Слова».

Много можно говорить о шедеврах русской классики, о достижениях советских графиков, продолжающих лучшие традиции отечественного искусства. Можно назвать также имена Бисти, Кузминскиса, Ханджяна... Эта тема неисчерпаема, бесконечна, как безграничны возможности самого творчества.

В работах современных мастеров старшего поколения и в произведениях молодых отразились своеобразие эпохи, самобытность, непохожесть художников. Реалистический метод, созвездие ярких талантов сделали наше графическое искусство широко известным в мире.

среди книг

УСТРЕМЛЕННЫЕ В БУДУЩЕЕ

В личном архиве Волеслава Седых, много лет работавшего корреспондентом «Правды» во Франции, среди многих других документов бережно хранится и этот листок с размашистым почерком Жака Дюкло: «Великое дело, за которое сражались на баррикадах герои революции 18 марта 1871 года, одержало победу в исторической буре Октябрьской революции 1917 года. Французский и советский народы связаны давними чувствами дружбы, и трудящиеся нашей страны видят в торжестве социализма в Советском Союзе реванш за поражение Парижской Коммуны».

Эту запись в блокноте советского журналиста Жак Дюкло, один из руководителей Французской коммунистической партии во время фашистской оккупации, сделал на выставке-продаже марксистской книги, посвященной славному юбилею Парижской Коммуны. В течение трех дней на площади Бастилии проходили тогда встречи с видными деятелями коммунистического движения и известными литераторами, развернулась горячая дискуссия о преемственности революционных традиций. Ведь борьба за свободу каждого народа обогащается не только собственным национальным опытом, но и опытом борьбы народов и интернациональным вкладом демократов других стран.

В. Седых прекрасно знает историю освободительного движения Франции; в книге много ранее не публиковавшихся фактов, добытых, как говорится, из первых рук. Но главное — в книге есть и глубокое осмысление этих фактов, есть размышления о прошлом и настоящем, о том, каким будет наше завтра и что должны делать коммунисты сегодня, чтобы завтра были Мир, Свобода, Равенство и Братство.

«Размышления на площади Бастилии» — так называется эта книга. Размышления... Думается, В. Седых не случайно выбрал именно этот жанр, столь традиционный и характерный для французской литературы. И не только совершенно точно выбрал жанр, но и выдержал его законы. Читая взволнованный рассказ публициста о борьбе коммунистов и других левых сил Франции за социальный прогресс, за национальные интересы своего народа, за мир и международное сотрудничество, нам прежде всего запомнятся светлые образы коммунаров — Эжена Потье и русской революционерки Елизаветы Дмитриевой, Жюля Валлеса и поляка Ярослава Домбровского, Луизы Мишель и венгра Лео Франкеля.

Автору выпало счастье встречаться с Марселем Кашеном, Морисом Торезом, Бенуа Фрашоном, Жоржем Марше и другими руководителями и рядовыми борцами рабочего движения Франции.

Прочитайте эту книгу, и вы словно побываете на улице Мари-Роз, где почти три года жил Владимир Ильич Ленин; вместе с автором попадете в парижский пригород Монтрёй, где по инициативе Жака Дюкло создан музей «Живой истории». Здесь можно увидеть редчайшие рукописи Робеспьера, Марата, Сен-Жюста, подлинные документы революций 1830 и 1848 годов. Музей «Живой истории» еще раз напомнит о стойкости героев Парижской Коммуны и французского Сопротивления.

И, закрыв последнюю страницу «Размышлений...», вы вновь ощутите, как «чеканные строки «Марсельезы» — «Мы памятью отцов горды» — как бы сливаются с мощным призывом «Интернационала»: «Мы наш, мы новый мир построим».

Марина СЕРГЕЕВА

В. Седых. Размышления на площади Бастилии. М., Политиздат, 303 с.

огонек выступил. что сделано?

ЛЕС ИЩЕТ ХОЗЯИНА

В журнале «Огонек» (№ 14, 1983 год) было опубликовано письмо кандидата биологических наук Г. Свиридонова, в котором автор выражал озабоченность судьбой наших кедровых лесов. Полвека назад кедровые леса сплошь покрывали сопки в Приморском и Хабаровском краях, богатство это казалось неистощимым. В настоящее время положение складывается довольно тревожное: кедровые леса требуют неустанной заботы и внимания.

Редакция получила письмо, подписанное заместителем министра лесного хозяйства РСФСР П. Ф. Барсуковым. Он пишет: «Рассмотрев статью "Лес ищет хозяина", Минлесхоз сообщает, что министерством проведена работа по выделению орехопромысловых зон в кедровых лесах. На 1 января 1983 года орехопромысловые зоны составляют 11,35 миллиона гектаров (28 процентов от общей площади кедровых лесов). В этих лесах должны проводиться только рубки ухода и санитарные рубки, строительство дорог и троп, вестись их обустройство».

Далее заместитель министра сообщает: «...В целях расширения указанных работ и повышения их качества Минлесхоз РСФСР издан приказ от 27 мая 1983 г., которым предусмотрены увеличение объемов рубок ухода, посадки лесных культур в 1983—1990 годах и доведены конкретные задания до министерств лесного хозяйства автономных республик и управлений лесного хозяйства.

Автор указанной статьи правильно ставит вопрос о том, как важно обеспечить уход за кедровыми лесами и закрепить отдельные участки за промышленными предприятиями и организациями, учебными заведениями, школьными лесничествами.

В настоящее время Минлесхоз РСФСР изучается вопрос о формах более широкого привлечения к этому делу промышленных предприятий, организаций и общественности».

НО КАЖДЫЙ ГОД МЫ В СВОЙ ПРИХОДИМ КЛАСС

З. КРЯКВИНА, фото Г. КОПОСОВА, специальные корреспонденты «Огонька»

В школу собираются сестры Гламоздины — первоклассница Ира и семиклассница Оля.

Августовский солнечный день пронизывал бегущие навстречу кудрявые березы и темно-зеленые ели. Сразу за поворотом открылось вдруг льняное поле. Величественно и плавно движутся три темно-красные махины, срезают у самой земли длинные ножки — стебли и бережно укладывают в валки звенящие колокольчики. Прямо за комбайнами, без всякой боязни, степенно вышагивают и ловко подбирают лягушек красивые черно-белые птицы — это целое семейство аистов.

Показался Демидов — старинный русский городок, в прошлом Поречье. Когда-то белобандиты зверски расправились здесь с председателем укома партии Яковом Ермолаевичем Демидовым. В память о верном сыне ленинской партии и назван город.

Школа, куда мы едем, видна издалека. Светлое трехэтажное, выстроенное чуть на взгорье здание хорошо просматривается отовсюду, уютно вписываясь в городские улицы. Почти вровень с крышей вымахали березы и сосны, кольцом окружив просторный двор. За воротами — по обе стороны широкой аллеи — буйно разросся шиповник: крупные ягоды горят, словно угольки. Фиолетовыми, розовыми, белыми пятнами бушуют флоксы, тянутся к солнцу мохнатые астры, сладко пахнут маттиолы.

Радушно встречает нас директор Михаил Иосифович Чебанюк, приглашает отдохнуть с дороги. Но нам не терпится посмотреть школу, огород, что вырастили ребята, лошадей и, не удивляйтесь, настоящую свиноферму в миниатюре. О замечательных делах местных школьников мы узнали в областном отделе народного образования в Смоленске.

В средней школе № 2 семьсот учеников. Мы прошлись по всем классам, хорошо оснащенным пособиями, по кабинетам и лабораториям. Есть библиотека, актовый и спортивный залы. Слесарная и столярная мастерские. Просторная столовая с кухней.

В школе уже как-то по-особому уютно и празднично, несмотря на то, что до начала учебного года всего несколько дней. Наверное, оттого, что столы, двери, стены и даже лестницы выкрашены в светлые тона. Спрашиваю директора, не боится ли он светлой краски, ведь ребятишки — народ озорной. «Да что вы?— искренне удивляется Михаил Иосифович.— Видите вот эти парты? Прошло три года, как их красили в последний раз,— а они будто новенькие. В школе забыли о разбитых окнах, поломанных стульях. Дети привыкли убирать за собой, беречь труд других».

Гордость школы — подсобное хозяйство. Стоят в гараже отлаженные трактора, комбайн, другие машины, автобус. В самом дальнем углу двора — свиноферма. Недавно здесь получено потомство. Свиноматка принесла одиннадцать поросят. «Заведует» фермой на общественных началах Павел Иванович Попов. Всю жизнь был животноводом, сейчас на пенсии, вместе с женой Анной Тимофеевной взяли на попечение свиней, двух лошадей с жеребенком.

— Ребятишки любят животных,— говорит Павел Иванович.— Иные за добрый час до уроков бегут на лошадей взглянуть, если надо — почистить, покормить.

Свиней приобрели пять лет назад. Кормили отходами из школьной столовой. Когда поголовье возросло, стали заготавливать картофель и корнеплоды. Сегодня школа производит две тонны мяса в год. Это дополнительные четыре тысячи рублей.

Наше государство денег, как известно, на образование не жалеет. Но в этой средней школе рассудили по-своему: стоит ли постоянно запускать руку в государственный карман, если многое можно сделать на заработанные своим трудом средства? Судите сами — школа имеет дополнительно к бюджету еще 10—15 тысяч рублей в год. Деньги идут на технические средства обучения, улучшение спортивной базы, материальную помощь многодетным семьям, походы, экскурсии...

Каким же образом ребята зарабатывают столько денег? Михаил Иосифович рассказывает:

— У нас хорошая учебно-производственная бригада. В прошлом году ребята вырастили и собрали семьсот тонн корнеплодов, столько же картофеля, 35 тонн черноплодной рябины, подвязали 280 тонн льносоломки. Бригада награждена Дипломом второй степени Всесоюзного штаба летней трудовой четверти. На лето ученики выезжают в лагерь труда и отдыха «Юность» и тоже зарабатывают немалые деньги. Дает доход и школьный огород.

— А родители? Как относятся они к тому, что детям приходится порой задерживаться в школе, по выходным дням спозаранку мчаться на пришкольный участок или работать в учебно-производственной бригаде?

— Время, когда родители в штыки встречали работу школьников в поле и на ферме, давно миновало. Теперь они поняли, сколько пользы это приносит, сколько прибавляет сил и здоровья. Есть еще, конечно, сердобольные мамаши, которые считают, что их чадо после учебы должно только отдыхать, но, к счастью, таких немного.

В кабинет Михаила Иосифовича с радостной вестью входит завуч Ирина Ивановна Зюзикова. Выпускница школы Лена Лосева стала студенткой Московского института инженеров сельскохозяйственного производства, а Сергей Бабкин поступил в институт физкультуры в Смоленске. Всего в школе восемьдесят выпускников. Выбор они сделали разный, но восемь человек по направлениям колхозов и совхозов будут учиться в Смоленском филиале Тимирязевской сельскохозяйственной академии. Многие пошли в свои демидовские учебные заведения — совхоз-техникум, СПТУ и ГПТУ. Есть и такие, что пожелали сразу трудиться в сельском хозяйстве.

— Давайте завтра поутру съездим посмотрим, как работают наши выпускники,— предложил директор.

...Машинный двор объединения «Райсельхозхимия». Один за другим выезжают за ворота трактористы. Готовятся в путь и два друга — Олег Калиненко и Геннадий Турков.

— Ребята, что побудило вас после школы сесть за руль трактора?

— Да я с седьмого класса в поле — нравится мне с машиной дело иметь. Любовь к технике у меня по наследству. Отец — слесарь, брат — шофер, мама тоже работает здесь же, в объединении,— отвечает Олег.

А Геннадий добавляет:

— Специальность мы в школе приобрели. Получили удостоверения тракториста-машиниста третьего класса. Практическими навыками в учебно-производственной бригаде овладели. Кстати, председатель объединения Виктор Григорьевич Асташенков относится к нам, так сказать, по-родственному — он тоже оканчивал нашу школу.

Обгоняем трактор МТЗ-50. Водитель приветствует нас сиреной. Михаил Иосифович помахал ответно рукой, а потом, обернувшись к нам, с нескрываемой гордостью сообщает:

— Игорь Бахов. Тоже из последнего выпуска. Трудится в дорожно-строительном управлении.

Вовсю кипит работа на поле, где вызрел северный шелк. С начала августа в области объявлена операция «Лен-83», посвященная 40-летию освобождения Смоленщины от немецко-фашистских захватчиков. Ребята Демидовской средней школы поддержали патриотический почин. Сноровисто вяжут легонькие снопики мальчишки и девчонки. Свои нормы перекрывают вдвое.

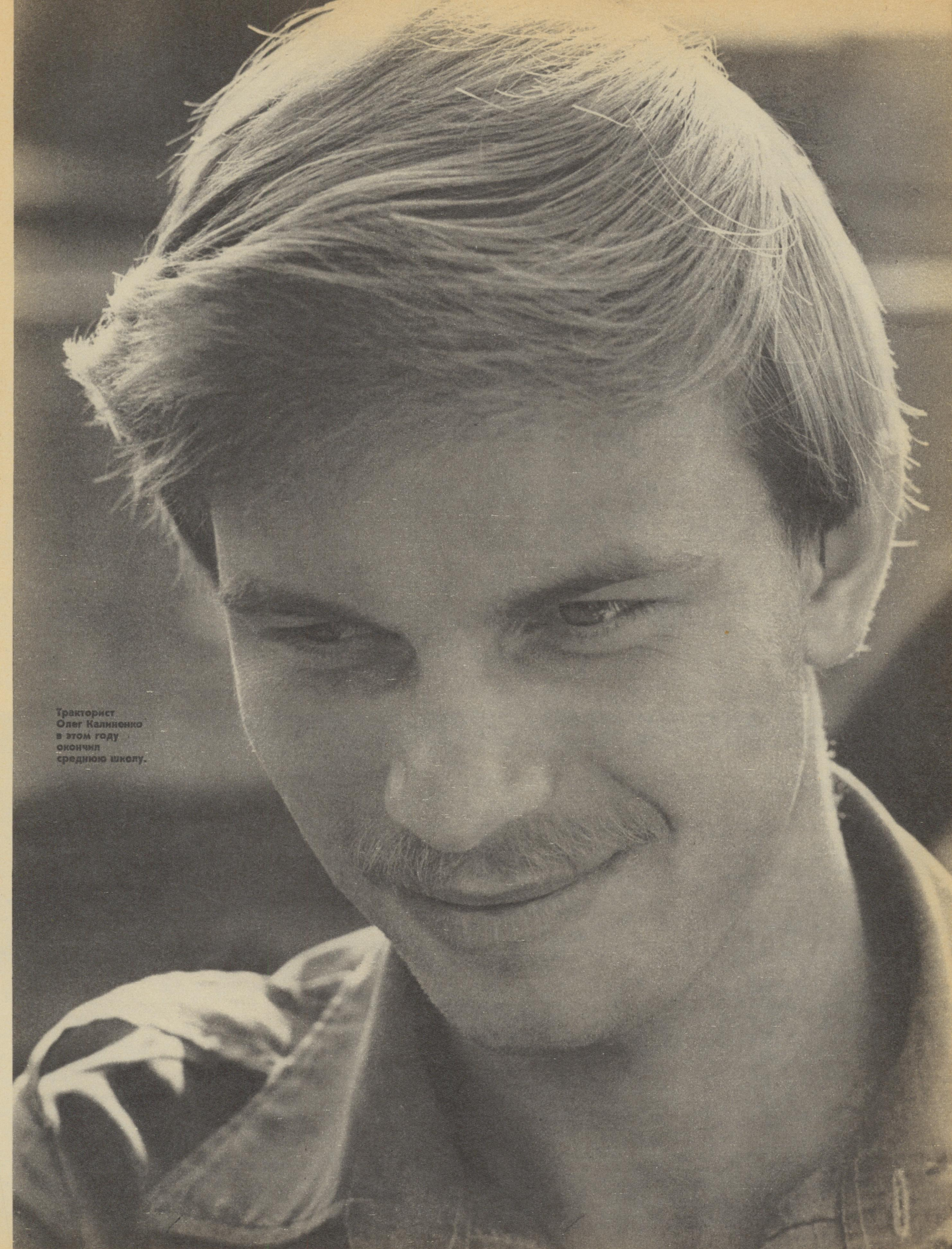
К нам подходит Олег Сергеевич Макаров, главный агроном колхоза «Ленинское знамя».

— На ловца и зверь бежит,— шутливо приветствует его директор.— Тоже ведь наш бывший ученик. Ну, как успехи?

— Да удался вроде лен. Но не буду опережать события, кончим уборку — видно будет.

— На селе остается все больше наших школьников. Четвертая часть каждого выпуска оседает на земле отцов,— с удовлетворением констатирует Михаил Иосифович.

...В школе оживленно — здесь готовятся к первому сентября. Заходят учителя, чаще забегают ученики. В кабинете природоведения я

Тракторист
Олег Калиненко
в этом году
окончил
среднюю школу.

Уроки природоведения ведет Ольга Ивановна Клименкова.

Аисты на полях.

познакомилась с Ольгой Ивановной Клименковой. Третьеклассники поливали цветы, а сама учительница перебирала наглядные пособия. Почти все они сделаны ее руками. Тридцать три года отработала Ольга Ивановна в сельской школе. По образованию она биолог, но всю жизнь учит начальные классы. Почему? Сама Ольга Ивановна считает, что работать с маленькими интереснее.

— Все начинается с детства — любовь к родной земле, своему селу, Родине,— говорит она.— И именно первый учитель призван научить детей радоваться синеве летнего неба, пению птиц и журчанию ручья, широте бескрайнего хлебного поля.

Она как-то особенно умеет ладить с мальчишками и девчонками, и малыши отвечают ей трогательным вниманием. «Принес однажды второклассник Юра Дьяконов пирог,— рассказывает учительница,— развернул и говорит: — Покушайте, пожалуйста, пирожка ржаного с картошечкой, очень мама вкусно печет...»

В этой школе вообще на редкость стабильный и дружный педагогический коллектив. Большинство работает здесь более двадцати лет, а среди молодых учителей преобладают выпускники своей школы. Это учительница географии Зинаида Владимировна Дроздова, преподаватели иностранного языка Светлана Тимофеевна Гапонченкова и Светлана Николаевна Лукашевич, мастер производственного обучения Николай Владимирович Циганков, организатор внеклассной школьной работы Ольга Васильевна Афанасьева, сестры Кудиновы — биолог Нина Александровна и учительница начальных классов Ольга Александровна, и другие. Это ли не достойный для ребят пример верности родному селу, родной земле!

...Пройдет еще несколько дней, и ребята сядут за парты, в том числе и семьдесят пять первоклассников. Для них все будет в этой школе впервые: первый класс, первый учитель, первая пятерка или — чего не бывает! — первая двойка. Сядут за парты десятиклассники — два выпускных класса, для которых этот учебный год в знакомых стенах последний. Многие из них в будущем обязательно свяжут свою жизнь с родным селом.

гор. Демидов Смоленской области.

У озера Демидовского района.

Недостатки в планировании, материально-техническом снабжении, организации производства приводят к простоям и штурмовщине, сверхурочным работам, к невыполнению плановых заданий и обязательств, отражаются на дисциплине и, в конечном счете,— на темпах роста производительности труда.

Из «постановления ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС «Об усилении работы по укреплению социалистической дисциплины труда».

Толкачи штурмуют кабинеты

Дверь отворилась, и в кабинет заместителя директора Винницкого подшипникового завода М. Г. Старова вошла Роза Кондратьевна Прусова. Та самая Прусова, техник Минского тракторного завода, Герой Социалистического Труда, чье письмо «Подшипники прилетели» «Огонек» опубликовал в № 17 за 1983 год. Напомним: письмо о постоянных перебоях в поставке подшипников из Винницы в Минск. Тогда Р. К. Прусову попросили съездить в Винницу и попытаться, благо она Герой Социалистического Труда, повлиять на ход событий: дело доходит до того, что минчанам часто в пору останавливать производство — план на подшипники есть, поставщики определены, а поставки идут через пень колоду. Доколе же?!

И вот Роза Кондратьевна вновь в Виннице, в кабинете у Михаила Григорьевича Старова. Тут и мы — корреспонденты «Огонька», приехавшие по следам письма Прусовой. Она обращается к Старову:

— Опять Минский завод под ударом. Особенно двести десятый подшипник нужен. За пять месяцев недодали больше пятидесяти тысяч штук.

— Но сейчас ведь договорились — будем отгружать...

— Договорились, но даете же мало... Неделя-другая пройдет, и опять все начинать сначала.

Кончается тем, что Старов обещает еще «поскрести по сусекам», и Прусова уходит. Надолго ли?

А ведь речь идет об объединении «Минский тракторный завод», у которого сейчас едва ли не самый большой план в отрасли сельхозмашиностроения. И вот такие зигзаги в отношениях с поставщиками.

На Винницком подшипниковом заводе понимают ситуацию, переживают, ищут выход, предпринимают попытки совершенствовать организацию труда, вносить новшества в технологические процессы, заниматься социальными проблемами. Есть ободряющие результаты. За два года текучесть кадров, например, сократилась на заводе с двадцати пяти до семнадцати процентов. Между тем в Виннице есть предприятия более современные, а человек, известно, ищет, где лучше.

Завод в прорыве. И тоже кормит легион быстроногих, сказочно выносливых толкачей, научившихся держать в осаде и штурмовать кабинеты, склады, погрузочные площадки... И тоже обрушивается лавинами писем и телеграмм на другие заводы, главки, министерства, чтобы напомнить, попросить заступиться, попытаться разделить тревогу... И тоже терпеливо ждет, когда же основательно разберутся в его бедах и помогут не бумажной скороговоркой, а делом, весомым и быстрым.

Трудно поверить, но факт: завод был обречен на горемычное существование еще до своего рождения. Проект страдал таким количеством изъянов, что от него по ходу строительства фактически отказались. Строили пятью очередями, без конца переезжая, перетаскивая оборудование с места на место. Процедура растянулась почти на пятнадцать лет. А в итоге? В цехах мало света, никудышная вентиляция, нет складов, некуда девать стружку, подъездные пути до сих пор временные... Реконструкция нужна всеобъемлющая. Но идет она медленно. То мало средств, то не хватает каких-то материалов, то опаздывает документация. То — все вместе.

А тут еще с оборудованием морока без конца и края. На заводе четыре автоматно-токарных цеха. Они, можно сказать, делают погоду! Их бы и оснастить по последнему слову техники. Нет же! С десяток лет назад Киевский завод станков-автоматов имени Горького произвел на свет партию станков с гидромеханическим зажимом. Семьдесят штук достались Виннице. Станки оказались скверными и в серию не пошли. Расчетная производительность у них высокая, но они очень часто выходят из строя, а находясь «в строю», беззастенчиво гонят брак. Вызвали из Киева специалистов. Те пытались привести автоматы в порядок, не сумели, махнули рукой и уехали. А станки остались. План на них, естественно, закладывается. Выполнять его приходится на других станках, оставляя людей сверхурочно, прихватывая выходные.

Если предприятие получает новые станки (ими завод, увы, не балуют), на них тут же набрасывают план. Так что сбросить те семьдесят «гирь на ногах» винничанам никак не удается. И хоть принято считать, что своя ноша не тянет, они убеждаются: тянет, да еще как! Особенно когда с повестки дня не сходит производительность труда.

Вдобавок ко всему терзает несовершенное планирование. На 1983 год, например, не дали фондов на 7219 тонн, а часть фондов не расписали по поставщикам, и где получать металл — неизвестно. За прошлый год недодали семнадцать тысяч тонн. Причем заводам-поставщикам разрешено действовать по принципу «что с воза упало, то пропало». Квартал или полугодие, скажем, кончились, долги списываются. Металлургической промышленности такой принцип, понятно, по душе. А машиностроителям — нож острый. Подводят то Днепропетровск, то Никополь, то Серов, то Липецк, то Горький...

Случается, прикрепляют к несостоятельным поставщикам. В свое время отрядили на Волжский трубный завод, а тот еще мощности не набрал и не мог обеспечить поставки.

— Но кто-то из подписывающих государственные бумаги должен знать положение дел на местах? — спрашиваем у директора завода Николая Александровича Якименко.

— К сожалению, не всегда так бывает. Отсюда то и дело возникают пресловутые «ножницы». Возьмите так называемый принцип планирования «от достигнутого». Трудно придумать что-либо более нерациональное. Поверьте мне: подшипников некоторых типоразмеров в стране накопилось на несколько лет, а нам каждый год планируют по ним прирост. Я сейчас в Москве с трудом добился, чтобы сняли с плана около миллиона «303», «204» и несколько приборных подшипников. На два-три года их вполне хватит.

Непонятно, кстати,— продолжает директор,— почему у нас закрыли предприятия, которые занимались ремонтом и восстановлением старых подшипников. Ведь есть техника, которая может долго и безболезненно работать на реставрированных подшипниках. Сколько бы сэкономили стране металла!

— Вы говорите — непонятно, однако какие-то соображения на сей счет у вас, несомненно, есть...

— Пожалуй. Пора, по-моему, подумать над тем, чтоб выделить производство подшипников в отдельную, самостоятельную отрасль. Одно дело до войны, когда в стране было всего два, если память не изменяет, подшипниковых завода. Сейчас их двадцать восемь. Подчиняются они Министерству автомобильной промышленности. У меня, право, язык не повернется обвинить специалистов министерства в недостаточном внимании к Винницкому ГПЗ. Мы ведь в основном обеспечиваем предприятия сельскохозяйственного машиностроения, а у минавтопромовцев своих забот хватает. Мы для них что-то вроде двоюродных, а может, и троюродных. Смотрите дальше. Положение сложилось такое, что подшипниковые заводы почти все оборудование для себя вынуждены делать сами.

— И, вероятно, в связи с этим процветает кустарщина?

— В разных местах, образно говоря, изобретают самовар, который где-то давно уже готов и стоит на столе. Будь отдельная отрасль, сложились бы центры с научно-исследовательскими институтами, опытным производством, учебными заведениями. Совсем иначе пошло бы дело... Следует еще, полагаю, разобраться, нужны ли всякие промежуточные организации вроде «Главподшипникснаба». Странные, мягко говоря, у них функции — делить то, чего у них сплошь и рядом нет. Стоит поразмыслить: не лучше ли прямые связи между заводами, между производящими министерствами?

...Вот так сложилась наша поездка в Винницу. Своего рода попытка найти концы. Конечно, есть необходимость продолжить разговор в руководящих инстанциях. Но что-то уже сейчас можно резюмировать.

Бесспорно, коллектив Винницкого ГПЗ-18 есть за что критиковать. Ведь при такой же системе планирования и снабжения много лучше работают подшипниковые заводы в Куйбышеве, Минске, Саратове. Куйбышевцы, например, внедрили у себя машины, которыми не мешало б поинтересоваться и на Винницком заводе, чтоб поднять производительность труда. На подшипниковом заводе масса процессов поддается автоматизации и механизации, и то, что в Виннице на ГПЗ занято восемь тысяч человек, ни в какие, как говорится, ворота не лезет. И тут бы самой Виннице искать поприлежнее, посмелее и быстрее устранить имеющиеся здесь недостатки в организации производственного процесса, социалистического соревнования, в технической политике. И не только затем, чтобы не ставить под удар Минский тракторный. Чтобы раз и навсегда утвердить принцип: спрашивается много с того, кому много дано. Принцип единственно приемлемый.

С. КАЛИНИЧЕВ,
А. ЩЕРБАКОВ,
специальные корреспонденты «Огонька»

Винница — Киев — Минск.

Виталий ЗАСЕЕВ, фото Геннадия КОПОСОВА, специальные корреспонденты «Огонька»

Из окна кабинета министра строительства предприятий нефтяной и газовой промышленности СССР Бориса Евдокимовича Щербины хорошо видна Октябрьская площадь столицы. Жаркое полуденное солнце, пробившись сквозь низкие облака, высветило излучину Ленинского проспекта. Хозяин кабинета, только что ответив на очередной телефонный звонок, с нескрываемой гордостью говорит о подвиге строителей газопровода Уренгой — Помары — Ужгород, и перед глазами встают далекие от Москвы картины, одна ярче другой.

Мощный трубоукладчик, взметнув гигантского диаметра трубу с красным флажком на конце, бережно опускает ее в траншею. Завершен участок строительства газопровода в районе Горнозаводска, и вверх, сопровождаемые дружным «ура», летят разноцветные каски. Еще одна картина, на этот раз из района Карпат. Третьи сутки не переставая льет дождь, но наглянцованная его упругими струями труба, несмотря ни на что, все выше и выше взбирается в гору, и огоньки электросварки, точно светлячки, обозначают ее продвижение...

СТАЛЬНОЕ РУСЛО

Наша беседа с министром была приурочена к окончанию работ на линейной части трассы газопровода.

— На Западе многие сомневались, одолеем ли мы эту «операцию века». Сомневались, так как хорошо знали, что до выхода в Западную Европу нам предстоит осилить около тысячи километров непроходимых болот, более двух тысяч километров лесов, свыше пятисот километров горных массивов Урала и Карпат. Да плюс еще почти шестьсот больших и малых рек, среди которых Обь, Волга, Кама, Дон, Днепр. Особенно засомневались наши оппоненты, когда в силу вступили так называемые санкции президента Рейгана. И что же? Приведу только один пример. Первая очередь магистрали от Уренгоя до Челябинска протяженностью 1470 километров была построена за год! Для сравнения отмечу, что Соединенные Штаты на прокладку 1300-километрового нефтепровода в условиях Аляски, близких к природным и климатическим условиям приполярной Сибири, потратили шесть лет!

— И все же, Борис Евдокимович, как отразились на строительстве газопровода Уренгой — Помары — Ужгород «санкции» президента США?

— Могу сказать одним словом: отрицательно. Отрицательно для самих Соединенных Штатов. Принятые Центральным Комитетом нашей партии и правительством ответные меры были своевременными и сыграли определяющую роль в деле строительства газопровода. Их поддержали и одобрили труженики всех отраслей индустрии, коллективы всех строительных министерств и транспорта. Да что там говорить, весь советский народ возмутила наглость Белого дома. Узнав, к примеру, о решении президента Рейгана сорвать поставки американского оборудования для газопровода Уренгой — Помары — Ужгород, советские люди по-своему отреагировали на это. В адрес министерства буквально за два месяца пришло более пятнадцати тысяч писем от высококвалифицированных строителей, механизаторов, которые выражали готовность немедленно принять участие в прокладке магистрали. Были приведены в действие научно-технический потенциал, вся индустрия страны. В результате строители газопровода получили в свое распоряжение созданные советскими учеными и конструкторами мощные роторные экскаваторы производительностью 1200 кубических метров в час, тяжелые трубоукладчики грузоподъемностью в пятьдесят тонн, земснаряды, поднимающие со дна реки до трехсот кубометров грунта в час, болотоходы «Тюмень», способные взваливать на свои плечи до тридцати тонн груза, и много другой техники. Так же успешно была решена поставленная партией и правительством задача о производстве отечественных труб большого диаметра коллективом Харцизского завода.

Тепло говорит министр о проектантах, работниках газовой промышленности, комплектовщиках, без чьих усилий было бы невозможно одолеть подобную стройку.

— Я не ошибусь,— продолжает министр,— если скажу, что так называемые «санкции» президента Рейгана были неодобрительно встречены не только в самих Соединенных Штатах, но и в Западной Европе.

Любопытное признание по этому поводу сделал недавно бельгийский журнал «Эропеэн», занимающийся экономическими проблемами и предназначенный для деловых кругов Западной Европы. Журнал распространяется в штаб-квартирах НАТО, ЕЭС. Вот что он писал в одном из последних своих номеров: «Американское эмбарго на некоторые элементы оборудования, предназначенные для газопровода Сибирь — Западная Европа, вызвало в СССР резкую реакцию и решимость осуществить ввод газопровода с точным соблюдением установленных сроков, несмотря на возникшие трудности. Все ресурсы советской промышленности и техники мобилизованы, строительство газопровода подходит к завершению». И далее журнал справедливо отмечает, что «меры давления в виде разного рода ограничений экономических связей с Советским Союзом не только не способны поставить его на колени, но еще и противоречат прямым интересам США и ни к каким положительным результатам не приведут». И не могут привести, ибо Советский Союз всегда способен решить любые экономические и индустриальные проблемы своими силами.

Развернув карту и склонившись над ней, министр заключает:

— Сегодня в мире всем хорошо известно, что по трубам сверхдальнего газопровода «голубое топливо» будет поступать из Советского Союза в Австрию, Италию, Федеративную Республику Германии, Францию... И в связи с этим можно с уверенностью сказать, что успешное завершение строительства экспортного газопровода укрепит позиции тех сил в капиталистических странах, которые выступали и продолжают выступать против американского диктата, за развитие торговых отношений со странами социалистического содружества.

Итак, сооружение величайшей на земле трассы газопровода Уренгой — Помары — Ужгород завершено. Завершено на девять месяцев раньше предусмотренного пятилетним планом срока. За это время переработано около 130 миллионов кубометров грунта. Длина сварного шва превысила две тысячи километров, а общая площадь изоляционного покрытия составила тридцать миллионов квадратных метров. И это не все. Досрочный ввод этой подземной магистрали позволит дать дополнительно народному хозяйству миллионы кубометров газа в зимний отопительный сезон, существенно снизит напряженность в энергоснабжении промышленности и выполнении производственных программ, лучше обеспечит бытовые запросы населения.

...И вот мы летим на трассу, чтобы своими глазами увидеть, как устремляется по стальному руслу длиной в 4451 километр газ Сибири. Впрочем, увидеть это никому не дано. Только призвав на помощь фантазию и рассказ такого опытного строителя и газодобытчика, каким является начальник «Главуренгойгазстроя» Андрей Иванович Наливайко, можно зримо представить себе эту картину.

— Сейчас мы с вами находимся у истоков газовой реки,— слегка потоптавшись на месте, словно опробуя твердость грунта, говорит Андрей Иванович.— Все, что вы видите вокруг, держится на сваях.

С этими словами А. Наливайко показал на установку комплексной подготовки газа, по своим размерам напоминающую небольшой нефтеперерабатывающий завод. Но это только «надводная часть айсберга». Внизу, на глубине более двух тысяч метров, в газоносные пласты проникли стальные трубы. По ним-то и производится откачка газа с последовательной очисткой его и подачей в систему трубопровода.

Послушать А. Наливайко, так все просто. Установка стоит на сваях, внизу покоятся трубы. А ведь чтобы забить сваю (иной раз их приходилось вколачивать до четырех тысяч штук), надо предварительно отогреть специальными «иглами» веками промерзавшую землю. Но и это не все. Чтобы сваю можно было начать забивать, необходимо отсыпать специальную площадку под механизм, который того и гляди провалится в трясину.

Об всем этом А. Наливайко рассказывает невозмутимо. Небольшого роста, грузный, с добрым украинским лицом, он в буднях текучки может быть и резок, и обидчив, и неуступчив. Но всегда, во все времена, быстро отходчив, безукоризненно справедлив и чувствителен к чужому горю.

Однажды, когда подразделения главка готовились к закладке очередной установки комплексной подготовки газа, рухнул мост, только что возведенный строителями соседнего ведомства. По тундре с севера на юг, подгоняемая солнечными лучами, катилась долгожданная красавица весна. И если кто-то и радовался ее приходу, то только не А. Наливайко. У него был на счету не то что каждый день — каждый час, каждая минута. «Пришлось за три дня новый мост построить»,— сказал мне Андрей Иванович. В свои неполные пятьдесят лет тридцать он прожил, как в штабе по ликвидации наводнения во время землетрясения. И хотя всевозможные ЧП обрушиваются на его голову как гром среди ясного неба, А. Наливайко никогда не позволяет обстоятельствам выбивать себя из колеи. Человек во всех случаях жизни надежный, обстоятельный, он, если, к примеру, берется построить хлебозавод, обязательно досконально изучит сам, какой кирпич лучше использовать, какие печи поставить, чтобы корочка на хлебе всегда румяной была.

Свою профессию он ценит превыше всех остальных. В семье у Андрея Ивановича еще четыре строителя-профессионала: жена, дочь, сын и сноха. «Скоро будет вдвое больше,— с улыбкой говорит глава семейства.— Подрастут внуки, дочка выйдет замуж и... комплексная бригада готова».

— Если будете когда-нибудь писать о Наливайко, не забудьте отметить, что все успехи возглавляемого им главка покоятся на трех опорах: бережном отношении Наливайко к людям, с которыми он работает, высокой организации труда и не менее бережном отношении к каждой рабочей минуте.

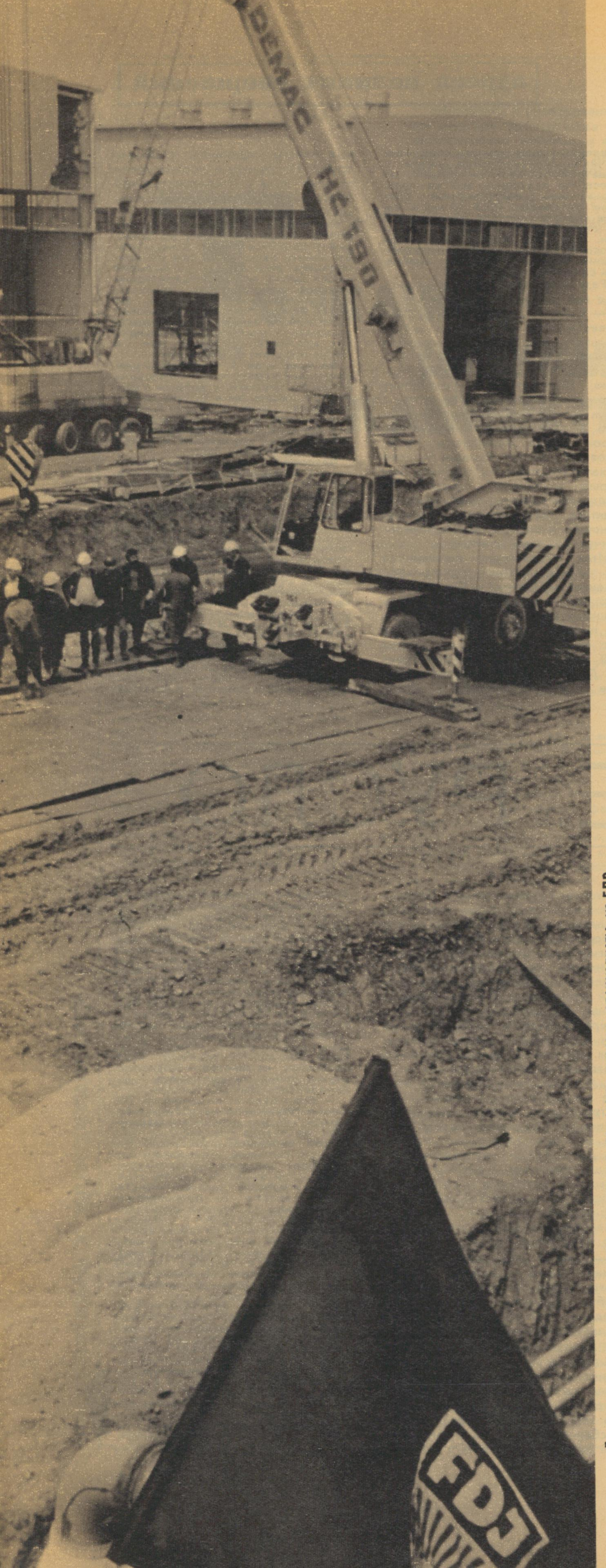
Так говорил о руководителе главка один из лучших водителей «Главуренгойгазстроя», Михаил Торкунов, который со своей бригадой отсыпал площадки для всех десяти установок комплексной подготовки газа и который хорошо знает, почем фунт лиха на Севере.

— А если более конкретно? — спросил я Торкунова.

Он ответил незамедлительно:

— В наших подразделениях, где трудятся более семнадцати тысяч человек, самая низкая на Севере текучесть кадров и самая высокая производительность труда. Что касается бережного отношения к рабочей минуте, так здесь у Наливайко все продумано до мелочей. По его предложению наши рабочие планерки проводятся стоя. Чтобы люди и высказывались короче и без дела не засиживались.

В день нашего прилета в Но-

Богородчанскую компрессорную станцию помогают строить специалисты из ГДР.

вый Уренгой, когда строители и газодобытчики торжественно отмечали на трассе «открытие навигации»,— в этот день газ впервые хлынул в «устье стальной реки»,— мне довелось познакомиться с одним из самых именитых сварщиков севера Тюмени, Андреем Костыревым. Легко смущающийся, поминутно прячущий за спину загорелые, натруженные руки, Костырев словно нехотя рассказывал о работе, хотя чуть ли не ежедневно совершал подлинные чудеса трудового героизма. Опытный сварщик, прошагавший с трубой через Урал, он добровольно отказался от спокойной жизни в уютном доме и вновь потянулся на Север. И хотя огненные швы приходилось ему тачать иной раз в экстремальных условиях — ни разу рентген не нашел изъяна в его работе.

— Представьте себе стрелка, который на протяжении многих лет участвует в ответственных соревнованиях и попадает только в «десятку». Это и будет стиль Костырева,— сказал об Андрее известный тюменский строитель, Герой Социалистического Труда А. М. Самсонов.

Мы уже попрощались с Костыревым, но я долго смотрел ему вслед и думал, что благодаря таким бесконечно преданным своему делу людям наша страна сегодня имеет самую разветвленную в мире систему газоснабжения. Почти двести миллионов советских людей благодаря им пользуются в быту газом по самой низкой в мире цене, а девяносто три процента стали и чугуна в стране выплавляются с помощью природного топлива. И о многом другом думал я, глядя вослед этому крепко стоящему на земле Человеку.

Перелетая с одного участка стройки на другой, я не раз вспоминал слова министра, который убедительно просил нас рассказать о тюменских авиаторах, больше чем кто бы то ни было сделавших для обустройства этого труднодоступного региона. Такой случай представился нам перед отлетом в Нижневартовск.

Мы стояли на продуваемом всеми ветрами летном поле, когда позади себя я услышал показавшийся мне знакомым голос: «Да, так посадить тяжело груженный Ил-76 может только ас!» Обернувшись, я увидел незаметно подошедшего к нам командира Второго Тюменского авиапредприятия Владимира Григорьевича Джугашвили.

— Между прочим, вам здорово повезло,— отрываясь взглядом от мчащегося по бетонке лайнера, сказал В. Джугашвили.— Сейчас вы сможете увидеть наш лучший экипаж, которым командует пилот первого класса Борис Константинович Кузнецов.

— Не тот ли это Кузнецов, который в прошлом году стал лауреатом Государственной премии СССР? — поинтересовались мы.

— Он самый.

Почти четверть века летает в этом неуютном небе Борис Кузнецов. Начинал, когда в Новом Уренгое стоял посреди тундры всего один-единственный домик. Садиться тогда приходилось прямо на грунт, а груз оставлять прямо под открытым небом. С тех пор много воды утекло в мечтательной и рано поседевшей Седы-Яхе, но и сегодня, когда речь заходит об авиаторах, часто можно услышать: «Половину Нового Уренгоя доставил сюда экипаж Кузнецова»...

Тридцать два миллиарда кубометров газа будет ежегодно отправляться по трубопроводу Уренгой — Помары — Ужгород из этого «золотоносного» района земли. Газ Уренгоя уже поступает в самые отдаленные уголки нашей страны. Вскоре он придет на предприятия и в дома жителей братских стран социалистического содружества, которые принимали активное участие в строительстве этого уникального сооружения.

— Весь наш коллектив охотно трудится на этой компрессорной станции,— говорит начальник стройки Фридрих Роланд.

Наш разговор происходит уже на противоположном конце трассы, близ Богородчан в Ивано-Франковской области. Строительный отряд из Германской Демократической Республики уже несколько месяцев прокладывает здесь дороги, ведет монтаж агрегатов будущей компрессорной станции, сооружает производственные базы и жилые дома.

Фридрих только что вернулся со строительной площадки и, судя по всему, доволен положением дел на участке.

— Для работы на строительстве этого газопровода,— рассказывает он,— мы отбирали в стране лучших из лучших монтажников, сварщиков, плотников, водителей большегрузных машин. Это не замедлило сказаться, как у вас принято говорить, на конечном результате дела. И даже такой высокотребовательный прораб, каким является наш друг Богдан, по-моему, не имеет к нам никаких претензий.

С этими словами Роланд поворачивается в сторону Богдана Алексеевича Росоляка — старшего прораба стройки, более четверти века проработавшего на строительстве почти всех трубопроводов, сооружаемых Советским Союзом. Росоляк, услыхав свое имя, отрывается от телефонного разговора и, мгновенно оценив, в чем дело, тут же поднимает кверху большой палец. Дескать, работа у наших друзей ведется «на уровне».

В эти же дни по соседству с Ивано-Франковской областью в Закарпатье на линии экспортного газопровода трудились и польские строители. Для нужд стройки близ Ужгорода чехословацкие специалисты возводили корпуса крупного завода по ремонту оборудования. Впервые в столь масштабном строительстве принимали участие югославские инженеры и рабочие. Дух интернационального сотрудничества и взаимовыручки царил на всей трассе газопровода.

Мы улетали с трассы ясным солнечным днем. С высоты птичьего полета изумрудные вершины Карпат, сплошь заросшие буком и елью, были похожи на сказочные сады Семирамиды, которые человек, с целеустремленностью первопроходца создавая очередное чудо света, к счастью, не потревожил.

●

Свгрщик-потолочник Петр Городынский работает на строительстве газопровода с первого дня.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: На праздник по случаю пуска головного участка газопровода в Тюменской области пришли герои стройки * Отсюда, из района Нового Уренгоя, начинается «газовая река» * Укладка последних километров труб в Тернопольской области.

ГАЗ УРЕН

ГОЯ — ДЕЛУ МИРА!

Галина ГОГОТИШВИЛИ

Искусству отдано...

Во время съемок фильма едва не произошло несчастье. Бурное течение Куры сорвало и понесло плотик с людьми. Плавать они не умели. И тогда один из актеров бросился на помощь. Это был Отар Мегвинетухуцеси, снимавшийся в роли Даты Туташхиа в телевизионной картине «Берега».

Поступок героический. Особенно если учесть, что Отар не отличался хорошим умением плавать.

Фильм был очень популярен. И все, наверное, помнят, что для Даты Туташхиа жить — значит творить добро; его бескорыстие, свет души покорили миллионы телезрителей.

Многие, кто не смог запомнить актерскую труднопроизносимую фамилию, называют сегодня Отара Мегвинетухуцеси по имени его героя — Датой Туташхиа. Думаю, это не просто зрительское отождествление актера с его героем; это — подлинно народное признание образа, полностью выразившего и дух времени и красоту человеческой отзывчивости, понимание «чужого» горя.

В пору многих «жестоких игр» на сцене и на экране все это оказалось редкостно впечатляющим.

А потом на ТВ был показан фильм «Пиросмани», снятый по спектаклю театра имени Марджанишвили, где Отар Мегвинетухуцеси много лет играет заглавную роль. Это спектакль-монолог. Действие — без перерыва — продолжается два часа. Но смотришь его в таком эмоциональном напряжении, что об антракте и не вспоминаешь. Жалеешь, когда спектакль заканчивается...

Фильм лишился такой предельной концентрированности чувств. Монолог актера часто прерывается. И многое, к сожалению, ушло... Но тем не менее если герой Мегвинетухуцеси сохранял главное — трагедию человеческой доброты, то и жизнь одинокого мечтателя, трагически умирающего в подвале, больного и голодного художника с доверчивой, незамутненной душой, отданной искусству, снова стала большой творческой удачей Отара.

...Договорившись с актером о встрече, я рано пришла в театр, и мне вздумалось дождаться его на площади перед театром. Увидела Мегвинетухуцеси издалека. Стройный, неторопливый, с мягкой походкой горца, он словно не замечал, что под ногами асфальт, а не тропа... На него оборачивались прохожие. Но не с тем любопытством, которое тяготит артиста подлинного, а с восхищением узнавания... Грузия любит своих прославленных актеров. Мегвинетухуцеси был известен и любим задолго до прославившего его фильма «Берега»... Еще совсем молодым он в поисках большей самостоятельности ушел из театра Марджанишвили в никому не известный театр в Рустави, и сразу этот театр стал одним из самых посещаемых... В Рустави, город металлургов, где режиссер Г. Лордкипанидзе с группой актеров организовал новый театр, зрители не ленились приезжать даже из Тбилиси. Отар Мегвинетухуцеси играл здесь Сирано в одноименной пьесе Э. Ростана. Играл Сатина в пьесе Горького «На дне», Дон-Кихота в «Человеке из Ламанчи»... Сыграл он в Руставском театре и Гамлета в постановке Лили Иоселиани. Но с этим спектаклем все оказалось не так-то просто. Кто-то усомнился то ли в возможности режиссера поставить Шекспира, то ли в умении актера сыграть труднейшую главную роль... Спектакль сыгран всего шесть раз. А жаль. Образ Гамлета, который создал Мегвинетухуцеси, был удивителен.

Я видела спектакль. Конечно, какие-то детали исполнения забылись. Но акварельная прозрачность чистой души датского принца, открытой для добра, не желающей верить в предательство, живет в памяти.

Г. Лордкипанидзе, режиссер, с которым Мегвинетухуцеси проработал много лет, считает, что по высокому трагическому накалу артист стоит в одном ряду с такими выдающимися мастерами, как Акакий Васадзе и Акакий Хорава.

А каков Эдип — Мегвинетухуцеси!.. Я увидела его в гримуборной. Перед зеркалом сидел — нет, не Мегвинетухуцеси, не актер, с которым я только что разговаривала, но сам царь Эдип... Сидел, пристально всматриваясь в себя властным, суровым взглядом... Он так глубоко ушел в себя, что не услышал моего стука, не увидел появления: он стал Эдипом... Я тихонько прикрыла дверь и пошла в зрительный зал...

Мегвинетухуцеси не щадит себя на сцене... Я просто не представляю, как он добирается домой после исполнения роли Эдипа или — вот теперь — Отелло... Столько сил он отдает; сил физических и моральных. И столько таланта!.. Только мощным талантом подлинной трагедийности можно преодолеть все те «изыски» сценического решения, которые предлагает актеру режиссер, словно проверяя: а ну-ка, посмотрим, сыграет ли он Шекспира в спектакле, где нет и духа шекспировского!.. И Отар Мегвинетухуцеси играет именно Шекспира, «взрывая» отвлеченную театральность и абстракцию постановки... Актер так умеет перевоплощаться изнутри, не прибегая к внешней характерности, что уже через несколько минут забываешь, что Мавр (по замыслу режиссера) представлен **белым**... Тут видишь только трагедию прямой и честной, обманутой души.

Чтобы передать впечатление от игры Мегвинетухуцеси, достаточно привести слова, сказанные К. С. Станиславским о Сальвини в роли Отелло: «...Просто, ясно, прекрасно и огромно!» Именно таков Отелло Мегвинетухуцеси.

Строгая, сдержанная, почти аскетичная манера игры может и разочаровать иного зрителя: актер не стремится ошеломить буйным натиском чувств, «не рвет страсти в клочья», как то прилично было бы трагику: от его амплуа ведь и ждут обычно таких «страстей». Нет, у Мегвинетухуцеси скрытый темперамент. Лишь изредка выплескивается он наружу. Сила артиста в другом. В умении непосредственностью, искренностью своего переживания в роли увлечь зрителя и вызвать ответное сопереживание... Казалось бы, да какое нам дело до последнего императора Римской империи из пьесы Ф. Дюрренматта «Ромул Великий»?!. Но игра Мегвинетухуцеси делает этот образ живым, по-человечески достоверным. Это романтик, в одиночку решивший бороться с прогнившей насквозь Римской империей, причем довольно странным способом — бездействием. Германские войска приближаются к Риму... «Пусть»,— невозмутимо говорит император мечущимся в панике придворным; сам он и пальцем не шевельнет! Он все рассчитал, этот император, вплоть до собственной смерти от рук германцев, и даже плаху приготовил заранее. Одного он не учел — как тяжела боль от потери близких... И когда ему сообщают о гибели дочери, Ромул — Мегвинетухуцеси каменеет от горя. На его лице живут лишь глаза, живет отчаяние. У него словно оборвалась, сломалась душа.

Не знаю, как добивается этого актер, но чувствуешь и понимаешь: герой уже мертв, по инерции доживает минуты жизни.

Трудно «исследовать» игру Отара Мегвинетухуцеси... Очень скупо использует он выразительные средства. Тем большее значение приобретают каждый его взгляд, каждая интонация в психологической разработке роли. И каждая деталь внутренне оправданна.

...Думаю, не случайно идеалом Отара навсегда стал Серго Закариадзе, в душевной чистоте словно бы так и не заметивший своей всенародной славы... Вокруг Отара Мегвинетухуцеси, как и вокруг Серго Закариадзе, никогда не сплетались сомнительные легенды и слухи. Никогда он не извлекал из своей славы пользу для себя и близких...

Вот так артист живет в искусстве. Точнее сказать, живет искусством человек по имени Отар Мегвинетухуцеси.

Народный артист СССР Отар Мегвинетухуцеси.
Фото И. ГАВРИЛОВА

Конечно же, В. Д. Батуринский, автор недавно вышедшей книги «Страницы шахматной жизни», не мог и предполагать, насколько животрепещущими окажутся страницы его произведения, посвященного далекому и близкому прошлому шахматной игры. Но в последние недели и месяцы волей президента Международной шахматной федерации филиппинца Ф. Кампоманеса история борьбы за шахматную корону, о которой пишет В. Д. Батуринский, оказалась ультрасовременной, имеющей самое непосредственное отношение к событиям, так омрачившим нынешним летом шахматный небосклон.

В. Д. Батуринский — один из деятелей Шахматной федерации СССР, принимал самое активное участие в работе конгрессов и комитетов ФИДЕ и возглавлял спортивные делегации на матчах на первенство мира по шахматам в Багио и Мерано. На протяжении многих лет автор был свидетелем, а порой и участником интереснейших событий. Он был близко знаком с выдающимися шахматными деятелями, и не случайно его рассказ начинается с шахматной горячки 1925 года, с его встреч с одними из первых чемпионов мира — Капабланкой и Ласкером.

ЗЛОБОДНЕВНЫЕ СТРАНИЦЫ

Наиболее яркие страницы в начале книги, конечно, связаны с именем Михаила Моисеевича Ботвинника, с которым В. Д. Батуринский знаком многие годы, внимательно следил за его спортивной судьбой, а в последующее время сотрудничал в подготовке фундаментальной трехтомной монографии, в которую вошли 660 турнирных и матчевых партий Ботвинника.

Если главный герой первой главы — Ботвинник и его соперники в борьбе за шахматную корону — Бронштейн, Петросян, Смыслов, Таль и другие, то во второй главе автор знакомит нас с одной из колоритнейших и талантливейших фигур шахматного мира — американцем Робертом Фишером. Автор был непосредственным свидетелем трагической истории Фишера, его быстрого взлета к званию чемпиона мира и загадочного падения.

Мы знакомимся на страницах книги с Таймановым, Спасским, Геллером, многими другими замечательными мастерами, если можно так сказать, докарповской поры. Но, конечно же, самое большое место отведено в книге Анатолию Карпову.

В. Д. Батуринский в свое время немало сделал, чтобы нейтрализовать действия пресловутой «команды» претендента. Он знаком с самыми закулисными сторонами деятельности Международной шахматной федерации. И то, что сейчас для всех нас в деятельности нынешнего президента ФИДЕ Кампоманеса, затеявшего неблаговидную возню вокруг проведения полуфинальных матчей на первенство мира, кажется необъяснимой загадкой, во многом становится понятно, когда вчитываешься в рассказ Батуринского.

Вспоминая о том, как Карпов по дороге в Багио остановился в Токио, Батуринский пишет: «Прилетел в Токио и Кампоманес сопровождать нас на Филиппины, но так, чтобы об этом, упаси бог, не узнал Корчной...» И эта двойственность оказалсь, к сожалению, типичной чертой филиппинца.

Последний президент ФИДЕ меньше всего думает о шахматах, и вот теперь дух Багио он пытается перенести на другие уголки земного шара.

Надо думать, что обо всем этом В. Батуринский расскажет нам подробно во втором издании своей интересной книги.

В. ВИКТОРОВ

В. Д. Батуринский. Страницы шахматной жизни. М., «Физкультура и спорт», 1983, 176 стр.

Эстер РАНДРИАМАМУНДЗИ

Утро придет

ПОВЕСТЬ

Рисунки А. ЛУРЬЕ

Боже, сколько слез было на следующее утро, когда Малянту обнаружила, что отец уехал без нее.

— И не стыдно тебе так плакать перед твоими куклами? Посмотри, как они смотрят на тебя. Иди-ка сюда. Вот твое молоко. Ты ведь любишь с медом, правда? Ой, как вкусно! Если будешь умницей и выпьешь все молочко, кашель быстро пройдет.

— А когда папа вернется, он повезет нас кататься,— сказала Малянту.

— Конечно. Вот только ты выздоровеешь,— сказала Рамаву, засовывая ей ложку в рот.— И мы все вместе поедем в Анцирабэ.

Обе были еще в халатах, когда раздался стук в дверь. Рамаву пошла открывать, но Малянту подскочила первой: она думала, что это папа вернулся.

Пришел пастор Раманиса, большой друг семьи. Обнялись. Раманиса не ответил на улыбку Рамаву и отвел в сторону глаза. Хотя они дружны уже много лет, его приход в такой ранний час был необычен. И каким-то шестым чувством Рамаву поняла, что эта минута окажется роковой в ее жизни.

— Проходите, пожалуйста,— Рамаву попыталась собрать все свои силы, уже предчувствуя беду.

Убийство? Пожар? Наводнение?.. Тысяча других несчастий промелькнула у нее в мозгу — все, что обычно приходит людям в голову, когда они ожидают услышать о несчастье.

— Соберитесь с духом, Рамаву... — сказал наконец пастор.

— Раманиса... Что случилось? — прервала его Рамаву.

— Маву... убили Рандриа... Соберитесь с духом. Подумайте, что будет с Малянту, если с вами что-нибудь случится.

Рамаву застыла, окаменев. В последнее время столько было всего: ложь и клевета, запугивания и шантаж, штрафы и обвинения в каких-то преступлениях... Ко всему этому уже как-то привыкли, почти не реагировали. Но такое...

— Рандриа... — только и смогла она вымолвить. В глазах помутилось. Она ничего не понимала. В голове была полная пустота. Пустота во всем теле.

Пастор рассказал, как это все произошло на дороге. Она молча слушала, но ничего не слышала. Лицо ее застыло, как маска. Пришел Рабари, но она даже не заметила его. Пастор и Рабари по очереди пытались утешить и подбодрить ее. Рамаву не слышала...

Малянту сидела на коленях у пастора и сосала палец. Она с удивлением смотрела то на одного дядю, то на другого, не понимая, отчего они сегодня такие сердитые.

— Возьмите себя в руки, Рамаву. Посмотрите, что с вашим ребенком, как она жалобно смотрит,— снова сказал пастор и поцеловал Малянту в лобик.

— Что с тобой, мама? — Малянту слезла с колен пастора и подошла к матери, которая молча глотала слезы.

Только теперь Рамаву как будто очнулась, крепко прижала к себе дочурку.

— Родная моя Малянточка. Сиротинка! Больше мы уже не увидим нашего папочку!.. Нет... Рандриа!.. Нет, это неправда!..

— Но ведь он же сказал, что приедет завтра, и мы... — сказала Малянту.

— Нет, он больше уже не вернется... Никогда! — Рамаву стала трясти Малянту за плечи, как будто хотела заставить ее осознать случившееся. Рамаву хотелось пожаловаться, поделиться с ней горем, вместе страдать.

— Папочка умер. Он никогда больше не вернется, Малянту! Никогда! — Она поцеловала девочку, прижалась своим мокрым лицом к ее щечке.

На лице Малянту было удивление и непонимание. Когда ей рассказывали о смерти бабушки и дедушки, ей все было ясно: она их не знала, никогда не видела, и поэтому смерть для нее означала что-то несуществующее. Но когда говорят о папе, с которым они только вчера играли и дурачились... Нет, она не понимала, что это значит «умер».

— Маву, перестаньте,— уговаривали ее.— Надо ехать за ним в больницу. Приготовьтесь к встрече.

Можно ли сказать, кого тяжелее потерять из близких: мужа, друга, родителей? Когда смерть вырывает из рук любимого человека... кажется, часть твоей души уходит вместе с ним, и сердце разрывается на части. Для Рамаву вся ее жизнь, все душевные и физические силы — все ушло из ее тела, умерло вместе с Рандриа.

«Рандриа, родной...»

Рамаву содрогалась от рыданий, когда открыли покрывало.

«Рандриа, родной мой! О люди, какие вы страшные звери!»

Она целовала, гладила мертвенно-холодное лицо, заливая его горячими слезами. «Прощай, любимый! Будь уверен, когда-нибудь ему придется встретиться со мной, и рано или поздно он ответит за это...»

Как тяжело было для нее расставание. Только теперь, пожалуй, она осознала, ощутила ужас смерти. Хотя Рамаву, воспитанная христианкой, верила в воскресение и загробную жизнь, — все протестовало в ней, когда она видела, как заворачивали тело Рандриа в три слоя лямбамены [1], собирая в последний путь. «Все вышло из праха, и все обратится в прах». Да, это так, но ум отказывается принять это, когда дело касается тебя...

На много дней, месяцев, лет лишь печаль поселится в ее сердце. Воспоминания будут разрывать ей сердце, воспоминания о бесконечно любимом, о безграничном счастье, дарованном ей судьбой.

«И я, Рандриа, буду любить тебя до последнего своего дыхания...»

Рабари с женой старались как-то подбодрить Рамаву, смягчить ее горе, поддержать.

— Хорошо бы вам поехать на берег моря, прежде чем снова начнете работать,— уговаривал ее Рабари,— у вас очень усталый вид.

— Нет, я приведу в порядок дом, оформлю похоронные бумаги и выйду на работу. Мне легче будет на людях, работа как-то отвлекает. Рандриа умер, и ничто уж не сможет его вернуть. Рабари, не осуждайте меня, если я буду искать по всему свету человека, который пролил кровь Рандриа.

— Маву, я даже готов помочь вам. Рандриа — борец, погибший на поле боя. Долг всех его друзей и соотечественников — провести расследование, докопаться до правды. Но что вам это даст? Ну, накажут одного-двух, если найдут. Это не помешает, однако, их сообщникам творить свое грязное дело. Хватит того, что мы уже пережили. Соль, упавшую в воду, не вернешь, разлитую воду не соберешь. Надо уничтожать истоки зла — вот тогда прекратится террор и вот такие зверства. Главное, искра не погасла. Смерть Рандриа лишь подлила масла в огонь. Его жертва воспламенит любовь к родине в сердцах многих и многих малагасийцев. Не сомневайтесь, придет день, когда вы убедитесь воочию, что Рандриа умер не напрасно. Вы увидите здесь новую страну, она восстанет и по-настоящему обретет свои права.

Дружеская поддержка и участие, внимательность и забота друзей и товарищей Рандриа придавали Рамаву силы. Она видела их человечность, стойкость перед лицом неудач, их готовность идти до конца в борьбе, которую ведет малагасийский народ. Есть люди, на которых можно положиться,— это не давало ей замкнуться в своем горе.

Постепенно Рамаву возвращалась к жизни. Большую роль сыграла в этом работа. Помимо средств к существованию, она давала чувство независимости и уверенности. Рамаву находила удовлетворение в работе, сознавала необходимость и важность своего труда. Сколько бессонных ночей провела она, спасая жизнь женщинам и детям. А сколько женщин приходили к ней просто за советом, моральной поддержкой.

«Сколько человеческих жизней спасли вот эти мои руки. А ведь порой у меня у самой жизненные неурядицы... И все-таки я не самая несчастная на свете. У меня есть работа. У меня есть Малянточка... А многие ведь лишены этой радости, многие не могут иметь детей... Как трудно порой заставить этих женщин обращаться к врачу. И какая радость видеть потом этих счастливых, со слезами на глазах прижимающих к груди своего первого ребенка!»

Только такие женщины, как Рамаву, в полной мере понимают ценность каждой человеческой жизни, и это заставляет их ненавидеть кровопролитие. Нет такой причины, которая могла бы оправдать убийство. Человек — достаточно разумное существо и может упорядочить жизнь на земле таким образом, чтоб не лилась кровь и люди жили и трудились в мире.

Время близится к полуночи. Тихо вокруг, ни звука. Такая ночь вызывает грусть. Иногда сердце сжимается от ноющей боли, невозможно сопротивляться воспоминаниям. Они поднимаются откуда-то из глубины сердца. Вырывается глубокий вздох, и к груди подкатывает... Днем обычно заботы и хлопоты, радости и огорчения как-то отвлекают. И чем больше забот, тем меньше остается времени для грусти и печали.

Всего полчаса, как Рамаву легла. Она еще не спала. Думала. Надо бы ответить на письма, их скопилось много... Рамаву стала уже засыпать, как вдруг раздался звонок. Она мгновенно вскочила, схватила трубку.

— Алло!

— Это Рамаву? Выручите нас, Рамаву!

— Что случилось?

— Трудные роды. А доктора нет в городе.

— Сейчас приеду. Подготовьте ее...

Машина мчалась как ветер. Дорога пустынная. Не было ни души. Рабочий люд еще не проснулся. Безработные и зумака [1] тоже еще не вылезали из своих трущоб.

Несколько мужчин нетерпеливо ходили

[1] Лямбамена — специальная ткань, в которую малагасийцы заворачивают покойников перед тем, как положить их в склеп.

[1] Зумака — тунеядцы, хулиганы, деклассированные элементы.

Окончание. См. «Огонек» №№ 31—34.

взад и вперед по коридору. Некоторые были здесь еще со вчерашнего дня. Другие ждали уже несколько дней, освоились, перезнакомились. Третьи только что пришли и были полны сил и энергии — бодро фланировали вдоль по коридору. Знакомая картина. Рамаву не обратила бы на них никакого внимания — обычно она проходила мимо, не замечая этих взволнованных пап, часто даже подтрунивала над ними, — если бы не поведение одного из них. Увидев Рамаву, он заметался, как бы ища, куда юркнуть, спрятаться, сгинуть... Рамаву удивилась, но она так торопилась, что ей некогда было долго думать об этом. А потом и вовсе забыла — закрутилась на работе.

Женщина, которая ждала Рамаву, совершенно выбилась из сил.

— Вам необходимо немедленно на операционный стол,— осмотрев ее, сказала Рамаву.— Уже наступил срок. Надо делать кесарево, иначе вы не выдержите. Соберитесь с духом. Это нужно не только для вашего ребенка, но и для вас. И не бойтесь. У нас хорошая больница, новое оборудование. Бывали случаи потруднее вашего, и не раз. Все будет хорошо. Вы пришли как раз вовремя, в самое время, так что все будет хорошо.

Женщина — ее звали Расера — не переставала кричать. Такие случаи редки, малагасийские женщины считают зазорным даже стонать во время родов — так их воспитывают. Если вы услышите стоны и крики около родильного дома — скорее всего это рожает не малагасийка.

— Если я умру, что будет с мужем и детьми? У меня их девять. Муж шофер, получает мало, да к тому же пьет. Ой, как я боюсь!

— Возьмите себя в руки,— повторяла Рамаву, готовя ее к операции.— Только это вам сейчас нужно. Этим вы поможете нам и спасете себя и ребенка.

— Это последний. Ей-богу, последний! Больше не буду рожать. Хватит, и так слишком много... На этом поставлю крест.

Расера корчилась и кусала окровавленные губы. Кричать она уже не могла — из горла вырывались лишь хрипы...

— Ну, вот и все. Девочка. Поздравляю! Ух, ты какая горластая! Ну, кричи, кричи — пусть мама услышит твой голосок.

— Спасибо, доктор. — Расера облегченно вздохнула и улыбнулась. Из глаз катились счастливые слезы. У нее начался озноб, который иногда бывает после родов. Кроме того, она дрожала от пережитых волнений и страхов.

— Отвезите ее в палату. Дайте кислород и поставьте капельницу.

Но положение Расеры было тяжелым. На лице проступила мертвенная бледность. Губы посинели. Она была в полубессознательном состоянии. Только к вечеру наступил перелом, появилась уверенность, что опасность миновала.

К вечеру Рамаву зашла в палату 35 проведать Расеру. Той стало немножко получше, хотя она была еще очень слаба. Лежащие с ней в палате женщины собирались выписываться. Они не могли больше спокойно лежать, все время думая, как там дома муж и дети. Раньше — обсуждали женщины перемены в жизни — после родов нужно было лежать в постели целый месяц. Мать, сестры, золовки, свекровь — все крутятся вокруг тебя. Подают, убирают, ухаживают, а ты, как белоручка, лежишь себе, ничего не делая. А теперь? Едва переступишь порог дома, как сразу же на тебя наваливается вся домашняя работа, и начинается...

— Те, кто выписывается сегодня, будьте осторожны. Желаю, чтоб ваши малыши росли большими и здоровыми. Через две недели приходите на консультацию. Не ждите слишком долго, особенно если что не так. Не ленитесь — первый год просто необходимо, чтобы малыш был под наблюдением врача.

— Большое спасибо вам, доктор. До свидания!.. До новых встреч!.. — шутили женщины, смеясь.

— Тебе будет поспокойнее, когда уйдут эти хохотушки,— сказала Рамаву Расере.— Постарайся как следует выспаться, и силы быстро восстановятся. Завтра я зайду, хоть это не моя смена...

Рамаву решила уйти пораньше, чтоб немного отдохнуть. Но привезли двух женщин с тяжелыми родами. Только поздно вечером она наконец освободилась и отправилась домой. Рамаву валилась от усталости — ведь почти сутки не присела ни на минуту. Она медленно шла по коридору. Было тихо, навстречу попалась лишь уборщица с ведром и щеткой. Проходя мимо палаты 35, Рамаву заметила, что там горит свет. Она тихонько приоткрыла дверь. О, ужас! Что она видит? Тот самый мужчина, который так странно прореагировал на ее появление вчера ночью, беспорядочно сбрасывает в кучу вещи. Расера, уже одетая, сидит на краю кровати.

— Что здесь происходит?

— Я забираю ее.

— Расера, вам еще нельзя домой... Вы убиваете свою жену, господин!

— Это моя жена! И я сам отвечаю за нее,— ответил мужчина.— Она должна немедленно идти домой.

От него несло самогонкой. Он сжимал кулаки и нервно двигал челюстью. Расера облокотилась на спинку кровати, изнемогая от слабости. Она дрожала, лицо бледное, ни кровинки.

— Расера, немедленно ложитесь на кровать. Я вам не разрешаю уходить из больницы. Ваша жена больна, господин. Вы понимаете или нет, что такое кесарево? Благодарите бога, что нам удалось ее спасти. А теперь вы хотите ее убить? Вы не уведете ее отсюда, я вам не позволю ни за что!

— Ты не можешь мне запретить! Это не твое собачье дело, понятно?! — И мужчина вытащил пистолет.

— Господи, он ненормальный! — закричала Расера.

— Собирайся, Сера. Скорей, мы уходим. Она же погубит тебя и ребенка.— Он не сводил взгляда с Рамаву.— Вот прикончу и тебя тоже...

— Так это ты?..

— Ну, я-я...— сказал он с вызовом,— покончу наконец со всей вашей семейкой. Надоели мне всякие намеки и подозрения. Нет никакого житья ни от людей, ни от властей.

— Так вон оно что?.. Ну, что ж, давай!.. Тебе недостаточно, что ты убил мужа и сделал сиротой моего ребенка, когда ему было всего три года? Убей же и меня! Что сделали мы тебе, что ты считаешь себя вправе распоряжаться нашими жизнями, подлец?!

Рамаву шагнула к нему. Взгляд ее был твердым, она смело смотрела на приставленный к ее груди пистолет.

— Не приближайся ко мне, а то я и в самом деле выстрелю! — Мужчина отступил.— Сера, быстрей! Бери ребенка!

— Что же ты не стреляешь? — Рамаву сделала еще один шаг к нему.— Или ты трусишь?

Между ними оставалось два метра. В эту минуту Рамаву подумала: сколько времени она искала встречи с убийцей Рандриа, и вот он перед ней. Сколько времени она мучилась и страдала и теперь с радостью последует за своим мужем.

— Чего же ты ждешь? Твои руки уже обагрены кровью ничем не повинного перед тобой человека. Что ж, убей теперь и меня — ведь это я спасла твою жену и ребенка. Но скажи сначала, сколько вдов и сирот на твоей совести? Сколько денег получил, убивая малагасийцев, своих братьев по крови?

Расстояние между ними сократилось до метра. Голос Рамаву становился все выше.

— Почему же ты не стреляешь? Я тебя ничуть не боюсь!

Рука его задрожала, дуло пистолета то поднималось, то опускалось. Рамаву медленно подходила, мужчина отступал к стене. Рамаву подумала, что пистолет, наверно, не заряжен, раз он не стреляет, хотя рука у него перестала дрожать.

И вдруг раздался выстрел!

— Ой, Дзи! — закричала Расера, бросилась на пол и закрыла лицо руками. Ребенок заплакал.

Рамаву сделала рывок и схватила мужчину за руку. Прогремел еще один выстрел, и пистолет отлетел под кроватку ребенка, который уже надрывался от крика. Никто не пострадал. Лишь две дырки образовались в стене.

Все произошло в мгновение ока. Дзи бросился к окну и вскочил на подоконник. Рамаву и Расера вцепились в него, держа за руки с двух сторон. В этот момент в палату вбежали дежурившие в этот вечер врачи и сестры. Четверо мужчин подоспели на помощь Рамаву и Расере — держать Дзи, чтоб он не свалился с пятого этажа. Тот вырывался изо всех сил, брыкался ногами, отбивался кулаками. Невообразимые ругательства и проклятия неслись в адрес всех и вся, даже собственного ребенка, который уже закатывался от крика. Рамаву схватила малышку и подала ее матери.

— Возьмите ребенка, покормите его и немедленно ложитесь в постель.

Расера вся дрожала. Она отказывалась кормить ребенка и продолжала рыдать.

— Рабари! — Рамаву упала на грудь Рабари и зарыдала.— Это он убил Рандриа.— Она прятала на его груди лицо, чтоб не видеть этого отвратительного человека. Того уже выводили из палаты.

— Маву, успокойтесь,— сказал Рабари, когда они пришли в ординаторскую.— Я позабочусь об остальном. Он получит по заслугам. Мы не позволим, чтобы смерть Рандриа и его товарищей, сложивших голову за родину, осталась безнаказанной. Сейчас я вызову полицию, а потом отвезу вас домой. Успокойтесь. Берегите себя.

На следующий день Рабари зашел сделать Рамаву укол и измерить давление. Малянту стояла у изголовья постели и заплетала ей косы.

— У мамы очень длинные волосы, поэтому растрепались.

Обменялись лишь несколькими словами о здоровье и погоде. Замолчали, погрузившись в воспоминания о Рандриа.

— Ну, что вы думаете? — сказал Рабари.— Все его дружки уже в руках у властей. Говорят, это были наемные убийцы. Схватили их главаря. У него обнаружили огромные суммы денег — и малагасийские и валюту. Очень много фальшивых.

Рамаву глубоко вздохнула.

— Рабари, хватит с меня того, что я видела своими глазами лицо этого подонка. Если бы я захотела, то могла воспользоваться моментом, когда пистолет выпал у него из рук. Я могла бы дать ему возможность покончить с собой, когда он пытался выпрыгнуть из окна, и не несла бы ответственности за его смерть. Мои руки постоянно в крови, но они чисты. На них кровь тех, кому я спасаю жизнь. У меня достаточно возможностей отомстить ему еще и теперь — в моих руках его жена и ребенок... Я ненавижу этого убийцу, но я не из числа тех, кто проливает малагасийскую кровь.

— Рамаву, — спокойно сказал Рабари. — Я восхищаюсь благородством вашей души и силой убеждений. Преклоняюсь перед добродетелями вашего сердца — вы возвысились до вершин духа, недостижимых и непонятных многим людям наших дней. Однако... поймите, я не критикую и не осуждаю, я просто не могу согласиться с вами отпустить бандита, убийцу. Нет и нет, дорогая моя! Зло должно быть наказано. Он должен понести самое тяжелое наказание, которое может присуждаться властями за подобное преступление... Как вы, так и я — сколько мы перенесли за эти годы? Нас обвиняли в соучастии с этими продажными типами... В том числе, что мы стремимся захватить власть... и бог знает в каких еще грязных делах... вплоть до того, что мы были с вами близки... и нарочно угробили Рандриа...

— Рабари, умоляю вас, не продолжайте!

— Что тут происходит? — спросила Саундра, жена Рабари, неожиданно появляясь на пороге. Но никто не ответил на ее вопрос.

— Мне так же невыносимо, как и вам,— начал снова Рабари.— Но я молчал все это время. Я готов был вынести любую клевету, лишь бы не причинить вам боль. Сейчас я могу открыто сказать здесь, в присутствии своей жены: если бы я пытался что-то объяснить или отрицать, многие подумали бы, что я хочу скрыть вину или оправдаться. Но я не сомневался, что после темной ночи всегда наступает утро, рано или поздно. Правда пробивает себе дорогу.

— Пощадите, Рабари! Довольно! Вы бередите рану, уже начавшую зарубцовываться.

— Нет. Я еще не кончил, Рамаву. Это не тот случай, когда надо проявлять благородство и всепрощение. Преступники должны поплатиться за свое злодеяние, вся их шайка. Пусть Верховный суд решает теперь и определяет для них меру наказания. Иначе они будут попрежнему преуспевать, даже кичиться и продолжать свое грязное дело... И если вам недостаточно ясна вся гнусность их деяний, то вот посмотрите — список тех, кого они намеревались убить. А вот и билеты — они уже заготовили их, чтобы удрать за границу...

Рамаву закрыла лицо руками.

— Ужасно! Какие негодяи!

— Конечно, негодяи,— сказал Рабари.

— Рабари, как бы там ни было, я не изменю своего мнения: я против кровопролития... Но признаю теперь, что Верховный суд должен взять на себя всю ответственность, чтобы прекратить эти убийства. Я призываю его не прощать безнаказанно врагов страны.

Саундра держала в руках огромный букет орхидей, нежных, как фарфор. Весь дом сразу же наполнился чудным запахом, как только она вошла.

Она протянула орхидеи Рамаву. Рамаву прижала их к груди. «Орхидеи, благородный, гордый цветок, он не может стлаться по земле, он всегда стоит прямо».

Одну веточку Саундра дала Малянту.

— Нет-нет,— сказала девочка,— пусть все для мамы! Тогда она не будет больше плакать. Правда, мама?

— Правда, радость моя! Когда ты станешь матерью, даст бог, не будет причин, заставляющих плакать матерей!

Пройдет это время ненастное.
Тогда мамы плакать не будут,
Все беды и горе забудут.
И утро наступит прекрасное.

Перевела с малагасийского
Людмила КАРТАШОВА.

ИНФОРМАЦИЯ... ИНФОРМАЦИЯ... ИНФОРМАЦИЯ... ИНФОРМАЦИЯ...

КИРГИЗСКАЯ ССР

ВОСТОЧНЫЙ БАЗАР

В этих словах есть что-то завораживающее. Блеск атласа и шелков под ярким полуденным солнцем, гортанные голоса покупателей и продавцов, запах дыма от тандыров, в которых пекутся лепешки и самса, щедрые дары земли, взлелеянной руками дехканина, неспешные беседы в чайхане за пиалой душистого и терпкого зеленого чая...

Совсем недавно в столице Киргизии городе Фрунзе открылся новый торговый комплекс. Это единый архитектурный ансамбль, выполненный в восточном стиле.

Работой такой могут гордиться архитекторы — Ю. Чубаров и руководитель мастерской № 2 «Фрунзегорпроекта» А. Нежурин. В комплекс вошли овощные, промтоварные и продовольственные магазины, торговые навесы, мясные и молочные павильоны, чайхана, лепешечный цех, павильон бытового обслуживания, транспортное агентство и даже небольшая гостиница. А назван комплекс так: — «Ошский базар». Об истории появления во Фрунзе базара, который носит имя города, отстоящего от столицы республики более чем на шестьсот километров, рассказывает председатель Киргизпотребсоюза Токтогул Бекбулатович Чилебаев:

— Все началось с малого. В совхозе-миллионере «Кенеш» Карасуйского района проходило рабочее собрание, на котором обсуждались

ЛИТОВСКАЯ ССР

ДЕНЬ ВСЕХ РЕМЕСЕЛ

Принарядился, празднично украсился вильнюсский парк Вингис. Со всей Литвы собрались сюда кузнецы, специалисты по дереву, ткачихи, вязальщицы, прядильщицы, гончары. Здесь можно было встретить даже целые династии народных мастеров, унаследовавших секреты ремесла от дедов-прадедов,— семью ткачих Алалюнай из Паневежиса, плетчиков Кибартай из Шяуляя. Были тут и воспитанники Каунасского профтехучилища № 52 — будущие мастера по дереву, металлу, фарфору, керамике, ювелиры. Все они принимали участие в пятнадцатом Дне ремесел Литовской ССР, причем в самом Вильнюсе этот праздник проходил уже третий раз. Чего здесь только не было! Шумела веселая ярмарка, торговали пряниками, чудесными глиняными горшками, расписными деревянными ложками. Состоялись и соревнования, немало потешившие народ. Умельцы кузнецы ковали на счастье подковы, гончары тут же делали небьющиеся горшки, прядильщицы пряли нитки, что тоньше паутины, ткачихи ткали великолепное полотно, вязальщицы творили вязание пестрее, чем оперение дятла. Кстати, изображение этой неутомимой птицы стало символом нынешнего праздника.

Словом, всюду кипела работа, а чтобы дело шло веселее, играла

УКРАИНСКАЯ ССР

ГЭС НА КОЛЕСАХ

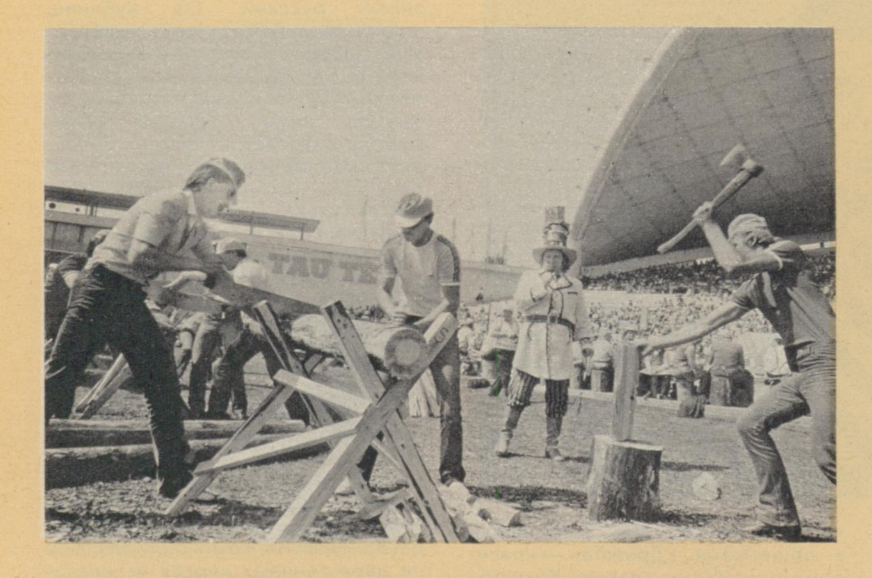
Ранней весной 1970 года в таежном аэропорту Нижневартовска приземлялись «Антеи». Из открытого чрева огромных машин мощные «КрАЗы» вытаскивали зачехленные фургоны. Под брезентом в каждом фургоне была смонти-

меры по претворению в жизнь Продовольственной программы. Было намечено увеличить производство фруктов и овощей, а для их сбыта построить фирменный магазин совхоза в городе Фрунзе. Инициативу поддержали не только хозяйства Ошской области, но и сельские труженики других районов и областей Киргизии.

ЦК компартии республики инициативу одобрил и предложил все фирменные магазины хозяйств Ошской области разместить на месте старого Ала-Арчинского рынка. Бесперебойное обеспечение «Ошского базара» дарами полей и ферм, закупку и реализацию излишков продуктов с личных подсобных хозяйств населения взяла на себя потребкооперация республики, которая имеет и транспорт и средства, чтобы содействовать успешному осуществлению Продовольственной программы.

Ю. РОМАНОВ
Фото автора

сельская капелла Вильнюсского государственного университета, духовой оркестр средней школы № 7, концертировала театральная труппа Музея быта и фольклорная группа Академии наук республики. В парке Вингис весело кружились в танце пары, звучали народные песни.

Объявляются лауреаты праздника. Самые красивые украшения получились у С. Алексы, лучшими гончарами оказались З. Казлаускас и Э. Пучила. В кузнечном деле всех превзошли П. Мажайтис и Р. Гячас. Самой искусной мастерицей-прядильщицей назвали А. Клямнинскене.

Призы им вручили победители прошлых соревнований.

Лилия МАУЛЯВИЧЮТЕ

На снимке: соревнуются мастера по дереву.

Фото А. Жижюнаса

рована передвижная газотурбинная электростанция мощностью 2500 киловатт — ПАЭС-2500. В качестве привода генератора в ней использованы авиационные двигатели, отработавшие положенный ресурс на самолетах. Топливо — попутный нефтяной газ. Разработали ПАЭС запорожские моторостроители в содружестве со специалистами добывающих отраслей и создали в сжатые сроки.

Мощные и мобильные, установки сразу же завоевали признание нефтяников. Три электростанции ПАЭС обслуживают два человека в смену, а один энергопоезд — 20 человек, и для его эксплуатации нужно 22,5 тонны воды в час... После удачной эксплуатации на тюменской земле спрос на передвижные газотурбинные электростанции резко возрос. Их можно увидеть сейчас на БАМе и Ямале, на Мангышлаке... Так авиационные двигатели, отработавшие свой ресурс в небе, продолжают нести ответственную службу на земле.

Группе работников запорожского производственного объединения «Моторостроитель», участвовавших в создании автоматизированных энергетических установок ПАЭС, присуждена премия Совета Министров СССР 1983 года.

М. КОПЫЧЕНКО

СВАТОВСТВО «МАЙОРА»,

ИЛИ ПОУЧИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ДЛЯ НЕВЕСТ

ФЕЛЬЕТОН

В. СЕРГЕЕВ

Виктор Щерба сидел у красной бочки и взирал в голубое крымское небо. Двадцать восьмой год жизни застал нашего героя в роли пожарного города Керчи. Надо сказать, что полет «мысли» был присущ Щербе. Это качество да еще располагающая внешность его подвели. И еще глава из «12 стульев» о быстром успехе Остапа Бендера у мадам Грицацуевой.

— Классиков нужно чтить,— решил пожарный,— будем менять профессию; примем эстафету у великого комбинатора.

Но замысел его едва не погубил костюм, на покупку которого не хватало денег. Пожарный ограничился собственным мундиром, пришив к нему майорские армейские погоны.

Обрядившись таким образом, новоявленный Остап убыл подальше от супруги.

— По спецзаданию,— поведал он на прощание.

Дефицит карманного бюджета задержал «майора» в Феодосии, где он проверил силу своих чар на гражданке Р. Двухчасовой дебют окончился предложением руки и сердца. «Невеста» сразу же подарила суженому восемьсот рублей на свадебные приготовления.

— Милая, встречаемся в семь. Я за покупками.

Долго бродила под фонарем Р., высматривая пылкого жениха.

А он тем временем мчал в Симферополь, где прямо на вокзальном перроне комплиментами из руководства для повес зажег очередной объект по фамилии М. Позже М. говорила, что ее сразила не столько красота будущего супруга, сколько возможность достать через него модное кожаное пальто. Получив шесть сотен и чмокнув невесту в нос, бравый кавалер скрылся за служебным входом ближайшего магазина. Читатель, конечно, догадался, что его там не нашли даже после троекратного учета товаров.

Мастерство брандмейстера росло. Некую Д. из Геническа ухажер обворожил за полчаса, прихватив у нее семьсот рублей.

А дальше путь Щербы лежал в Днепропетровск. Местной жительнице С. он представился работником угрозыска, посланным из столицы для поимки матерого преступника.

— Я вам дам парабеллум и три патрона. Прикроете со спины,— наставлял брачный аферист сомлевшую даму.

От участия в операции она откупилась двухмесячной зарплатой. И не зря.

— Майор-то, видать, погиб,— сообщала С. знакомым,— уже месяц не появляется.

Из города на Днепре Щерба телеграфировал домой: «Командировку продлили. Единственный». Здесь же, на почте, он успел пленить абонента З., от которой скрылся с неполной сотней.

Еще много путешествовал по стране наш «герой». Ознакомился с достопримечательностями ресторанов Киева, Москвы, Смоленска, Минска, Харькова и т. д.

Хватка жениха-транзитника крепчала. Список поклонниц рос. Но, увы, уже приближалась его лебединая песня. Последний раз он просолировал в вагоне поезда Запорожье—Киев. Изрядно захмелевший «майор» упал с верхней полки в объятия запорожской казачки С.

Молодые полетели к родителям невесты. В доме тещи однажды ночью из-под пышной подушки донжуана раздался диктофонный голос: «Майор Щерба, срочно прибыть через Москву и урегулировать скандал в Энске».

— Надо урегулировать,— объяснил заплаканной, но гордой «невесте» на проводах в столицу бывший пожарный.

Вскоре оттуда пришла депеша: «Есть дефицит. Жду денег». Получив кругленькую сумму, Щерба прошествовал в престижный ресторан, где и был задержан при попытке обворожить очередную «невесту».

...Недавно жена бывшего пожарника получила краткое послание: «Дорогая! Задерживаюсь на шесть с половиной лет. Раздул такой пожар, что его теперь тушить и тушить».

Запорожье.

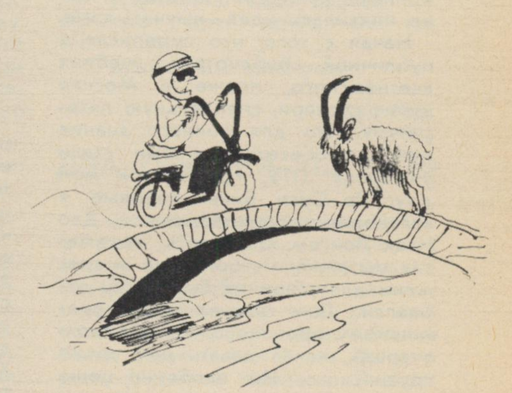
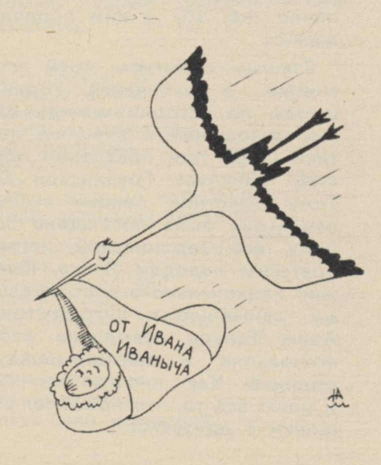
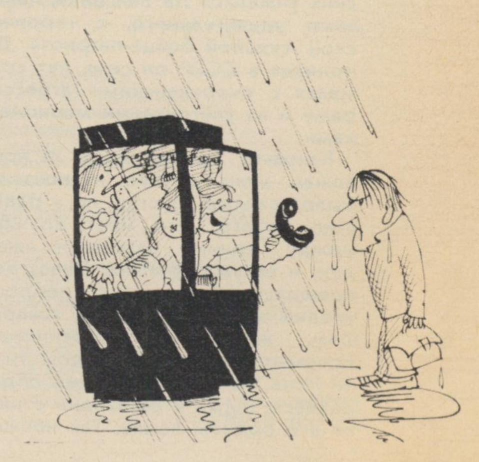

Рис. В. Воеводина.

Рис. Ю. Черепанова.

Рис. Н. Малова.

2 СЕНТЯБРЯ — НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРАЗДНИК СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ

НЕТ НИЧЕГО ПРЕКРАСНЕЕ

Дорогой «Огонек»! Пишет вам почтальон из Тбилиси. Конкурс «Мы — интернационалисты» оживил в моей памяти образы многих прекрасных людей из далекого Вьетнама, напомнил те чудесные минуты, когда мы были вместе.

Ровно семь лет назад я познакомился с учащимся Тбилисского профтехучилища № 6 Ле Суан Бинем (на снимке он в центре, справа его друг Тхань). И разве мог тогда предположить, что эта встреча определит наиболее важные моменты в моей последующей жизни? Бинь хорошо знал русский, который изучил у себя на родине, между нами сразу же возникли теплые, по-настоящему братские отношения. Брат Биня, много его друзей героически погибли на фронте, а ему самому пришлось не раз быть на волосок от смерти, когда рядом взрывались американские бомбы. Мой друг мечтал стать хорошим рабочим, и я искренне рад, что мечта его осуществилась.

Бинь увлекался литературой, поэзией, сам писал стихи и переводил их на русский. Он с восторгом цитировал поэтов Вьетнама, любил творчество вождя своего народа Хо Ши Мина. Рассказы его пробудили во мне интерес к истории героической республики на Индокитайском полуострове. Я, в то время студент-заочник факультета русской филологии Тбилисского педагогического института имени А. С. Пушкина, что называется, «заболел» Вьетнамом.

Вскоре мой новый друг уехал на родину, начал работать на Ханойском инструментальном заводе. Между нами завязалась переписка, друг другу мы написали много десятков писем. Я стал постоянным слушателем радиостанции «Голос Вьетнама». Из передач на вьетнамском языке поначалу понимал немногое, и тогда у меня появилась идея—выучить язык.

Начал с того, что переписал в публичной библиотеке учебник вьетнамского, позже в Москве купил словари, специальную литературу. Но для полного знания нужны собеседники. Ими стали учащиеся ПТУ, где учился мой друг Ле Суан Бинь. Впервые я заговорил по-вьетнамски с Дао Нгок Лонгом. Случилось, что вместе мы лежали в больнице и времени для общения было хоть отбавляй. Лонг научил меня правильному произношению, я, в свою очередь, начал давать ему уроки грузинского. Но особенно ценю помощь руководителя вьетнамских учащихся Ле Ван Биня, человека удивительного, с героической судьбой бойца-патриота. До приезда в СССР он семь лет сражался с американскими агрессорами и их сайгонскими марионетками.

Какое-то время спустя я провожал моих друзей на вокзале. Было немного грустно, но и радостно оттого, что мост дружбы между нашими народами наведен, и весьма крепкий. Поезд дал прощальный гудок, с перрона уходил я с вьетнамским товарищем, как потом выяснилось, аспирантом-литературоведом Нгуен Нгиа Чонгом. Он весьма обрадовался, когда я заговорил с ним на его родном языке. Так неожиданно дружба с сыновьями братской страны нашла продолжение.

Чонг готовился к защите диссертации. Тему выбрал сложную, но интересную — «Проблема положительного героя в литературе социалистического реализма». Вот как характеризовал он нового человека новой литературы Вьетнама: «Это человек идейно убежденный, с прекрасным сердцем. В суровой классовой и национальной борьбе нашего времени он прежде всего является настоящим патриотом. Патриотизм нового человека гармонично сочетается со светлым чувством пролетарского интернационализма. Новый человек — это человек, обладающий глубокой любовью к трудовому народу, умеющий жить дружно с товарищами, сотрудничать с ними, оказывать им помощь в труде, борьбе, учебе. Свой высокий идеал — счастье — он видит в том, чтобы сделать жизнь всех людей свободной и счастливой. Примером может служить герой романа Нгуен Динь Тхи «Рушатся берега» — коммунист Кхак...»

Слушателям моих лекций я часто рассказываю, как реальные факты опровергают западную антисоветскую и антисоциалистическую пропаганду. Вот живой пример. Один из моих вьетнамских друзей, Нгуен Куонг Гуен, выпускник Тбилисского ПТУ № 6, работает на заводе в городе Горловка. Работой доволен, ведь выбирал ее сам, чтобы побыстрее получить трудовые навыки, столь необходимые на родине. Всем известно, как западные борзописцы и радиоголоса изощрялись в нелепицах, пытаясь очернить братскую помощь Советского Союза в деле подготовки рабочих кадров для Вьетнама. От Гуена из Горловки я получал много писем, где он писал: «Приезжай, брат! Посмотришь, как мы счастливо живем!» Поездка состоялась ровно год назад. Мы встретились в общежитии «Дружба» — красивом и удобном здании. Комнаты рабочих-вьетнамцев большие, светлые, с хорошей мебелью, телевизорами. Есть отличная столовая, заработки такие же высокие, как и у советских товарищей. Во время отпусков едут они или домой, или к своим друзьям в братские страны социализма — Чехословакию, ГДР. Конечно, нам было о чем вспомнить, говорили до полуночи на русском, вьетнамском языках и даже по-грузински. Жаль, что такие встречи нечасты...

Когда Чонг заболел, я помогал быстрее напечатать автореферат его диссертации и поэтому считаю, что внес хоть и небольшой, но вклад в успешную и досрочную защиту работы. Помощь такого рода всегда интересна: получаешь новые знания по лингвистике, истории, усваиваешь тонкости языка. Сейчас Чонг преподает литературоведение и эстетику в Ханойском педагогическом институте, возглавляет первичную партийную организацию вуза. И, конечно же, мы с ним переписываемся...

Важным событием моей жизни считаю я окончание годичной школы по истории международных отношений и внешней политики СССР при правлении общества «Знание» Грузинской ССР. Тему зачетной лекции выбирал сам — она была посвящена Вьетнаму, его героической истории, братским народам Лаоса, Кампучии, национально-освободительному движению в Юго-Восточной Азии. Теперь совмещаю работу почтальона и лектора-международника. Как никогда понимаю и ценю все то, что приобрел в общении с друзьями.

Однажды от моего первого друга Ле Суан Биня пришло письмо. Он сообщал, что в Москве, в Институте русского языка имени А. С. Пушкина, проходит стажировку Нгуен Туи Винь, сестра его жены, лектор из Ханойского политехнического. Мне должно быть интересно с ней познакомиться — как-никак люди одинаковых профессий всегда найдут тему для разговора. Так свой очередной отпуск я проводил в Москве в обществе интереснейших людей. Вместе ходили по столице, посетили Мавзолей В. И. Ленина, фотографировались на Красной площади. Благодаря Винь у меня завязалась крепкая дружба с писателем Ле Куанг Хао. Уже из Вьетнама он прислал мне свою повесть «Утренний лес». Сейчас работаю над переводом этой книги и как будто путешествую во времени — действие происходит накануне Августовской революции 1945 года.

Еще увлекся вьетнамской поэзией, делаю подстрочники для художественного перевода стихов на мой родной грузинский. Хочется ближе познакомить читателей республики с очаровательными, на мой взгляд, произведениями поэтов Вьетнама.

Среди советских друзей, кто помогает мне в изучении вьетнамского языка и истории, особо хочу выделить доцента Московского государственного института международных отношений Александра Евгеньевича Черемных. Он познакомил со своими трудами по истории Вьетнама, дал необходимые практические советы.

Столица нашей Родины Москва — место моих встреч с друзьями, место новых знакомств. В прошлом году в книжном магазине «Дружба» покупал я несколько книг на вьетнамском и «Дон-Кихота» на испанском. Стоявший рядом товарищ заговорил со мной. Как смог, я ответил по-испански. Но оказалось: мы оба знаем русский. Он кубинец, учится в Москве, зовут Инфанте Хуан Фернандес, сам вызвался, если я не против, помочь в изучении нового языка. Первый мой учитель испанского был очень рад, что встретил советского товарища, говорящего по-вьетнамски. Ведь народы Вьетнама и Кубы связывают великие традиции национально - освободительной борьбы, общее дело строительства социализма. Имена Хо Ши Мина и Фиделя Кастро стали символом борьбы с американским империализмом. Вьетнам — первое социалистическое государство в Юго-Восточной Азии, Куба — в Латинской Америке. Великий кубинский поэт-патриот Хосе Марти еще в прошлом веке восхищался народом Вьетнама.

С Инфанте сейчас я переписываюсь по-испански и совсем недавно сдал на «отлично» экзамен на двухгодичных курсах испанского при университете. Преподаватель у нас — Мартина Минеги Бильбао, чья первая родина Испания, а вторая — Советский Союз. Вместе с тысячами юных соотечественников нашла она здесь убежище от франкистского террора.

Я еще могу много написать о своих друзьях. О студенте Сек Энге из Кампучии, чей отец пал жертвой кровавого полпотовского режима. Вы, наверное, догадаетесь, что Сек с моей помощью начал хорошо говорить по-русски, а я теперь могу немного объясняться по-кхмерски. От него всегда можно услышать добрые слова благодарности в адрес Советского Союза и Вьетнама, которые помогли народу Кампучии спастись от полного физического уничтожения, а ныне оказывают республике бескорыстную братскую помощь.

А закончить хочу строчками из письма от одного из моих вьетнамских друзей: «На свете нет ничего прекраснее и дороже дружбы и братства».

Владимир ГАБЕДАВА

Тбилиси.

РУССКИЙ — ЯЗЫК ДРУЖБЫ

С Социалистической Республикой Вьетнам я познакомилась в тот самый год, когда первый человек с планеты Земля шагнул в космос. Тогда мы, учителя, приехали на юго-восток азиатского материка, на землю, где недавно еще шли жестокие бои. Вьетнам жил мирной жизнью, хотя и оставался разделенным на две части. Народ и партия взяли курс на построение социализма на Севере.

Молодой республике нужны были кадры для развития экономики. Советские учебные заведения готовы были принять вьетнамских студентов, но для этого им предстояло овладеть русским языком.

...Ханой встретил нас субтропической жарой, цветами, улыбками и крепкими рукопожатиями. Приветливые, доброжелательные вьетнамцы понравились нам с первых же минут, сразу стало как-то тепло и хорошо на душе. Я теперь вспоминаю эти годы с замиранием в сердце, часто перечитываю письма и рассматриваю фотографии того времени. Ведь работать было одно удовольствие, наши подопечные учились с большим рвением, старательно выполняли все задания, даже в перерывах между занятиями расспрашивали о Советском Союзе, куда им предстояло ехать, о людях, обычаях... И, хотя жизнь в те годы во Вьетнаме была тяжелой — особенно недоставало продовольствия, были полны оптимизма. За это молодых парней и девушек нельзя было не полюбить. Нас, женщин-преподавателей, они называли сестрами, матерями. Однажды, когда учеба подходила к концу, даже сочинили стихотворение на русском языке, в котором были такие строчки: «Нашим преподавательницам! Маленькая Вера, ласковая Клавдия, наши русские преподавательницы. И нежная Ольга, веселая Екатерина... Они — дочери Москвы. Во имя дружбы сюда вы приехали, чтобы выучить нас,— без сна вы работали... Прекрасна Советская страна, у которой такие дочери!»

Со многими из них мы встречались потом в Москве, вспоминали годы, проведенные вместе. А разговаривали на русском языке — языке дружбы. За то время, пока писала письмо в «Огонек», словно заново прожила два своих года во Вьетнаме. Посылаю одну из фотографий того периода. Она сделана на Ханойском вокзале во время проводов одной из групп вьетнамской молодежи в Советский Союз на учебу. Спасибо за конкурс «Мы — интернационалисты».

С уважением —

К. СМИРНОВА,
преподаватель русского языка.

Москва.

ДОРОЖЕ ЗОЛОТА

Здравствуй, «Огонек»!

Учусь я на третьем курсе факультета русского языка, с большой радостью принимаю ваше предложение вместе писать летопись дружбы, летопись интернационализма. Во Вьетнаме я встречала много советских юношей и девушек. Они прекрасные товарищи, верные друзья. Живя вдали от Родины, бескорыстно помогают нашей стране строить социализм. Их радости — это наши радости, а горечь и печаль мы также делим пополам.

Вы думаете, капиталист понимает значение слова «интернационализм»? Конечно, нет, за деньгами он не видит ничего. А для нас, как говорится в русской пословице, дружба дороже золота. Ведь именно дружба помогла вьетнамскому народу победить своих врагов.

Никогда не забуду я первую свою преподавательницу, Александру Даниловну Бойсхоеву. В прошлом году она нас учила русскому, а когда уезжала к себе на Родину, мы плакали, прощаясь, и пели песню о ней. Разве можно забыть человека, который учил душой и сердцем? Александра Даниловна открыла для нас красоту языка, культуру своего народа, познакомила с русскими и советскими поэтами, художниками, писателями. Посылаю фотографию, на которой мы вместе сфотографированы, надеюсь, что она увидит ее. А придет время — мы встретимся. Ведь друзья не забывают друг друга — не так ли?

С дружеским приветом

Буй ТХИ.

ДВА ПИСЬМА ИЗ ХЮЭ

МЫ — ПОБРАТИМЫ

Дорогие товарищи! Из города Хюэ, из далекого Вьетнама, посылаю вам слова привета и пожелания здоровья.

Народ моей страны самоотверженно трудится, строя новое общество. Наши конкретные дела — это исполнение заветов Великого Октября. Деятели литературы и искусства также вносят свой вклад в укрепление вьетнамо-советской братской дружбы.

Я еще не был в вашей стране, но я питаю к ней большую и искреннюю любовь. Каждый раз, когда я вспоминаю о Брестской крепости, о Минске, испытываю глубокое волнение, ведь Белоруссия и провинция Биньчитхиен связаны особыми узами дружбы — они побратимы.

Я написал стихотворение «Песнь о трех березках», в котором воспел героический белорусский народ и дружбу между нашими странами. Посылаю вам это стихотворение. Хочу представиться. Меня зовут Нгуен Куанг Винь, я поэт, редактор журнала «Литература и искусство» провинции Биньчитхиен.

НГУЕН КУАНГ ВИНЬ

ПЕСНЬ О ТРЕХ БЕРЕЗКАХ

Советской Белоруссии посвящается.

Тяжкие годы неволи,
враги,
схватка смертельная
с силою черной...
Здесь
ради светлой свободы
погиб
каждый четвертый,
да, каждый четвертый.

Здесь,
где в цветах копошатся шмели,
где имена бронзовеют на плитах,
каждая пядь белорусской земли
пламенем пытана,
кровью полита.

Брестская крепость!..
Века и века
подвигу жить —
и цвести нашим веснам.

«Мы умираем...—
обломком штыка
выбито в камне.—
...но мы не сдаемся!»
Бело-березовый
край голубой,
знаю —
отсюда, милы и неброски,
вышли однажды веселой
гурьбой
и разбежались по свету
березки.
Группками по три
стоят у дорог.
ветви зеленые к солнцу
простерты,
по три подружки
из тех четырех —
нету четвертой,
нет каждой четвертой...

О Белоруссия!
Пусть не пришлось
мне поклониться
сожженной Хатыни —
в сердце
любого вьетнамца
нашлось
место
березке твоей и святыне.

Ведь и у нас,
где бамбук освящен,
в пору,
когда жизнь была
полумертвой,
пытан огнем
и бедой опален
если не третий,
то каждый четвертый...

Перевел с вьетнамского
Иван ИСАЕВ.

Жить и бороться

Кадры довоенной кинохроники донесли до нас митинг на Московском электрозаводе, прогремевшем в годы первых пятилеток: свой пятилетний план завод выполнил тогда за два с половиной года. В числе выступавших на митинге можно увидеть и юного электромонтера Александра Чаковского.

Он родился в Ленинграде (тогдашнем Петербурге) в семье врача. Детство его связано с Самарой (Куйбышевом), где в 1930 году будущий писатель окончил среднюю школу. Пора трехлетней трудовой школы на заводе, учеба в Литературном институте имени А. М. Горького и в аспирантуре МИФЛИ. В 1931-м он вступил в комсомол, в 1941-м — в партию.

Небольшие беллетризованные биографии Анри Барбюса (1937) и Мартина Андерсена-Нексе (1940). С них начинался творческий путь молодого критика и литературоведа. Выбор не случаен. Страстный революционный пафос художников-коммунистов, их вера в нового человека, горячая влюбленность в нашу страну — все это отвечало сформировавшимся внутренним убеждениям А. Чаковского, стремившегося к активному вторжению в действительность, к раскрытию высокого жизненного предназначения своих героев.

Столь же не случаен и его роман-дилогия «Это было в Ленинграде» (1944—1946), которым он прочно утвердил себя в советской литературе. Дилогию составили книги «Военный корреспондент» и «Лида» (позднее автор присоединил к ним третью книгу — «Мирные дни»). А. Фадеев сразу отметил это произведение. Он не ошибся, роман А. Чаковского выдержал испытание временем.

Секрет его успеха прост, но как много сложного в этой кажущейся простоте. В основу произведения легли непосредственные впечатления автора, участника героической обороны Ленинграда в качестве корреспондента газеты Волховского фронта. Правдиво и искренне рассказал он о блокадном городе, изумившем мир своим мужеством, о том, что видел и пережил сам. Правда здесь не нуждалась в художественных украшениях. А то, что книги дилогии писались во время войны, придавало им особое, неповторимое звучание, делало взволнованным документом эпохи.

Два главных действующих лица — корреспондент фронтовой газеты Савин и медсестра Лида — поочередно ведут нить повествования. Жизнь и борьба сопрягаются для этих людей в единое понятие. Жизнь-борьба становится отныне лейтмотивом характеров героев Александра Чаковского.

Мы узнаем подобных героев на страницах дилогии. По велению долга идет туда, где всего трудней, подруга Лиды Ирина, дни и ночи работающая на заводе, нередко под вражеским обстрелом. «Надо сделать» — основные, определяющие жизнь слова начальника комсомольского поста Ксении Сергеевны. Шестнадцатилетний Никанор Варягин становится на место мастера и принимает на свои плечи ответственность за таких же, как он, подростков. Кажется, и смерть бессильна вырвать баранку грузовика из обмороженных рук шофера «Дороги жизни». И одно лишь властное «пробьюсь» владеет в окружении раненым лейтенантом Андриановым... Отдельные образы защитников города Ленина складываются в обобщенный портрет непобедимых ленинградцев.

«Вот так каждую ночь по Ленинграду проезжаю,— думает один из героев романа.— Особый груз перевожу... Посмотришь — будто пустой Ленинград. И людей с вечера уже совсем не видать, и войск никаких не видно. А взять этот город нельзя. Точно невидимые защитники у него. Дотронешься — убьет».

Спустя двадцать лет после создания дилогии «Это было в Ленинграде» Александр Чаковский вновь обратится к теме сражающегося города на Неве — он пишет роман «Блокада». А пока писатель увлечен мирным трудом советских людей. Романы и повести «У нас уже утро» (1949), «Год жизни» (1956), «Дороги, которые мы выбираем» (1959), «Свет далекой звезды» (1962), «Невеста» (1966) открывают перед читателями дела и мысли современников, рисуют большие заботы и устремления нашего общества. Современность... Ей художник остается верен неизменно. По его произведениям можно проследить важнейшие вехи в жизни народа, страны — социальные, политические, нравственные, поступательный ход развития истории.

Роман «Это было в Ленинграде» написан по горячим следам событий. «Блокада» и последний политический роман А. Чаковского — «Победа» — рассматривают уроки минувшей войны с высоты дня сегодняшнего во имя дня завтрашнего. Жесточайшие испытания, выпавшие на долю нашего народа и страны в годы смертельной битвы с фашизмом, ее справедливый, освободительный характер и великие гуманистические цели так или иначе присутствуют в каждом послевоенном произведении писателя.

Отвечая на вопрос о причинах, побудивших его взяться за роман «Блокада» (1968—1974), А. Чаковский, в частности, сказал, что художественное изображение Великой Отечественной войны, и особенно ее первого года, служит в наши дни действенным средством отпора буржуазным фальсификаторам истории, старающимся исказить и принизить роль Красной Армии и советского народа в разгроме гитлеровских полчищ.

Роман представляет собой органичный сплав вымысла и документа. Герои произведения — реальные исторические лица: партийные и государственные деятели, руководители обороны Ленинграда, рядом с которыми мы видим героев, рожденных авторским воображением,— офицеров, солдат, рабочих, служащих, студентов... Это, пожалуй, самая «густонаселенная» книга А. Чаковского. Действие ее не ограничивается каким-либо одним участком фронта, а происходит на ленинградских заводах и улицах, в квартирах, в штабе, в окопах переднего края, перенося временами в Москву, в Ставку Верховного Главнокомандующего и в верхи гитлеровской Германии. Таким образом, героическая ленинградская эпопея постоянно соотносится в романе со всей войной и прослеживается на фоне общих исторических закономерностей.

Недавно вышел политический роман «Победа», возвращающий читателя к Потсдамской конференции союзных держав антигитлеровской коалиции, на которой обсуждались судьбы послевоенной Европы. И вновь перед нами — свободное переплетение документа, вымысла, публицистики, полемически заостренных размышлений, направленных на разоблачение наших недругов.

Неустанные усилия партии по предотвращению войны, ее руководящая роль в борьбе за мир показаны здесь наглядно и убедительно.

Злободневная наступательная публицистика — неотъемлемая часть творчества А. Чаковского. Она продиктована его темпераментом общественного деятеля и журналиста. Верность этим призваниям писатель сохраняет на протяжении всей жизни. Военный корреспондент фронтовых газет, он затем редактировал журнал «Иностранная литература», а с 1962 года возглавляет «Литературную газету». Секретарю Правления Союза писателей СССР, депутату Верховного Совета СССР А. Б. Чаковскому довелось побывать во многих странах, участвовать в международных форумах и встречах. Он хорошо знает наших идеологических противников «в лицо» и умеет вести с ними страстную, бескомпромиссную полемику.

Об этом свидетельствует последний сборник публицистических статей и выступлений А. Чаковского. Большинство их знакомо читателям по страницам «Правды», «Известий», «Литературной газеты» и других периодических изданий.

Герой Социалистического Труда писатель Александр Борисович Чаковский встречает свое семидесятилетие полным творческих сил. Впереди новые замыслы, книги, свершения.

Ю. ОСИПОВ

А. Иванов. 1806—1858. ЖЕНИХ, ВЫБИРАЮЩИЙ СЕРЬГИ ДЛЯ НЕВЕСТЫ.

В. Серов. 1865—1911. ПОРТРЕТ С. М. ЛУКОМСКОЙ.

ЖАЛЕ

Дайте нам вырасти

Во время демонстраций против нейтронной бомбы французские матери писали на детских колясках, требуя от имени своих детей: «Дайте нам вырасти!»

Дайте возможность нам вырасти!
Мы в колыбельках детских,
Но и вся земля для нас — колыбелька
С пологом синего неба,
С пологом тихого света,
С ветерками летучими,
Со звездами яркими и падучими,
С цветами первыми,
С голубями белыми.
Улыбаясь, вас просим
И, плача, вас просим:
Дайте нам вырасти!
Чтобы землю теплую поцеловать,
Дайте возможность нам вырасти.
Чтобы матери доброе слово сказать,
Дайте возможность нам вырасти.
Чтобы отца в борьбе поддержать,
Дайте возможность нам вырасти!
Мы — в играх с куклами,
Мы — в мире сказок,
Мы — с цветами и птицами,
Мы — с разноцветными бабочками,
Мы — в забавах, в прогулках, в спорте,
Мы — в учебе, в науках, в искусстве,
Просим у вас, как милости:
Сколько хотите спорьте,
Но дайте нам вырасти!
Мы, как цветы и птицы,
Невинны и бессловесны,
Но, чтобы мир нас спас,
Поэт, говори за нас.
Люди сгорят и исчезнут,
Цветы и сады останутся,
Люди сгорят и исчезнут,
А города останутся,
Люди сгорят и исчезнут,
Поля и моря останутся.
Но если даже
Каждый цветок в саду
Будет изумруд и алмаз,
Кому и зачем он нужен
Без восторженных детских глаз?
Города без надежд,
Города без мечтаний,
Города без любви,
Города без печали,
Города бессловесны, пустынны, бездушны...
Кому это нужно?
Вам это нужно?
Вы — безумцы.
Так что же,
Безумства творите,
Для нейтронной чумы
Двери все отворите,
Всю культуру, весь разум
Возьмите и выбросьте,
Но сначала...
Сначала позвольте нам вырасти!
Мы — дети,
Мы ведь, как цветы и птицы,
Невинны и бессловесны,
Но, чтобы свет на земле не погас,
Поэт, говори за нас!
Мы — это завтра,
Завтра — наше,
Мы пустыни великие перепашем,
Мы напишем
На каждом древесном листе:
Слава жизни,
Слава радости,
Слава любви,
Слава работе,
Слава мечте!
Мы сумеем от сумасшествия
Наш цветущий,
Наш прекраснейший мир спасти,
Но позвольте нам вырасти,
Но позвольте нам вырасти!

ТЕГЕРАН

Ночь,
Что опустилась над Тегераном,
Имеет тяжесть свинца.
Свинец,
Придавивший мой город,
Имеет непроницаемость ночи.
И только луна —
Единственная лампада —
Над Тегераном притихшим,
Над Тегераном черным
Горит и светится, как кусок янтаря.
Тегеран, как женщина,
Преисполненная терпенья,
Тегеран, как красавица,
Одетая в черное,
Тегеран, как возлюбленная,
Ждущая своего часа.
Я помню,
Как утреннее солнце
Освещает белоснежную гору Альбора,
Снега становятся золотыми,
Снега становятся алыми.
Если сердце не дрогнет
Перед красотой моего Тегерана,
Это не сердце, а камень.
Но о каких красотах
Можно сейчас говорить,
Если ночь, что опустилась на Тегеран,
Имеет тяжесть свинца,
А свинец, придавивший мой город,
Имеет непроницаемость ночи?
Прочь все красоты,
Нежность, любовь,
Все личное — прочь!
Быть теперь в стороне
От судьбы народа — позор.
Иран — это гнев,
Иран — это кровь и буря.
Лист на дереве
Не может оставаться спокойным,
Если дует могучий ветер,
Человек
Не может думать о личном счастье,
Когда народ поднялся в борьбе за свободу.
Иранка-мать произносит гордо:
«Мой сын погиб в борьбе за свободу».
Иранский мальчик разбивает свою копилку
И несколько накопившихся монеток
Протягивает в своей шестилетней ладошке:
«Я отдаю эти денежки борьбе за свободу».
Мы — поколенье борьбы и надежды,
Мы — наследники павших героев,
Иран не будет пучиной мрака.
Тегеран не будет городом страха.
Тьма превратится в солнце,
Ночь превратится в утро,
Сегодня — в завтра.

ЛОНДОН

О Лондон,
О Лондон в мае,
Май в огромном городе Лондоне!
Всюду гроздья цветов,
Все цветет: и деревья и травы,
А деревья огромные, древние,
Словно крепость, каждое дерево,
Изумрудная пышная крепость,
Не крепость, а прелесть.
На зеленых газонах — крокусы,
На зеленых лужайках — тюльпаны,
Среди травки подстриженной простенькой
Светятся, как лампады.

Аромат, прохлада и свежесть.
Лондон в мае.
Иду по тебе утром рано.
На весенней зеленой земле ты расстелен,
Как огромный цветистый ковер из Ирана.
(А Иран — это горечь,
А Иран — это рана,
А Иран — гнездо каменистое.
Оттуда вылетело мое сердце, как птица,
И куда оно
Из Парижа, Рима иль Лондона
Не устанет стремиться.)
Лондон,
Город зелени, цветов и дождей,
С небом то синим, то серым,
С солнцем то ярким, то тусклым,
С водами Темзы темными, мутными,
С домами тихими, малолюдными,
С решетками медными в переулках,
С лордами-всадниками на прогулках,
С речами свободными, но бесплодными,
С людьми сверхвежливыми, но холодными.
В течение многих веков
Золото, серебро, старинные вещи
Свозились сюда из всех уголков земного шара.
И все было мало.
Изумруды, алмазы,
Золотая статуя Будды,
«Кохинор» * из сказочной Персии,
Изделия всех ремесел
Многочисленнейших народов,
Из глины, камня, дерева,
Из слоновой кости застывшие песни,
Наследие бессмертных гениев,
Великие произведения искусства
Вобрал в себя город Лондон,
Дворцами и музеями горд он.
Город роскоши
И богатств огромных,
Нрава жесткого
И бродяг бездомных.

Короли и жалкие пешки,
Проститутки и в норках дамы,
Биржи, банки, торговля, спешка,
Свистопляска огней рекламы.

В глубине ночей твоих, Лондон,
Есть наркомания,
Воровство,
Убийства,
Есть свобода митингов, речей, обращений
И свобода чудовищных извращений.
У тебя есть небо,
Но есть и дно,
Шекспир на сцене
И казино.
Конечно, полиция и порядок,
Но преступление — вот оно, рядом.
Как перемешаны люди на тротуарах!
Взглядом их не охватишь сразу.
Группы, одиночки и пары
Всех стран, всех религий, от каждой расы.
Волосы серые, кучерявые,
Волосы светлые и прямые,
Руки выхоленные и корявые,
Взгляды восторженные и немые.
Цвет кожи оливковый,
Цвет кожи коричневый,
Цвет кожи белый, как снег.
Глаза зеленые,
С пламенем в глубине, ночные,
Глаза поднебесно-синие.
Не увидишь всех, не запомнишь всех.
И есть мечта
У моего наивного, глупого сердца,
Чтобы глаза эти разные
Всегда смеялись,
Чтобы руки эти многие
В рукопожатии соединялись,
Чтобы оттенки кожи эти прекрасные
Неизменными оставались,
Потому что кровь у нас у всех —
Одного цвета,
Потому что на нас на всех —
Одна планета.
Весенний город,
Многолюдный город...
Но сердце мое не Лондону
Сегодня отдано.
Оно — где родина,
Оно — где огненно.
Оно не здесь, где цветы и прохлада,
Где эта величественная ограда.
К земле истерзанной Хузестана
Стремиться сердцем не перестану.
В цветенье весеннем,
В цветенье майском
Великий город, могучий город,
А я о родине многострадальной
Думаю горько, думаю гордо.

Перевел с персидского
Владимир СОЛОУХИН.

* Один из самых крупных в мире алмазов.

Валерий ПОВОЛЯЕВ

МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ

Рисунки Е. ШУКАЕВА

КУРИНЫЙ БОГ

Вы, конечно же, знаете, что такое куриный бог?

Куриный бог — это камень, который нигде, кроме пляжей, не водится. Во всяком случае, я не встречал подобных камней ни на берегах золотоносных сибирских рек, ни у ошеломляющих, полных вязкого пушечного грохота водосбросов Памира и Тянь-Шаня, ни на Байкале, где диковинных голышей, обкатанных холодными волнами, полным-полно, и вообще здешние самоцветы просто просятся в руки, ни на кромке Северного Ледовитого океана. Единственный раз я нашел нечто подобное на берегу Берингова пролива, в Уэлене, но и то потом понял, что это не куриный бог, а довольно лихо обработанный лютой морской водой челночок — камень, похожий на удлиненную овальную баранку, которые у нас в Москве продают почти в каждом хлебном магазине к чаю. Отверстие в челночке было выбрано и отшлифовано идеально, получше, чем у иного мастака, специализирующегося на обработке и полировке, через овал хорошо было смотреть на море, домики поселка, скучившиеся в глубине косы, отделяющей бурный пролив от спокойной небесно-бирюзовой лагуны,— все краски сразу оживали, приобретали особую остроту и звучание.

Куриный бог — это гладкий плоский камешек, который имеет в своем теле крохотное, величиной с маковое зернышко отверстие, куда только нитка либо тонкая проволока и пролезет. Говорят, камень этот приносит счастье тому, кто его найдет.

Хотя Каштанов считал, что для счастья одной находки ой как мало, нашел камень с дыркой, повесил его на шею, как амулет, способный оградить от дурного глаза, притеснения начальства и профсоюзного выговора, и радуйся жизни: над тобой, мол, всегда будет безоблачное небо — ни фига подобного (так иногда выражается Каштанов), для счастья одного куриного бога мало.

Мало!

Куриных богов должно быть семь.

Семь, ни больше ни меньше. Один камень надо найти в понедельник, второй — во вторник, третий — в среду и так далее, в каждый день недели по одному куриному богу, причем нельзя находить, допустим, в один день два камня, а в другой — ни одного, правило очередности и счет должны соблюдаться очень строго. Потом все это надо нацепить на одну красивую веревочку и носить на себе в виде ожерелья — вот тогда и будет работать амулет счастья: набор из семи куриных богов.

Несколько лет подряд Владимир Каштанов приезжает отдыхать в Коктебель. Только сюда, больше никуда. Ему нравятся здешние места, нежное и теплое, так размягчающе действующее море — при воспоминании о нем Каштанов начинает невольно улыбаться, на лице возникает доброе, мечтательное выражение; нравится суровый, марсианский Карадаг, гигантский профиль поэта Максимилиана Волошина, задумчиво глядящего в сизую морскую даль,— это действительно спокойный, сосредоточенный человек, а не гора, чистые голубые бухты с романтическими именами, которые в этом году, к сожалению, оказались закрытыми — зона эта стала заповедной, и Каштанову нигде, кроме Лисьей бухты, не удалось побывать; нравятся звездные жаркие ночи и голубиный бормоток влюбленных парочек на пляже. В Коктебеле даже седой, шестидесятилетний человек молодеет буквально на глазах, превращается в зеленого, не познавшего еще услад жизни юнца и крутит любовь с восемнадцатилетней девочкой, на которую и дышать-то, честно говоря, боязно. Чистая она, нежная, сохранившая тепло гнезда, из которого вылетела, в глазах у нее еще не истаяли лики отца и матери, наставлявших дочь перед поездкой на юг, долго не решавшихся отпускать ее одну и все же отпустивших... И такое Каштанов тоже видел. Все ему в Коктебеле нравится, абсолютно все, поэтому он из года в год, без пропусков, приезжает сюда отдыхать.

В этот раз он приехал в Коктебель вечером, быстро нашел комнату — помогли старые связи,— и хотя ему хотелось немедленно забраться в море, искупаться, он воздержался от этого, надел на себя все лучшее, что было у него в чемодане, и вышел на набережную погулять. Первым делом надо было «обозначиться» — себя показать и на людей посмотреть. Таково здешнее правило. Он медленно двигался с асфальтированного взгорка, где находилась спасательная станция, мимо Дома творчества писателей к туристскому пансионату «Голубой залив», который тут все зовут пансионатом: слишком уж много приезжает в него людей нетуристского возраста.

Едва он достиг прочной железной ограды, впаянной в кирпичный фундамент — каждая прутина этой ограды была выкована вручную каким-то кузнецом-любителем, знатоком старинного оружия, и напоминала боевое копье древнерусского воина с лезвистым, острым наконечником, насадишься на такой наконечник — и все, никакая больница уже не поможет, ограда эта окружала писательскую территорию и невольно внушала уважение к тем, кто за этой оградой жил,— как Каштанова остановил окрик:

— Володя!

Он замер, огляделся, ища глазами в нарядной толпе окликнувшего. Кто-то из знакомых. Но кто именно? Такой же, небось, как и он, коктебельский приверженец.

Точно. Из потока людей, словно лосось, идущий на нерест, выплыл Валера Ордынский — московский фотограф, добряк и весельчак, чудик, с которым Каштанов познакомился несколько лет назад здесь же, в Коктебеле,— Валера тоже любил отдыхать в Киммерии, ласкать себя водами здешних заливов. Хотя Ордынский был, как и Каштанов, москвичом, в Москве они ни разу не виделись, даже не перезванивались по телефону, наверное, необходимости в этом не было, а здесь вона, на, пожалуйста!

Валера Ордынский широко раскинул руки, изображая из себя буревестника, парящего над морем, поплыл навстречу Каштанову.

— Мон шер, приятно видеть вас!— Ордынский был полноват, лицо имел круглое, обрамленное короткой и густой русой бородкой, на носу у него гнездилось десятка полтора трогательных девичьих конопушин, глаза были голубыми, не теряющими своего нежного цвета ни под каким, даже самым жестоким, солнцем. Он считал себя не фотографом, а художником, и эта уверенность в собственной значимости возвышала его над другими, не позволяла размениваться на некие малодоходные вещи, мелочи типа исполнения второстепенных и далеко не положительных ролей.

Голубые Валерины глаза сияли безмятежно и радостно, на них даже вечерний закат не

действовал — бушевал в глазах день, светилась небесная бездна и, лениво подталкивая друг друга, медленно катились к берегу мелкие волны.

— Мне вас тоже приятно видеть,— церемонно, в тон Ордынскому, ответил Каштанов, на «вы», сделал великосветский полупоклон.

— Надолго сюда?

— На полный срок. Двадцать четыре рабочих дня плюс четыре выходных. Итого двадцать восемь.

Только тут Каштанов заметил, что вид Валерин довольно необычен: волосы нечесаны, торчат свалявшимися висюльками в разные стороны, на уши наезжают, в русой «царской» бородке застряли бронзовые остья соломы, в бровях — пух. И одет был Валера в мятую рубашку-распашонку, так называемую хипповую, сшитую из какой-то дырчатой дерюги, вольно разверзнутую на груди, с высовывающимися из редких, окантованных ботиночными блочками дырочек черными шнурками — тоже ботиночными, в потертые, с пухлыми коленями, брюки, из-под которых вылезали широкие, костистые лодыжки. А на ногах у Валеры Ордынского были... о-о, это требует особого рассказа.

— Слушай, пойдем выпьем немного,— предложил Ордынский,— по традиции. Наше свидание отметим.

— Далеко идти?

— А вон,— показал Валера на квасную бочку, у которой сидела сгорбленная старуха с мужской небритой нижней челюстью и зорким взглядом.

У бочки выстроилась довольно внушительная очередь. Тут были люди, уважающие себя, которых квасом к бочке явно не приманишь и жидкой коричневой шипучкой с ног не сшибешь. В ответ на недоуменный взгляд Каштанова Валера похлопал его ладонью по плечу: пойдем, пойдем, мол,— первым двинулся к бочке.

Каштанов шел сзади и неотрывно смотрел на его ноги.

Ох, и обувь же была у Валеры Ордынского!

Дело в том, что, собирая в Москве чемодан, Валера в последний момент заспешил — позвонили с работы: надо было сделать срочные отпечатки снимков, да еще два портрета ждали ретуши, плюс ко всему кое-какие домашние дела набежали, и он забыл положить в чемодан хорошую летнюю, приобретенную специально для отдыха, яркую, только публику в южных городках покорять, обувь.

Обнаружил он оплошность лишь в Коктебеле. Чтобы как-то восполнить недостающее, Валера Ордынский пришел в местный универмаг, увидел народ, толкущийся подле прилавков, и в нем вдруг взыграл гонор. Тем более по случаю приезда обрадованный Валера Ордынский находился малость подшофе — выпил соточку коньяка. Выпил — ну и что? Как же иначе? Ведь позади-то одиннадцать месяцев однообразной, серой жизни, ожидания месяца двенадцатого, праздничного, светлого и яркого, как солнечный день, и вот он, долгожданный двенадцатый месяц, подоспел, вот он, Коктебель,— и раз начинается беззаботная, праздничная жизнь, то как же ее не отметить стопкой-другой коньяка? Глядя сквозь собравшихся, Валера подошел к обувному прилавку, скользнул безразличным взором по полкам, где стояли увесистые башмаки, которыми хорошо было колоть орехи, забивать гвозди, хранить в них деньги — и, надо заметить, сберегут «таньгу» башмаки не хуже иного сейфа, они прочны, будто отлиты из особой стали, никто никогда не вскроет их, не сладит с крепкой каленой кожей, можно было использовать их вместо груза при засолке капусты, выпрямлять помятый бок автомашины — словом, делать тысячу всевозможных вещей, кроме одной, для чего обувь предназначена,— их нельзя было носить.

— Есть ли у вас что-нибудь более приличное?— голосом депутата парламента какой-нибудь крупной европейской державы поинтересовался Валера Ордынский.— Не эти железные чуни,— он сделал небрежный жест миллионера, швыряющего в шляпу нищего скомканную кредитку, разом отметая от себя пудовые штиблеты местного производства,— а настоящая обувь, а? Импортная, дорогая, элегантная?

Посмотрел поверх продавщицы в окно, где был виден кусок улицы, безразличными, ленивыми глазами. Вообще-то глаза отроду у него никогда не были ленивыми и безразличными, но тут, как говорится, на Валеру наехало — он вошел в роль. Да и коньяк давал о себе знать.

Продавщица была женщиной неглупой, повидала немало различного курортного люда, умела отличать наносное от подлинного и чуть приметно улыбнулась.

— Есть.

— Кто поставщик?— задал Валера Ордынский вопрос, действительно достойный миллионера, владельца какой-нибудь крупной торговой фирмы.

— Англия,— не замедлила отозваться продавщица.

— Надеюсь, это не двадцатипятирублевая обувь?— продолжал Валера разыгрывать из себя Гарун-аль-Рашида.

— Англия двадцатирублевую обувь нам не поставляет,— с достоинством проговорила продавщица, тая в уголках губ усмешку, она и тон свой подогнала под Валерин и словами его вооружилась, но он этого не заметил, был поглощен самим собой, тем, как выглядит со стороны, как смотрится среди всех этих людей. «Словно повелитель солнца, настоящий бог, ей-ей»,— хотелось сказать продавщице, но она произнесла другое: — Обувь элегантная, модная, прочная, дорогая. Цена — шестьдесят рублей.

— Сорок второй размер есть?

— Есть.

— Заверните,— приказным тоном потребовал Валера Ордынский и, принципиально не интересуясь тем, что покупает, что это за обувь, не посмотрев, не пощупав, не померив ее, полез в карман своих коротких, обелесенных джинсов за деньгами. Он сыграл свою роль до конца.

Придя к себе, изрядно промокнув и просолившись от пота — на улице было тридцать четыре градуса жары, и можно было запросто испечься в собственной одежде,— Валера Ордынский развернул покупку, и у него, извините за штампованное выражение, изумленно отвисла нижняя челюсть. В коробке действительно лежали вполне добротные английские ботинки, но вот какая вещь: они были зимние, на меху, с толстенной морозоустойчивой подошвой, отлитой из забытого дорогого каучука.

Он хотел было кинуться назад, в магазин, поменять эти полярные боты на нечто более подходящее для лета, но не тут-то было: внутри у него, теснясь, сплющиваясь с легкими, сместилось сердце, возникла холодная жесткость, этакий твердый, скатанный из глины ком, а над ухом кто-то издевательски захохотал, время от времени перемежая хохот непонятными вскриками. Валера даже мокрую тряпку себе на голову положил: думал, что от выпитого коньяка белая горячка началась, закатил глаза под лоб, ожидая, что же будет дальше.

А дальше ничего не было, пронесло, издевательский хохот прекратился и больше уже не раздавался. Башмаки в магазин он не осмелился вернуть.

Но одна интересная мысль все же возникла в его голове: к своему модному хипповому костюму он может модную обувку соорудить. Сам. Собственными руками. И такую, что все облизываться станут, спрашивать друг у друга, что это за гражданин, столь необычно одетый и необычно обутый? Популярность будет бешеная.

Наточив на камне кухонный нож, Валера Ордынский отрезал у дорогих английских ботинок носы: и модно, и необычно, и вентиляция вдобавок ко всему есть — нежарко будет.

Вот эта обувь и красовалась сейчас у Валеры Ордынского на ногах, вызывая какие-то странные чувства у Каштанова, сложную смесь: тут было и восхищение, и недоумение, и зависть, и желание подражать, и еще что-то, чему Каштанов и определения не находил, вертелись на кончике языка какие-то слова, а соскочить не могли, они будто намертво прикипели к языку, и все тут.

Ну, а солома в Валериной бороде — это объяснить можно было еще проще, чем странную зимне-летнюю обувь. Приехал он в Коктебель, к старым своим хозяевам, у которых уже несколько лет подряд останавливался и привык к ним, как к родным, думал, что комната его свободна, ан нет, прежние жильцы надумали еще несколько дней в Коктебеле пробыть, благо погода добрая вызвездилась, прогонять их было не с руки, и Валера поселился жить на сеновале. Временно. И был доволен этим, ведь модники-хиппи, клошары, люмпен-пролетарии и иже с ними живут в пещерах, под мостами, в брошенных автомашинах, норах, то есть на природе, пользуются тем, что есть под руками, дышат воздухом — вот Валера Ордынский и старается не отставать от них, живет на сеновале. Все о'кей!

Очередь у квасной бочки была длинной. Стояли здесь в основном разномастные, разнокалиберные мужики, объединенные одной любовью: в квасной бочке плескался не квас, не морс, не напиток с сиропом, а самый настоящий шестнадцатиградусный портвейн. Местного производства. Под названием «Коктебельский».

Если хвост очереди, самый конец его, вел себя относительно спокойно, то мужики, пробившиеся уже в голову очереди, поближе к старухе, потихоньку трясли руками, подбородками, приплясывали от нетерпения, поторапливали старуху окриками. А старуху и не надо было торопить, она работала на удивление быстро, слаженно и ловко, будто пианистка, знающая свой инструмент от «а» до «я». Одна рука ее лежала на большом рогатом кране, похожем на ухват, коим вытаскивают чугуны из печки, другая ловко, двумя пальцами, зацепляла очередную двухсотпятидесятиграммовую квасную кружку и стремительным движением подставляла под темно-вишневую терпкую струю. При этом на землю не проливалось ни одной капли. Старуха действительно работала, как виртуоз. Ещё она напомнила Каштанову машиниста паровоза, виденного как-то в кино,— у того тоже во время скоростных тяжелых перегонов обе руки заняты работой — одна газует, добавляя паровозу скорость, другая тормозит, голова напряжена от ощущения дороги, быстроты, далей, которые одолевает железный локомотив, от величия того, что он, машинист-тяжеловесник, делает.

Увидев Валеру Ордынского, деловитая, хму-

рая бабуля вдруг улыбнулась на удивление лихо и широко, она так разверзла морщинистые печеные губы, что у нее изо рта чуть зубы не посыпались. Мощный, волевой подбородок штангиста, привыкшего побеждать, которым бог наделил бабулю неизвестно за какие заслуги, зарос черным жестким волосом, уже начавшим курчавиться. Судя по жесткости, старушенция когда-то брила подбородок, но потом по причине бесполезности перестала это делать.

— О! Валера!— вскричала бабуля весело.— Майн гот, ду ю спик инглиш! Клевая погодка, правда, Валера?

— Клевая,— с важным видом согласился Валера Ордынский.

— Выпить пришел?— спросила бабуля, не обращая внимания на торопливо приплясывающую очередь. Достала откуда-то из-под днища бочки шланг с медным раструбом, повернула вентиль, расположенный у основания этой резиновой кишки, протянула Валере:— На! Пей, гутен абенд, чао бамбино! Зитцен зи битте!

Тот прижал раструб к губам, закрыл глаза вожделенно. В шланге что-то забулькало, заворочалось, запищало, кадык на Валериной шее забегал вверх-вниз, будто грузик старинных часов, у которых вместо маятника все время прыгает, дергается бронзовая гирька, похожая на поршень.

Наконец он с громким чмоканьем выплюнул шланг, отер рукавом своей хиппово рубашки его конец, протянул Каштанову:

— На, погрейся!

Портвейн был тягучим, с характерным винным привкусом, к которому примешивалось еще что-то жареное, будто несколько черных, спаленных печным пламенем корок растолкли и ссыпали в горловину квасной бочки, чтобы ее содержимое отдавало горелым хлебом. И крепким было винцо, только что Каштанов слышал, как рядом ясными, звонкими голосами переговариваются бабка и Валера Ордынский, и вот они отодвинулись куда-то вдаль, будто Валера и бабка на пляж пошли посудачить, в ушах образовались ватные тампоны, перед глазами начало мелькать-стелиться что-то дымное, неяркое, прилипчивое, потом где-то в далеком далеке родился щемящий одинокий звон, слабенький поначалу, словно пищание комара, потом звон начал накатываться на Каштанова, усиливаться и через мгновение сделался звучным, превратился в самый настоящий оркестровый грохот.

Очнулся Каштанов оттого, что бабуля постучала окаменевшим ногтем по его плечу:

— Шпрехен зи дойч, родимец? Как чувствуешь себя, спрашиваю? Хочешь, еще пей, хочешь, остановись, потом подойдешь. А вообще-то много сразу нельзя — задохнешься. Портвешок калиброванный, самогонке не уступает. Понял? Парле ву франсе!

Причина особой любви бабули к Валере Ордынскому была очень проста. Приехав в Коктебель, он в первый день выстоял длиннющую очередь к квасной бочке, окропляясь пóтом, пританцовывая, словно у него был переполнен желудок и ему надо было срочно сбегать в туалет, поглядывая на проплывающую мимо праздную публику. В общем, насколько крепок и хорош был портвейн, настолько тяжким, вызывающим озноб и изжогу являлось выстаивание очереди, разговорчики и хмыки, которыми обменивались мужики, буйная чечетка, рожденная нетерпением. Когда он тянул сквозь зубы портвейн, то его осенила одна мысль: этой старой хрычовке, сидящей на квасной бочке, надо дать полстольника — в смысле пятьдесят рублей,— чтобы она угощала его своим «калиброванным портвешком» каждый раз без очереди. Нечего тут трясти коленями, приплясывать среди выпивох, ожидая, когда подойдет его черед и в руке окажется теплая стеклянная кружка с липкой рогулькой-ушком, хранящим следы многих пальцев.

Так Валера Ордынский и поступил. С той поры каждый раз, когда он подходил к квасной бочке, бабка поила его «портвешком» вне очереди. Из шланга. Позволяя выпить столько, сколько он захочет. А вернее, сколько сможет.

И не только Валеру Ордынского поила, а и его друзей щедрая небритая старушенция, знающая, что человеку надо, а чего не надо...

Они еще долго ходили в тот вечер по коктебельской набережной, ощупывая публику глазами, прикидывая свои возможности и ставя себя рядом со встречными девушками.

Кара-Даг в щедром лунном свете приблизился к Коктебелю, навис тяжелой, сумрачной глыбой над спокойной, прозрачной водой залива, звезды утонули в далекой небесной глуби, и их мерцание не было ни видно, ни слышно, пронзительно-звонко трещали цикады, мотыли-бражники и летучие мыши крутились в бешеном вихре вокруг фонарей, разрезая прозрачную ночную синеву на ломти. Было здорово. Дышалось легко, будто каждый из них возвратился в свою юность.

— Очень много студентов,— резюмировал свои наблюдения Валера Ордынский. Вздохнул:— Юные, бедные существа. Романтики. Скоро они разъедутся по домам, по институтам, и останется золотая публика. О-о-о!— Валера восхищенно помотал бородой, посмотрел вверх, на луну, прочно поселившуюся в небесной верхотуре.— Бронзовые женщины в белых купальниках, шелковые волосы, пахнущие духами «Шанель» и «Мадам Роша», тихий гитарный звон и страсти, страсти, страсти...

— Когда это еще будет?— спросил Каштанов зачарованно.

— Скоро.

Утро в Коктебеле начинается с пляжа. Не с завтрака, а с пляжа. Это — правило. Все стараются занять место под солнцем, поудобнее расположиться — и чтоб волна к самым ногам подкатывалась, пятки лизала, и чтоб душ находился недалеко, и чтоб жаркое июльское светило до каждой клеточки, жилочки, до каждой мышцы и косточки доставало, красило тело в горячую коричневу.

Тут же, на пляже, народ, чтобы не упускать время, и завтракает — раздается шелест развертываемых газет и пакетов, извлекаются на свет божий яркобокие, мясистые помидоры, вареные яйца, бережно нарезанные скибки духовитой московской колбасы, какую здесь, в Коктебеле, днем с огнем не достанешь, нежные шерстистые персики и лопающиеся от сладкой тугой мякоти сливы. Начинается трапеза.

Любимое занятие у Каштанова в Коктебеле (оно тоже определилось за годы) — ходить вдоль кромки прибоя, собирать мокрые камешки — рябиново-желтые сердолики, похожие на остекленевшие кусочки огня, берешь такой кремешок в руку потетешкать, а он, словно печной уголек, пальцы греет, мутновато-белые агаты, зеленые голыши трасса, схожего с уральским малахитом,— на Кара-Даге есть целые карьеры, где добывается трасс, глыбы возят в Новороссийск, размалывают и добавляют в цемент, получается сверхпрочная стальная смесь, кровянисто-черные «полинезийцы» — камешки, которыми можно рисовать, хрупкие, прозрачные кальциты, сами по себе ничего интересного не представляющие, но стоит расколоть голышку, как в сердце рождается легкое, радостное ощущение, будто бокал шампанского выпил, таким колдовским свойством обладает загадочный камень кальцит. Изредка попадаются и куриные боги. Как правило, все они невзрачные, серого цвета, очень похожие друг на друга, оплющенные, до картонной тонины обкатанные и обсосанные морем, с ровнехонькими узкими щелями-бойницами, пробивающими тело куриного бога насквозь.

В хождении, в поиске удобно и за пляжем следить, отмечать, что же новенького там появилось, кто пришел, а кто ушел. Каждый раз, когда здесь появлялось красивое существо, у Каштанова щемяще-тоскливо становилось на сердце, начинало покалывать в груди, а во рту ощущалась некая пороховая кислина.

В один момент его особенно больно кольнуло: заприметил двух девушек. Сра-азу заприметил, едва они появились на пляже, высокие, статные, холеные, длинноногие — поглядишь, и невольно хочется зажмуриться: неужто такое диво еще способно рождаться на свете? Душная боль стиснула грудь, заныло сердце, уязвленное мыслью: а не дано ведь тебе, Каштанов, с ними познакомиться, слабак ты... Отошьют они тебя, как Татьяна Ларина. Вышла ведь деваха замуж за старого генерала, отшила Евгения Онегина, орла и героя, поменяла его на старого хрыча.

Ну, что ты скажешь, когда очутишься рядом с ними? «Как пройти к ближайшей станции метро?» Или попытаешься заинтересовать их заявлением, что ты высокооплачиваемый сотрудник ООН, у тебя есть персональный «шевроле», отделанный жемчужным лаком, с сиденьями, покрытыми шкурой пумы, и восемнадцатикомнатная квартира в одном из американских небоскребов? Не поверят ведь красавицы и пошлют далеко-далеко... Или же сообщишь, что являешься резидентом мандрадапунской разведки? Но тогда они с издевкой заметят, что славянский шкаф с литыми бронзовыми ручками следует искать на следующем пляже.

Так и не предприняв ничего, Каштанов с гулко колотящимся сердцем прервал поиск ценных самоцветов и куриных богов, вернулся на свое место, свалился на лежак. Валера Ордынский, ничего не поняв — он проглядел диво,— последовал его примеру.

У них был еще один сосед по лежаку. Разговорчивый. Увидев Каштанова и Ордынского, он немедленно начал читать им лекцию. Была у человека такая страсть.

— Пляжная жизнь — это, если хотите, жизнь в жизни. Как государство в государстве. Тут свои законы, свое министерство иностранных дел, свой арбитраж и своя милиция,— лениво толковал сосед, разморенный жарой. Говорил сосед врастяжку, будто бы в себя, был он худ, лысоват и очень здорово походил на грузина-неудачника, замученного детьми, неурожаем на мандарины.— Здесь присутствует полный срез общества, такой же, как и в большой жизни, там вот,— он приподнял крупные, тяжелые веки,— в городах, где мы обитаем. В Москве, в Ленинграде, в Киеве, в Тбилиси, в Клайпеде. Только в этом срезе все перевернуто с ног на голову. Те, которые являются в большой жизни королями, тут — капуста. А никчемности, пустые личности, не имеющие мозгов, но зато накачавшие себе бицепсы, капуста в большой жизни, словом, они здесь, увы, короли. Пляжная жизнь — это жизнь наоборот. Нет ничего проще для иного культуриста, чем познакомиться на пляже с хорошенькой женщиной, сходить с нею в ресторан, сделать ее, извините, своей любовницей. Но все это ненастоящее, пустое, недолговечное, как существование ночного мотылька. Бражниками, кажется, этих мотыльков зовут.

Сосед приподнялся на лежаке, огляделся. Вода в заливе была тихой и ласковой, будто пена от взбитого шампуня. Валера Ордынский тоже приподнялся и тоже посмотрел на воду, прищелкнул звонко, вздернул вверх большой палец правой руки: «О'кей водичка!»

А Каштанов все никак не мог успокоиться — косил и косил глазами в ту сторону, где расположились девушки. Не давали ему красавицы покоя. Как посмотрит, так в груди, глубоко, под самым разъемом ребер, там, где солнечное сплетение, возникают тоскливое томление, холод, секущая незнакомая боль. Каштанов понимал и не понимал одновременно, что с ним происходит. Ему хотелось оборвать болтовню соседа, встать, подойти к девушкам. Но что он скажет им?

Сосед тем временем продолжал свою речь. Благо «аудитория» казалась ему подходящей.

— Не секрет, что многие люди чувствуют себя на пляжах очень зажато, одиноко. Среди этой несмети людей и — одиночество. Надо же! И тем не менее это факт, который даже проверке не подлежит. Вовсе не потому эти люди одиноки, что с них снята привычная одежда и, кроме маленького клочка ткани, они ничего на своем теле не имеют, нет, это все условности. Просто им кажется дикой, неправдоподобной легкость отношений, склонность отдыхающих к примитивному флирту, забвение устоев, которые в большой жизни кажутся святыми. Но, увы, только кажутся. Не больше. Пляж — это жизнь, но не мозга, извините. Это жизнь тела. Отсюда и выводы.

— Не телом единым жив человек!— довольно легкомысленно прервал философский трактат соседа Валера Ордынский.

— Вот именно, не единым телом,— усмехнулся сосед.— Чем больше тел, тем лучше.

Продолжение следует.

ПОРЯДОК НУЖЕН СТРОГИЙ

В. А. ПИСКАРЕВ,
начальник Главного управления Госавтоинспекции МВД СССР, генерал-майор милиции

Бурное развитие автомобилизации значительно осложняет проблему безопасности дорожного движения. Но дорожно-транспортные происшествия, которых пока, к сожалению, еще слишком много, не являются фатальной неизбежностью. Мы можем и обязаны последовательно искоренять их, создавая безопасные условия для движения. Это и строительство современных автомагистралей, путепроводов, пешеходных переходов, рациональная организация движения, более совершенные конструкции автомобилей и мотоциклов, улучшение подготовки водителей. Но все эти усилия не дадут должного эффекта, если и водители и пешеходы не будут строго соблюдать дух и букву правил дорожного движения. Личная недисциплинированность и пренебрежение к закону дороги оборачиваются многочисленными жертвами.

До последнего времени административная ответственность за нарушение единых на территории СССР правил устанавливалась законодательством союзных республик. Были тут существенные различия в определении нарушений, влекущих ответственность, санкций за них.

В марте 1983 года Политбюро ЦК КПСС рассмотрело предложения о совершенствовании законодательства, направленного на укрепление дисциплины на транспорте, усиление борьбы с нарушением правил дорожного движения, лучшее обеспечение безопасности перевозок людей и грузов, охрану прав и законных интересов граждан. Эти предложения нашли свое отражение в Указе Президиума Верховного Совета СССР от 15 марта «Об административной ответственности за нарушение правил дорожного движения», который вводится в действие с 1 сентября текущего года.

Как свидетельствуют письма, поступающие в органы массовой информации и Госавтоинспекцию, в обсуждении Указа активно участвовали как водители, так и пешеходы. В большинстве своем авторы писем единодушны: своевременная и необходимая мера.

Статистика показывает, что три четверти дорожно-транспортных происшествий случаются по вине водителей. Причина большинства из них — нарушение правил дорожного движения. Вот почему Указ прежде всего требует укрепления дорожной дисциплины. В этом важнейший залог борьбы с аварийностью. Установлены более строгие меры взыскания с нарушителей закона дороги.

Указ предусматривает единую ответственность на территории всей страны за одинаковые нарушения. Четко определяется характер нарушений, степень ответственности за них. Административная ответственность следует за превышение скорости, нарушение правил перевозки людей, обгона транспортных средств, маневрирования, проезда перекрестков и за ряд других нарушений. В таких случаях водитель может быть предупрежден или на него налагается штраф в размере от 3 до 10 рублей. В случае, если это повторится в течение года, максимальный размер штрафа возрастает до 20 рублей. Совершивший за этот период более двух перечисленных выше нарушений может быть подвергнут штрафу от 20 до 50 рублей или лишен водительских прав на срок до 6 месяцев.

Такая гибкая система позволяет в зависимости от конкретных обстоятельств ограничиться предупреждением впервые допустившему ошибку по невнимательности или рассеянности, а того, кто намеренно пренебрег установленным порядком, строго наказать.

Хотелось бы особо остановиться на таком наиболее опасном нарушении, как управление транспортным средством в состоянии опьянения. По этой причине в стране происходит около трети дорожно-транспортных происшествий, совершаемых по вине водителей. Только за первое полугодие текущего года за такое нарушение были лишены водительских прав сотни тысяч человек. Представьте себе, сколько слез и горя стоит за этими цифрами! А ведь водитель, садясь в нетрезвом состоянии за руль, знает, что он становится потенциальным преступником, подвергает риску жизнь и здоровье окружающих! Поэтому за управление транспортным средством в состоянии опьянения, а также за передачу управления лицу, находящемуся в состоянии опьянения, Указ предусматривает особо строгие меры наказания. К таким людям нет и не может быть никакого снисхождения, они должны для себя решить: или пить, или водить машину — третьего не дано.

Столь же строго наказываются и те, кто уклоняется от прохождения (в установленном порядке) освидетельствования на состояние опьянения.

Впервые закон установил ответственность водителей за нарушения, повлекшие создание аварийной обстановки, за умышленное или неосторожное создание помех движению. Думается, что эти положения будут одобрены всеми водителями.

Не так давно нами было получено письмо от тракториста. Он рассказывает, как после окончания работы к нему подошел один из руководителей колхоза и попросил сделать еще один рейс. Когда механизатор сказал, что он немного выпил, то услышал в ответ: «Сто грамм для мужчины ничего не значат, езжай». В результате трактор перевернулся и был поврежден. Тракторист заслуженно понес наказание. Впредь руководители, допускающие к управлению водителей в нетрезвом состоянии, по закону будут наказываться весьма строго — штраф до 100 рублей.

Немало происшествий случается из-за неудовлетворительного состояния дорог. Из-за этого раньше времени изнашивается транспорт, происходит перерасход горючего. По Указу должностные лица, ответственные за состояние дорог, железнодорожных переездов и других сооружений, подвергаются штрафу в размере от 30 до 100 рублей за невыполнение прямых служебных обязанностей.

На строительство и благоустройство дорог государство тратит огромные средства. Но, к сожалению, еще далеко не все граждане относятся бережно к народному добру. В 1982 году на замену поврежденных и уничтоженных объемных дорожных знаков затрачено около миллиона рублей. Закон стал строже к тем, кто умышленно портит дороги, железнодорожные переезды и другие сооружения или технические средства регулирования движения.

Несколько слов о пешеходах, по вине которых на дорогах совершается почти каждое четвертое происшествие. Подчас весьма трудно понять и объяснить, почему многие так пренебрежительно относятся к своей жизни, здоровью, нарушая элементарные правила: идут на красный сигнал светофора, переходят дорогу в неположенном месте, чуть ли не бросаются под колеса машин. Особенно это характерно для городов. Например, в прошлом году доля происшествий по вине пешеходов составила здесь около 40 процентов. Поэтому не случайно Указ повысил штрафные санкции к пешеходам, нарушающим закон дороги.

Некоторые товарищи считают, что Указ лишь ввел новые и повышенные меры наказания. Неверно! Да, закон строгий, но гуманный, он направлен прежде всего на защиту жизни и здоровья граждан. В этой строгости и состоит гуманизм Советского государства, забота о каждом из его жителей. Еще А. М. Горький отмечал, что «государство, где хозяйствует сам трудовой народ, не должно допускать и не может допустить безразличного, бессердечного отношения к жизни и здоровью своих граждан, оно обязано вступить в борьбу против бессмысленно вредного людям». Да, закон в ряде случаев усиливает ответственность, но касается это, как правило, злостных нарушителей, пренебрегающих интересами общества, ставящих под угрозу жизнь и здоровье людей. В то же время у нас гарантируется защита прав и интересов граждан, предоставляется им реальная возможность участвовать в рассмотрении материалов на нарушителей, представлять доказательства, вносить ходатайства, обжаловать решения должностных лиц, передавать материалы на рассмотрение общественных организаций.

Возникает много вопросов о порядке учета нарушений правил дорожного движения. Для этого вводится новый «Талон к водительскому удостоверению», в котором будут фиксироваться все взыскания.

Разумеется, даже самый справедливый закон сам по себе не наведет порядок на дорогах и улицах. Не под силу эта задача и одной Госавтоинспекции. Только при условии, если каждый из нас станет всегда строго соблюдать правила движения, будут искоренены происшествия на дорогах. Как говорил В. А. Сухомлинский: «Умей подчиняться закону, дисциплине, порядку, нормам социалистического общежития. Умение подчиняться самым гуманным в мире законам — высшее выражение свободы».

Успешная реализация новых законодательных мер предполагает и совершенствование работы подразделений ГАИ. Особое значение мы придаем укреплению законности в их деятельности, созданию обстановки объективного и доброжелательного отношения к людям, в том числе и к допустившим нарушения. Мы будем строго и решительно пресекать бездушие в наших рядах, а тем более злоупотребление служебным положением, настойчиво бороться за честь милицейского мундира, памятуя, что в рядах ГАИ место только объективным, мужественным, строгим и доброжелательным людям.

Работники ГАИ будут делать все от них зависящее для поддержания образцового порядка на дорогах, для последовательного искоренения дорожно-транспортных происшествий.

гастроли

ТЕАТР НАЧИНАЕТСЯ СО ЗРИТЕЛЯ

Сцена из спектакля «Обход».

Фото А. Геринаса

С краткого предисловия о Зрителе и начну разговор о театре, потому что именно зритель — первый и главный ценитель театрального искусства... Но, может быть, простое любопытство привело избалованных новинками зрителей Москвы на спектакли Амурского областного драматического театра?.. Нет, не так это было! И в каком бы «снобизме» вдруг ни обвиняли москвичей, замечательная работа актеров и талантливая режиссура гостей оказались сильнее. Не было ни одного спектакля, не вызывавшего рукоплесканий. Ни одной работы, которая разочаровала бы.

В творческом отчете театра была представлена классика — пьесой «На всякого мудреца довольно простоты» А. Н. Островского. Заранее вызывала интерес пьеса прогрессивного китайского драматурга Цао Юя «Тайфун»; шли спектакли по работам советских авторов, в том числе «Чужая кровь» по ставшим уже классическими «Донским рассказам» М. Шолохова и «Падь серебряная» Н. Погодина. Наконец, «Обход» И. Шестака, вызвавший особый интерес москвичей.

«Обход» — первая работа театра с журналистом И. Шестаком, редактором газеты «БАМ». В разное время автор работал на строительстве Усть-Илимской ГЭС и БАМа. Работал плотником, бетонщиком, секретарем комсомольской организации... И, думается, именно такое глубинное знание жизни стройки — знание «изнутри» — придало спектаклю столь острое социальное звучание. В основу пьесы положен реальный факт — эксперимент, проведенный на одном из участков БАМа. Но не только тема, которая, конечно же, не могла не заинтересовать жизненной остротой, обеспечила популярность «Обходу». Тут видишь еще и прекрасные актерские работы, прежде всего заслуженного артиста РСФСР В. Матвеева, исполняющего главную роль в «Обходе».

Благодаря режиссуре М. Богатыревой, главного режиссера театра, пьеса не стала, как это часто случается в последнее время, «журналистикой на сцене», тут возникает органическое переплетение нескольких тем. Жизнь одной бригады дает картину существования всей стройки и раскрывает духовный мир нашего современника как великую реальную ценность эпохи.

Вот этот свежий, небанальный подход и к произведениям сегодняшнего дня и к пьесам, имеющим уже такие давние традиции, как пьеса «На всякого мудреца довольно простоты», и есть самая характерная черта театра из Благовещенска...

Не каждому театру доступно интересное, а вместе с тем очень бережное прочтение классики. И это понятно. Классика не только оттачивает актерское и режиссерское мастерство, но и проверяет способность к творчеству.

...Распахивается занавес. У конторки взъерошенный молодой человек дает нам — и себе — обещание... быть подлецом!.. Сколько же мук и унижения надо было пережить человеку честному, чтобы принять такое решение! А ведь Глумов — Ю. Семенов — был честен. И дневник-то свой пишет «герой», как документ, удостоверяющий: честный, дескать, человек — Жорж Глумов!.. Правда, по традиционной трактовке Глумов хищный и жестокий, а у Ю. Семенова он вызывает сочувствие. Он еще «молодой человек», у актера же — душевно уже глубоко старый. Лимит благородства, порядочности, просто честных человеческих реакций исчерпан; у него все в прошлом, а впереди — ничего.

Но не жалейте Глумова, любезный зритель! Может быть, он и сегодня касается вас плечом в метро; может быть, занимает свою рубричку в штатном расписании... И ждет лишь, когда вы смалодушничаете, чтобы тут же предложить вам свои услуги. Он войдет, шаркнет ножкой и представится: Егор Дмитриевич Глумов... Интересно, остро решен образ!.. К сожалению, не все интересно «работает» на тему спектакля, в частности современная музыка; если она и не портит постановку, то, увы, нисколько не делает ее лучше (режиссер С. Казимировский).

Совсем иную роль играет музыка в пьесе «Тайфун» (режиссер Н. Мокин), где колокольчик, повторяющий лишь одну музыкальную фразу, но поднимающий ее все выше и выше, по-своему уже передает напряженную атмосферу спектакля... «Тайфун» вызвал повышенный интерес публики. И, думается, причина не во внешней экзотике, которая, кстати, сведена до минимума. Творческому коллективу удалось раскрыть «изнанку», если так можно сказать, феодальных отношений в семье; показать их социальное зло.

И очень глубоким психологическим прочтением характеров — свойственным вообще театру — обрадовал хороший, яркий спектакль «Чужая кровь» (режиссер — народный артист РСФСР В. Ростовцев).

Творческий коллектив смело обратился к Шолохову. К тому историческому периоду, интерес к которому с каждым годом растет. К первым годам становления Советской власти. И в образах, созданных актерами, возникла эпоха со всеми ее противоречиями — героизмом, трагедиями, высотой... И нельзя не отметить прекрасную актерскую работу заслуженной артистки РСФСР О. Высоцкой, заслуженного артиста Казахской ССР и Башкирской АССР Л. Спасского, заслуженного артиста РСФСР В. Матвеева, В. Епифанова, Л. Сижук... Особенно поразили артисты, когда выходили на поклон. Они улыбались не профессиональными «светскими» улыбками. Рукоплескавшему залу кланялась старуха Анна, старый казак Гаврила, председатель впервые возникшей мужицкой республики Арсений Клюквин...

Зритель ведь не только любопытен и недоверчив, но и благодарен. И думается, что все, кто побывал на спектаклях Амурского областного драматического театра, сохранят чувство глубокой симпатии. И признательности за радость сопереживания.

Е. БЛАЖНОВА

ЧЕЛОВЕК ДОБРОГО ЮМОРА

На 69-м году жизни скоропостижно скончался известный прозаик и драматург Борис Ласкин. Не стало доброго, остроумного, благожелательного писателя, в совершенстве владевшего мастерством смеха.

Он был высокого, почти баскетбольного роста и любил подшутить над собой, что, мол, он самый большой юморист в Москве. Движения его были медлительны, походка размашиста, чуть ленивая. Крупные черты его лица были всегда нарочито серьезны, и только в глазах сверкали озорные огоньки, когда осеняла его веселая мысль. Он обладал поразительным даром рассказчика, был мастером экспромта, и вряд ли существовал такой «серьезный» человек, какой бы от души не рассмеялся в обществе Бориса Ласкина.

Он был прирожденным юмористом. Но он был и лириком. Его песни «Три танкиста», «Спят курганы темные» продолжают звучать и сегодня. Как подлинно талантливый литератор, он проявлял себя в разных жанрах: участвовал в создании сценариев фильмов, в том числе такого известного, как «Карнавальная ночь», сочинил прекрасные комедии «Небесное создание» и «Время любить», обошедшие сотни сцен. Но никогда не изменял он своему главному пристрастию — юмористической беллетристике. В его многочисленные сборники вошли и многие рассказы, ранее публиковавшиеся в журнале «Огонек», чьим многолетним постоянным автором он был.

Борис Савельевич Ласкин останется в памяти читателей своими добрыми, улыбчатыми, порою уморительно веселыми книгами. А в памяти друзей и коллег никогда не изгладится басовитый голос, веселые искорки в глазах и добрая, смешливая улыбка человека, знавшего цену смеху и умевшего ему служить.

Наум ЛАБКОВСКИЙ.

ЗАБЫТАЯ РЕКА

Сам я житель Ленинграда, решил написать вам вот по какому поводу. Дело в том, что в 1941 году наш детский сад был эвакуирован под Челябинск в деревню Прохоровка Сосновского района. Деревня эта была расположена на берегу реки Миасс. Из нее мы брали воду для питья и готовки пищи, купались. В этом году я побывал в Прохоровке и ужаснулся, когда увидел, во что превратилась чистая, прозрачная река моего детства. К ней боязно подойти, не то чтобы купаться или пить эту воду. Я говорил с местными жителями, рыбы в ней давно нет, а зимой река не замерзает, и над ней стоит сплошной пар и зловоние, это при уральских-то морозах. Ребята вынуждены ездить купаться за 15 километров. До Челябинска и в городе перед плотиной даже теплоходы ходят по Миассу. И после плотины река представляет грязную сточную канаву, в которую сбрасывают отходы все кому не лень. Сама деревня не имеет хороших дорог, хотя она не маленькая, производили тут раньше мраморные разработки, а теперь прекратили. Местное начальство говорит, что деревня неперспективная и дорогу строить нет смысла. Может быть, и так, но мой гражданский долг обязывает написать об этом. Я считаю, это — безобразие. В деревню даже не ходит автобус, и приходится добираться своим ходом до магистрали, а это несколько километров. Я лично до деревни ехал на такси. Но главное, что гибнет краса наша — природа из-за нерадивости и лени некоторых руководителей предприятий.

Г. ПЫШКИН

Ленинград.

СТОЛ

С. КОМИССАРЕНКО

Приобрел я новый письменный стол. Однотумбовый. С полированным верхом. Дверца — из прессованного дерева с изящной ручкой под перламутр. Поместил стол между двумя встроенными шкафами — такой получился интерьер!

Вот только дверца не открывалась, уперлась — и ни с места.

Звоню в магазин.

— Вполне может быть, дерево еще не просохло,— консультируют.— Только с фабрики привезли! А то еще бывает, дверца открывается не туда...

— А куда ж?

— Вовнутрь. Это если петли снаружи. А может случиться — и с двух сторон петли. Да вы дерните посильней — сразу прояснится ситуация!

Дернул я посильнее: ручка отлетела!

Прислали мастера, закрепил он ручку шурупами.

— На всякий случай,— говорит,— мы еще синтетическим клеем ее прихватим, никакая сила не оторвет! Только дайте как следует обсохнуть...

Спустя дня три, когда обсохло, я опять дернул — дверца отлетела!

— По всему видно,— констатировал прибывший через неделю мастер,— она в другую сторону открывалась.

И опять достал шурупы и клей, чтобы, значит, попрочней закрепить дверцу.

— Когда еще доведется встретиться? — с сожалением сказал он мне, прощаясь.

Встретиться довелось, когда я дернул в следующий раз, чтобы открыть дверцу. Тумба отлетела!

На этот раз долго пришлось дожидаться мастера, потом он долго прикреплял тумбу к столу.

— Навеки соединились! — не без гордости произнес он наконец.— Только надо еще, чтобы обсохло...

И действительно, не хвастал мастер, потому что когда я опять дернул — весь стол уже полетел на меня.

— Придется прикреплять его к полу,— сказал мастер.— Получится как встроенный! — Он достал толстые гвозди и опять-таки клей...

Через неделю он сам позвонил мне:

— Ну как?

— Дергал я, дергал,— сообщаю,— пока сам не отлетел...

— Что ж,— сказал мастер,— будем вас прикреплять.

Он опять приехал с гвоздями.

— Да не бойтесь,—стал меня успокаивать.— Только приделаю упоры для ног...

— Ну как? — снова позвонил он через неделю.

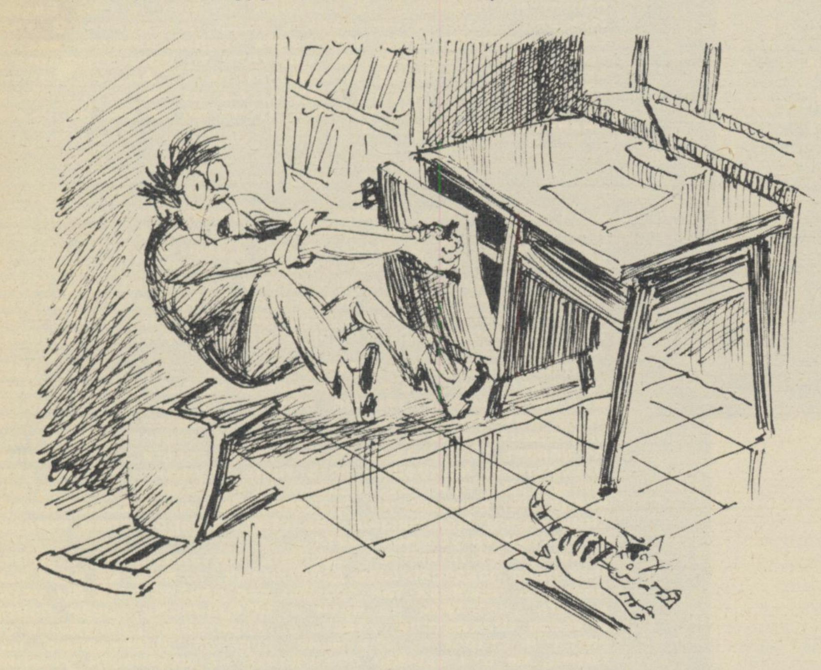
— Да ничего,— говорю,—дергаю. Пока не открывается дверца, но и не отлетает ничего! Ни у него, ни у меня.

— А вы посильней! — посоветовал мастер.

Когда я дернул посильней, стол развалился на мелкие куски...

Мастер приехал тотчас же.

— К сожалению, ничего уже нельзя сделать,— грустно констатировал он.— Кончился гарантийный срок.

Артур ЗАРИКОВСКИЙ

ФРАЗЫ

«Маленький, да удаленький»,— говорил про себя Коков. В действительности же был только маленьким, а удаленьким не был.

Некоторые очевидцы ошибочно принимали снежную бабу за снежного человека.

Однажды среди огурцов вырос ананас, но его выбросили.

Всех своих соседей Фистулин любил и уважал. И они его любили и уважали. Но однажды терпение лопнуло, и они подрались.

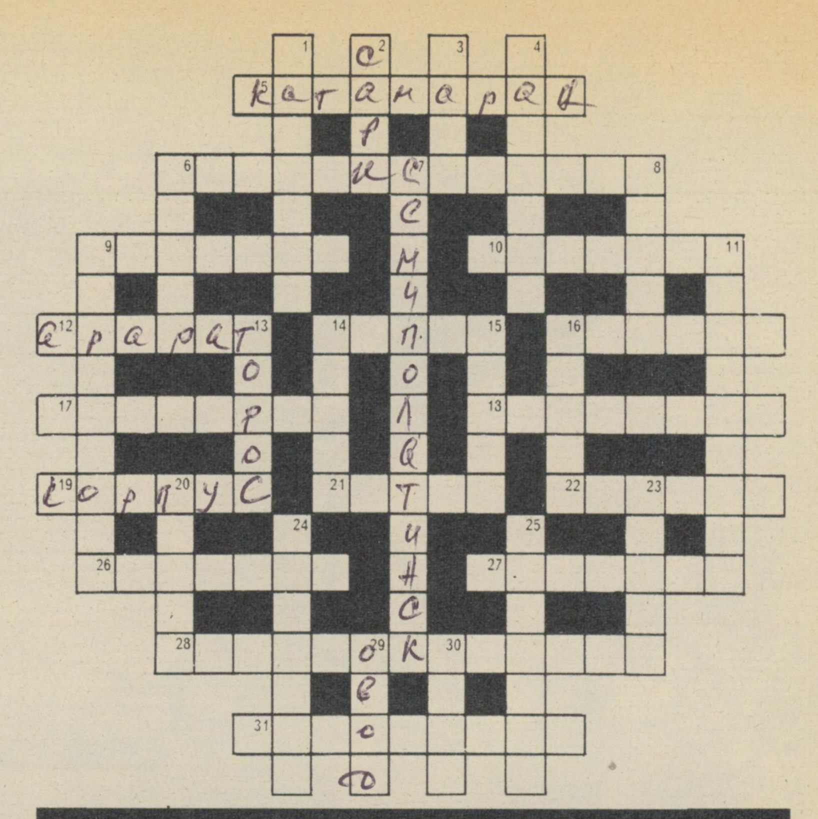
«Любви все возрасты покорны». Но ни в каком возрасте не покорился ей Фуфуев. Не таков.

По белому свету прошел слух. И многое стало темным.

Выйдя на сцену, артист Золотуев победил страх. И напугал публику.

Кот, увидев тигра, понял, что только плохой аппетит мешает ему стать таким же.

Сколько бы рек ни впадало в море, море рекой не станет.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Судно с двумя корпусами. 6. Персонаж рассказа А. П. Чехова «Брожение умов». 9. Вершина Главного хребта Большого Кавказа. 10. Остров в Средиземном море. 12. Футбольная команда высшей лиги. 14. Выдающийся русский живописец, передвижник. 16. Выдержка из текста. 17. Шкаф для одежды. 18. Спутник Сатурна. 19. Общевойсковое соединение. 21. Боевой корабль, вспомогательное судно. 22. Ежемесячный журнал, издаваемый в Ленинграде. 26. Приток Суры. 27. Ученый, мыслитель. 28. Город в Читинской области. 31. Наука о клетке.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Морской моллюск. 2. Женская одежда в Индии. 3. Гоночный микролитражный автомобиль. 4. Птица, обитающая на болотах. 6. Единица магнитного потока. 7. Областной центр в Казахстане. 8. Простейшая грузоподъемная машина. 9. Песня венецианских гондольеров. 11. Телескоп для съемок небесных объектов. 13. Ледяная глыба, образовавшаяся при сжатии льдов. 14. Украинский советский писатель. 15. Река в Западной Африке. 16. Опорная часть оси, вала. 20. Немецкий физик, основоположник квантовой теории. 23. Заяц. 24. Авторитет, влияние. 25. Опера Л. Бетховена. 29. Роман Э. Л. Войнич. 30. Электрод.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 34

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Сорокопут. 8. Клеопатра. 10. Штамм. 11. Мойва. 12. Антоновка. 15. Лигроин. 16. «Именины». 17. Гвардия. 20. Существительное. 23. Гобоист. 25. Турбина. 26. Утконос. 28. Воронихин. 30. Дания. 31. Кисть. 32. Зестафони. 33. Фаворский.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Гостиница. 2. Сомма. 3. Спиннинг. 4. Селекция. 5. Радон. 6. «Гривенник». 9. Консервирование. 13. Сообщение. 14. Семантика. 18. Ватто. 19. Ивенс. 21. Трускавец. 22. Столетник. 23. Газотрон. 24. Турищева. 27. Диета. 29. Липси.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: «Дон», новый комбайн «Ростсельмаша», проходит испытания.

— Сильная, комфортабельная машина. Работать на ней — удовольствие,— говорит комбайнер колхоза «Путь Ленина», Ростовской области, член ЦК КПСС, Герой Социалистического Труда Нина Васильевна Переверзева.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Тихий Дон у станицы Вешенская * Строгий экзамен поля: комбайны «Дон» на полях Ростовской области. (См. в номере материал «Как рождаются комбайны».)

Фото А. Маслова

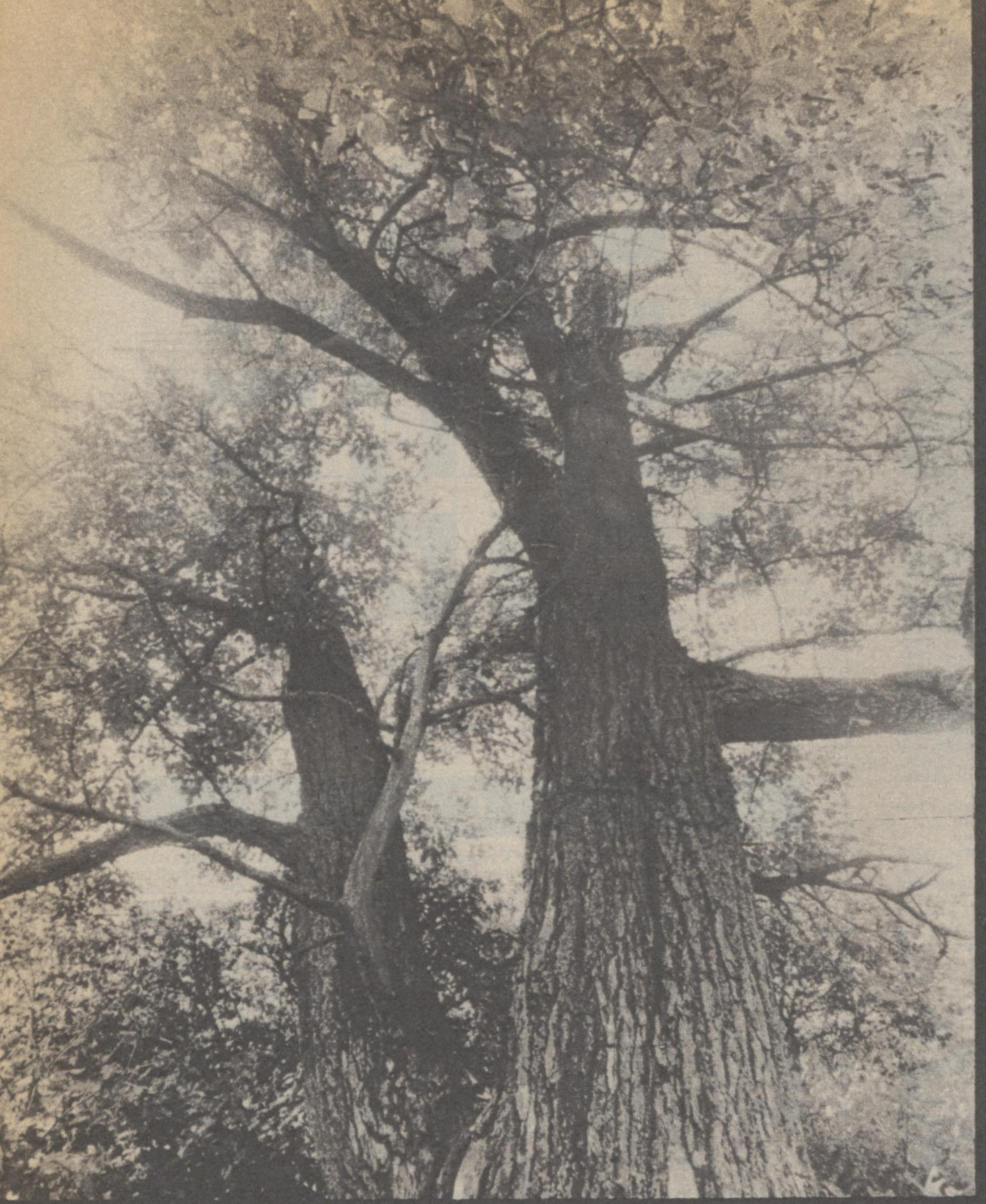
Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 08.08.83. Подписано к печати 23.08.83. А 00709. Формат 70 × 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 820 000 экз. Изд. № 2159. Заказ № 1096.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

«Огромный тополь серебристый склонял над домом свой шатер...»

«И веял ландшафт строчкой Блока». Теперь это земля заповедная.

Таким был дом поэта. 1894 год.

Таким он будет восстановлен.

«Шахматово сыграло большую роль в истории развития творчества Блока. И, конечно, не одно только Шахматово, а весь уклад той семьи, которая проводила в нем лето многие годы подряд. На месте уютной шахматовской усадьбы теперь зеленая заросль, нет ни дома, ни служб, ни того флигеля, где жил когда-то Блок-ребенок, а позднее юный поэт со своей женой. Куртины розового шиповника на широком дворе слились с кустами алых прованских роз, окружавших флигель,— сад, примыкавший к дому, заглох, и старые липы уже начинают рубить». Так писала почти пятьдесят лет назад биограф поэта М. А. Бекетова в очерке, опубликованном в III книге блоковского «Литературного наследства». Какое-то время Шахматово переживало период полного забвения. Все более дичал старый парк, равняясь с окружающим лесом, вырождалась знаменитая, нашедшая бессмертие в романсе Рахманинова сирень, все выше тянулись выросшие на месте дома молодые деревья. И только простерший над бывшей усадьбой ветви-руки «огромный тополь серебристый» верно и бессменно охранял печальное пепелище, да каждую весну расцветал здесь шиповник, напоминая о прекрасном саде, некогда разбитом в Шахматове Александром Блоком и его дедом, знаменитым русским ученым-ботаником А. Н. Бекетовым.

Очень точно Владимир Солоухин назвал Шахматово одним из крыльев, на которых парила поэзия Блока. Пришло время, и потянулись сюда паломники. В этих сказочно-прекрасных недалеких подмосковных местах тысячи любителей поэзии ощутили то прикосновение к истокам музы Блока, о котором писал Андрей Белый: «Здесь, в окрестностях Шахматова, что-то есть от поэзии Блока — встали горбины, зубчатые лесом; напружинились почвы и врезались зори:

И вдоль вершин зубчатых леса
Засветит брачная заря».

Та же зубчатая кромка леса на горизонте и сейчас прекрасно видна от руин старинной церкви, в которой венчался Блок с Л. Д. Менделеевой. Памятник архитектуры XVIII века — усадебная церковь в деревне Тараканово ждет реставрации. По принятому ровно два года назад постановлению Совета Министров РСФСР этот памятник входит в состав организующегося Государственного историко-литературного и природного музея-заповедника А. А. Блока.

Правительство республики решило, что в 1982—1987 годах должны быть восстановлены усадьба Блока в Шахматове и мемориальные места в Тараканове. Работа предстоит непростая и долгая. Тем более странно, что она практически и не начиналась. С сентября 1981 года по апрель 1983 года ничто не изменилось в заброшенном Шахматове. Минувшее лето тоже упущено. В этом убедились мы, приехав недавно на очередной, уже четырнадцатый, блоковский праздник поэзии в Солнечногорский район Московской области, на территории которого находится усадьба поэта.

Авторитет принятых высоких постановлений и решений надо поддерживать действиями, то есть их надо выполнять. Неужели так сложно для начала хотя бы установить указатели на пути к затерянному среди полей и лесов Шахматову, убрать с территории рухнувшие от ветра и старости, гниющие деревья. Необходимо, наконец, не откладывая обозначить на местности утвержденные границы охранных зон заповедника. И совершенно непонятно, почему проводился Блоковский праздник на бывшей танцверанде ПКиО Солнечногорска, а не на «возлюбленной» шахматовской поляне (первые блоковские дни состоялись при участии крупнейших советских поэтов и писателей именно в Шахматове). Представить, что Пушкинский праздник поэзии перенесен из Михайловского, Лермонтовский из Тархан, Некрасовский из Карабихи, невозможно. Почему же здесь нарушается традиция? Не потому ли, что организация праздника поэзии в самом Шахматове потребует, конечно, бóльших усилий и, несомненно, заставит ответственных товарищей по-иному, более внимательно и конструктивно отнестись к проблеме восстановления и охраны блоковских мест?..

Мы бродили по будущему заповеднику, наслаждались поистине великолепными видами и далями, которыми так богат этот район Подмосковья, думали о том, что вскоре придут сюда люди поклониться уже возрожденному Шахматову, которое «не только радовало, но и учило Блока».

Памятник архитектуры XVIII века в деревне Тараканово будет реставрирован.

Здесь рождался и театр Блока.

А. Блок — Гамлет в спектакле «Гамлет», состоявшемся в усадьбе Боблово, неподалеку от Шахматова. 1898 год.

А. Блок с семьей в Шахматове. 1909 год.

ШАХМАТОВО. В БУДУЩЕМ ЗАПОВЕДНИКЕ

Вл. ВЕЛЬЯШЕВ
Фото И. ГАВРИЛОВА и С. САФОНОВОЙ

«Стдушиной океана» называл поэт озеро Бездонное близ деревни Сергеевка.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663